

УРАЛЬСКИЙ
следопыт

ISSN 0134 - 241X

6 (792) ИЮНЬ, 2023

www.uralstalker.com

Бегом по воде

ПРАВИЛЬНО ВИДЕТЬ МИР

КОНВОЙ БД-5

ДЕТСКИЙ ДОМ И НКВД

Июнь 2023

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов –
Н.В. Дудко, Е.Ю. Базаров, Б.А. Долинго.

Худ. редактор, вёрстка – С.А. Секисов.

Редактор видеоконтента – Ю.В. Шлентова.

Корректор – С.В. Мартынюк.

Интернет – Е.В. Марков.

На обложке –

1 стр.: Фото Николая Плотникова.

4 стр.: Фото Андрея Затонского.

Редакция, издатель – АНО «Уральский следопыт».

Редакционный совет – Геннадий Прашкевич,
Вадим Панов, Юрий Казарин, Дмитрий Байкалов,
Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2023 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7 (343) 269-22-34

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №6 (792), 2023 г.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных

технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,

выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле «тема». Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком , публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели,
оформить подписку на журнал
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com»
вы можете через:

- Почтовые отделения России:
- Каталог Агентства «Почта России», индекс П6316
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС»

**Аэлита
Журнал
в журнале**

«Уральский следопыт.uralstalker.com» №6, 2023 г.
Подписан к печати 28.05.2023 г. Дата выхода 04.06.2023 г.
Цена свободная. Печать офсетная. Тираж 11000.
Отпечатано ООО «Периодика», 623751,
Свердловская область, г. Реж, ул. О.Кошевого, д. 16.
Телефон: +7 (34364) 33-66-5.
Заказ №:

Встречный ветер

Экспедиция

**И.ГЕРУЛАЙТЕ,
С.КОНДРАШИН**
Экспедиция
Тритона 15

Живи активно

М.ФРОЛОВ
Весенняя
Башкирия.
Лирическая 42

Путешествие по Уралу

А.ЗАТОНСКИЙ
Соколинка зовёт и ждёт 20

Природа в ладонях

Животный мир

М.БОКАЧЕВ
Лось 18

Пернатые

Н.ПЛОТНИКОВ
Танцующие
в протоке 38

Экология

В.ДЕНЕКО
«Пьяный» лес
за перевалом
Дятлова 46

Река времени

Тропой поиска

А.КОПЫРИН
На безымянной
высоте 3

Далекое-близкое

Н.ЗАПОРОЖЦЕВА
Паровоз по имени
Овечка 6

Далекое-близкое

Е.СТУДЕННИКОВ
Люди тумана 10

Тропой поиска

Н.ВЕХОВ
Трагедия конвоя
БД-5 24

Далекое-близкое

М.ДАВИДОВ
Хирурги-
подвижники 30

Штрихи к портрету

М.БУРАКОВ
Смирнягин 34

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ**Александр Копырин**

Краевед, действительный член Уральского историко-родословного общества, член Русского географического общества. Регулярно публикуется в газетах, родоведческих сборниках и журналах, включая «Уральский следопыт». Автор книги о городе Асбесте. Активно занимается поисково-экспедиционной работой.

Фото предоставлены
автором

◀ Семья Акима Мезенцева

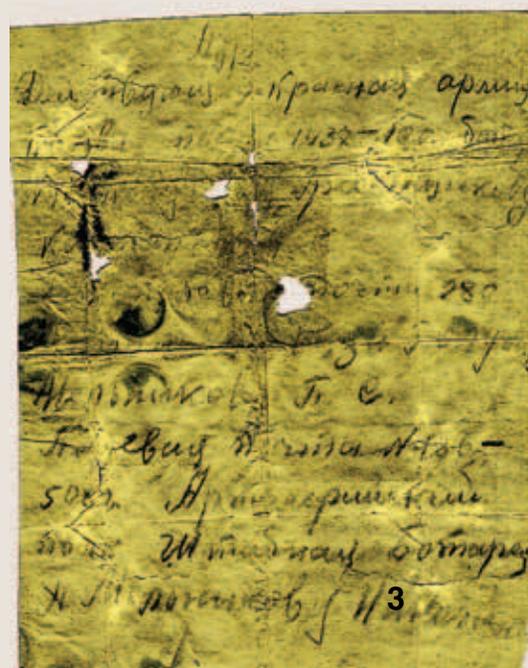
На безымянной высоте

Память о пропавшем без вести возвращается на уральскую землю спустя восемь десятков лет благодаря работе поисковиков и местных краеведов.

Много наших земляков полегло на полях сражений Великой Отечественной войны. В те далекие времена кому-то пришли похоронки, а кто-то до сих пор не знает о судьбе своих родственников. На западных территориях, где велись ожесточённые бои, работают поисковые отряды. Работа этих отрядов, организованных на добровольной

основе, даёт свои удивительные результаты. К руководителю Рефтинского общества родоведов и краеведов Юрию Сухареву обратились поисковики из подмосковного города Коломна. На них же вышли представители поисковых отрядов из Воронежской области. Поисковики искали адрес асбестовских краеведов и просили оказать по-

▼ Лист из документов медальона бойца

◀ Семья Мезенцевых до войны

мощь в поиске родственников погибшего солдата.

В Воронежской области, во время раскопок на местах боёв, были найдены останки солдата Мезенцева Аким Григорьевича, 1898 г. р. из Асбеста, его медальон и личные бумаги. В медальоне сохранился адрес супруги Марии Семёновны Мезенцевой из города Асбеста (посёлок Окунёво). Аким Григорьевич служил в 167-й уральской стрелковой дивизии, которая была сформирована в районе города Сухой Лог Свердловской области в самом начале войны под номером шестнадцать. С декабря 1941 года она именовалась уже 438-й стрелковой дивизией, а с 07.01.1942 была переименована в 167-ю стрелковую дивизию. Наш земляк был призван Асбестовским РВК в апреле 1942 года и погиб в июле этого же года. Боец числился пропавшим без вести, но погиб в бою. Поисковики просили нас оказать помощь в розыске родственников погибше-

го солдата. Информация попала ко мне в пятницу после шести часов вечера. В этот же вечер по всем адресам, которые могут помочь и дать информацию, направил короткие письма.

Внимательно прочитал информацию, быстро сообразил, что солдату на момент призыва было 44 года. Следовательно, у него должны были быть взрослые дети, а возможно и внуки, в то время в семейную жизнь вступали рано. Есть вероятность, что у него были братья и сёстры. И кроме того, в небольших рабочих посёлках, каким был посёлок Окунёво в те годы, все друг друга знали, как говорят в народе «до седьмого колена...». Просчитав на своём примере примерный возраст родственников (мой дед 1893 г. р., я его хорошо помню, знаю его военную и трудовую биографию, его родственников), понял, что должны быть живы его внуки. В отправленном письме я объяснил суть проблемы и по-

просил помочь в поиске родственников погибшего солдата. Официальные органы, в которые можно было обратиться, и которые имеют свои информационные базы, в пятницу вечером уже не работали. Пришлось оставить на рабочие дни недели. Но это был не единственный путь, который мог дать результаты.

Наш город небольшой и, хотя поколения наших дедов, которые начинали разработки асбеста, строили город и уходили на фронт, в живых уже нет, но остались дети и внуки. А память человеческая безгранична. Информация от поисковиков ко мне поступила вечером пятницы, а уже в субботу после обеда благодаря неравнодушным людям, жителям нашего города А. П. Русских и его маме Людмиле Павловне (она лично знала дочерей Мезенцева А. Г.) стали известны имена, фамилии и контактные телефоны родственников погибшего солдата. Все данные были оперативно отправлены руководителям поисковых отрядов. Дальнейшие действия они уже согласовывали между собой сами.

Поисковики попросили прислать им фотографию погибшего солдата. Я в свою очередь попросил прислать всю имеющуюся информацию, в том числе фотографии и краткое описание произошедших событий. Останки солдата были обнаружены в Воронежской области недалеко от посёлка Большая Верейка. По информации, полученной от руководителя работ Леонида Башева, в 1942 году в этом районе шли ожесточённые бои. Территория, на которой были расположены небольшие деревни (на сегодняшний день они не существуют), неоднократно переходила из рук в руки. На одной из небольших высот, около несуществующей на сегодняшний день деревни Чудиново, в заваленном окопе поисковики отряда «Дружина» обнаружили останки трёх солдат.

По словам воронежских поисковиков, нашедших останки, скорее всего солдаты погибли от миномётного огня, потому что рядом с останками найдено большое количество миномётных осколков.

▶ Второй лист документа медальона бойца после обработки

АНКЕТА	
1. Фамилия, имя и отчество военнослужащего	Мезенцев Иван Григорьевич
2. Год рождения	1898
3. Место рождения (область, р-н, уезд, деревня, город)	Новосибирская обл., Барабинский р-н, д. Старо-Кранус
4. Место воинской службы (полк, батальон, рота, взвод)	17 стрел. полк
5. Место захвата	17 стрел. полк
6. Дата и место захвата в плен	20 июля 1942
7. Где и кем обнаружен (полк, батальон, рота, взвод)	17 стрел. полк
8. Где и кем обнаружен (полк, батальон, рота, взвод)	17 стрел. полк
9. Где и кем обнаружен (полк, батальон, рота, взвод)	17 стрел. полк
10. Описание документов и вещей (карты, письма, фотографии, медальоны и др.)	Медальон

11. При каких условиях в плен, убит, захвачен в плен (место, время, способ захвата)	
12. Кто обнаружил: фамилия, имя, отчество захватчика	Мезенцев Иван Григорьевич
13. Родственные отношения (полк, батальон, рота, взвод)	17 стрел. полк
14. Письменный адрес (полк, батальон, рота, взвод), деревня, город	17 стрел. полк
15. Место захвата (полк, батальон, рота, взвод), деревня, город	17 стрел. полк
16. Приложение	

▲ Лист анкеты красноармейца из архива ЦАМО

И впечатление такое, что сверху по окопу крутился немецкий танк, заваливая солдат. Только у одного из поднятых солдат был найден медальон и бумаги. Поисковики переправили их в город Коломну Московской области в поисковый отряд «Суворов». Именно там занимаются восстановлением и расшифровкой, казалось бы, навсегда потерянных текстов.

Расшифровка заняла очень много времени. Бумаги, попавшие в руки Ольги Стружановой, руководителя отряда «Суворов», практически не читались. Это хорошо видно на фотографиях, которые прислали поисковики. Если

на первой фотографии можно увидеть только коричнево-жёлтый, пожелтевший, свёрнутый в несколько раз лист бумаги, то на следующей фото, сделанном после специальной обработки, можно увидеть с трудом просматриваемые буквы. А правильно прочитать их, написанные возможно на колене, в спешке, где-то в окопе, тоже большое искусство. А если ещё учесть, что надпись сделана на каждой из сторон листа... Но лучше приведём выдержки из письма Ольги Стружановой: *Леонид Бацев командир отряда из Воронежа, ещё в апреле написал, что они подняли в Воронежской обл. у посёлка Большая Верейка бойца со смертным медальоном. Кроме медальона ещё у бойца в кармане находился листок бумаги, на котором было что-то написано, но текст было не прочитать. Нам часто присылают такие медальоны. В надежде, что нам удастся вернуть имя воину. И нам удалось это сделать. Хотя шансов было очень мало. Если в листке удалось проявить текст, то медальон никак не поддавался. На листе были написаны полевые почты и адреса, по-видимому, родных. ...Месяц работала над медальоном. Текст поддавался с трудом. Сразу прочитала: домашний адрес Свердловская обл... Район было вообще не разобрать... Потом, привыкая к почерку, буква за буквой прочитали слово жена, а дальше ... Через некоторое время, вернувшись к медальону (дали глазам отдохнуть) и, сверяя буквы в листе и в медальоне, прочитали и там и там, что жена бойца – Мезенцева Мария Семёновна. Затем прочитали и район Азбестовский (пишет через З).*

После прочтения адреса подключила помощников – Дмитрия Гаврина. Попросила его писать письма во все инстанции и начать поиск родных Мезенцевой Марии

▲ Данные из анкеты

Семёновны по адресу, указанному в смертном медальоне. И он, и я начали писать Мезенцевым в контакте и одноклассниках. Кто-то отвечал, кто-то игнорировал. Дмитрий в базе данных Министерства обороны параллельно искал всех Мезенцевых, проходивших как безвозвратная потеря. И ему удача улыбнулась... Появились данные из Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО): ФИО: Мезенцев Аким Григорьевич, 1898 г.р. Место рождения: Новосибирская обл., Барабинский р-н, д. Старо-Кранус Дата и место призыва: 19.04.1942 Азбестовский ГВК, Свердловская обл. Последнее место службы: 167 СД 520 СП. Военское звание: красноармеец. Причина выбытия: пропал без вести. Жена – Мезенцева Мария Семёновна.

Ушедшему на фронт в 1942 году нашему земляку Акиму Григорьевичу было 44 года и было у него четверо детей: два сына и две дочери. Родственники пропавшего без вести солдата до последних дней ждали известия о своём отце и деде. И только спустя много лет пришло известие из далёкого прошлого. Останки красноармейца с воинскими почестями были перезахоронены 21 июня 2018 года в братской могиле около посёлка Большая Верейка (рядом с местом боев) Воронежской области. Всем, кто принимал участие, оказал посильную помощь, содействие и выразил сочувствие, была выражена огромная благодарность. Внуки и правнуки Акима Григорьевича Мезенцева хранят память о русском солдате, погибшем на безымянной высоте за свою малую родину и свободу близких ему людей... **VC**

Паровоз «Овечка»

удмуртия

Наталья Запорожцева

Главный библиотекарь краеведческого отдела Центральной городской библиотеки им. Н.К. Крупской города Сарапула, Удмуртия, член Российского союза писателей с 2019 г. Постоянный автор «Уральского следопыта».

Фото из архива автора

Первый паровоз в России выпустил Воткинский казённый железоделательный завод Вятской губернии в 1847 году, где горным начальником служил Илья Петрович Чайковский, отец великого композитора. Наш рассказ о любимце горожан, легендарном памятнике с ласковым именем «Овечка», стоящем на железнодорожной площади города Сарапула в Удмуртии.

Со строительством в России железной дороги в середине XIX века изменилось всё течение, весь ритм российской жизни, литературы и музыки. А всё началось с паровоза.

«... Зазвенел звонок, раздался гудок, лязгнули сцепления, стукнулись буфера, на платформу упали клубы паровозного дыма, всё вокруг наполнилось шумом, грохотом, шипением, платформа задрожала и мимо перрона, тяжко фыркая дымом, проплыл блестящий паровоз, покатились длинные, новенькие вагоны; скрежетали рельсы на стрелках, бухали буфера и уныло пели рожки стрелочников...». Так описывали писатели железную до-

рогу и паровоз, ставший излюбленным героем русской прозы. Сын железнодорожника писатель Андрей Платонов, с детства влюблённый в паровозы, относился к ним как к одушевлённым существам: *«Семья Петра Савельича была небольшая: она состояла из него самого, его жены и паровоза серии «Э», на котором работал Петр Савельич».* Стремительный железнодорожный пульс эпохи вслед за писателями подхватили композиторы. Глинка, Соловьёв-Седой, Исаак Дунаевский, Тихон Хренников, Родион Щедрин, Иоганн Штраус, а также сын заводского начальника Пётр Чайков-

▲ Памятник паровозу-легенде

▶ Автор идеи Илья Шуклин

ский создали незабываемые музыкальные произведения в новом ритме.

Самым первым в мире локомотивом-памятником был паровоз «Locomotion № 1» Джорджа и Роберта Стефенсонов, установленный в 1841 году на постаменте перед вокзалом в Дарлингтоне. В России железнодорожная эпоха началась в год смерти Пушкина в 1837 году, когда была построена первая железная дорога из Петербурга в Царское Село. 120 лет паровозы верно служили стране и в трудо-

вые будни, и в войну. «Война без железных дорог есть пустейшая фраза», — считал Ленин. Без паровоза не отбросили бы фашистов от Москвы, не отшвырнули бы от Сталинграда — сюда перебросили бамовские рельсы для рокады, ставшей незаменимой в битве. А как без паровоза восстановить разрушенную войной страну, вернуть на место эвакуированные заводы, построить нефтепроводы, электростанции?

Памятники паровозу в России ставят за его русскую душу, которая нарастает — со всеми колесами, поршнями, тормозными колодками, золотниками и буксами. Чумазый, пыхтящий,

▼ Памятник-паровоз Овечка-3705 в Сарапуле

▼ Запорожцев Семён Мефодьевич (1913-1966)

▶ Воткинский машзавод

хрипастый, упрямый паровоз — самый живой из всех машин. Если ехать от Москвы до Владивостока, можно насчитать 16 памятников-паровозов, стоящих на вечном посту у станций Тайшет, Ерофей Павлович, Красноярск, Иланский, Улан-Удэ, Владивосток и др.

12 заводов страны стали паровозостроительными. Первый паровоз выпустил Воткинский казённый железнодорожный завод Вятской губернии в 1847 году, когда горным начальником служил Илья Петрович Чайковский. Завод выполнил уникальный заказ — 48-метровый шпиль для Петропавловского собора Санкт-Петербурга. В 1868 году в Воткинске открылась паровозная фабрика, получившая подряд на изготовление локомотивов. Поскольку железной дороги в Воткинске ещё не было, паровозы грузили на баржи и возле Перми ставили на рельсы. 631 паровоз вышел с завода до 1917 года. Локомотивы Воткинска славились своей надёжностью и высочайшим качеством сборки. В 20-е годы были выпущены грузовые паровозы серии «В1» с усиленной тягой. Позже завод специализировался на выпуске узкоколейных паровозов для лесной промышленности. Я хорошо помню их с детства. Ведь мой отец, Запорожцев Семён Мефодьевич, пришедший с фронта, поступил на Сурскую узкоколейную железную дорогу, отдал ей здоровье и 20 лет жизни. Мне с детства знаком запах мазута от отцовского плаща, я вспоминаю бесконечные аварийные ночные вызовы отца на работу, дрезину, на которой мы с ним ездили в лес по грибы и на пасеку. В феврале этого года у отца 110-летний юбилей.

Первый паровоз для российских железных дорог имел марку «О» — основной. Самые известные и наиболее массовые разновидности — Ов и Од, получившие прозвища «Овечка» и «Джойка». Более 9 тысяч таких «Ов-

чек» и «Джоек» трудилось на железных дорогах страны. Они участвовали как бронепоезда в Гражданской и Великой Отечественной войнах. На Камско-Воткинской дороге работали танк-паровозы, которым присваивались собственные имена — «Милковский», «Троян». В начале XX века на дорогу вышли паровозы серии «Князь Горчаков» и «Григорьев». Затем пошли серии ФД (Феликс Дзержинский) и ИС (Иосиф Сталин). Последний паровоз в Воткинске, бывший «Князь Горчаков», работавший на заводских путях, был списан в 1970 году. Новой продукцией завода стали станки, экскаваторы, драги и другие машины.

Сюжет этого очерка родился у сарапульского школьника Ильи Шуклина, ежедневно просыпающегося под гудки тепловозов и равнодушно к паровозу-ветерану «Овечка», украшающего привокзальную площадь. Архивы помогли Илье узнать интересную судьбу этого паровоза «Ов-3705» с блестящим чёрным корпусом, стоящего на вечном посту у вокзала. Слово Илье Шуклину: «Заглянем в историю. Паровоз Ов-3705 построен Харьковским паровозостроительным заводом им. Коминтерна в 1905 году. К 1903 году завод построил 1000 паровозов. В тяжелейшем 1919 году

молодая рабоче-крестьянская республика была зажата огненным кольцом фронтов и отрезана от своих основных сырьевых и продовольственных районов. Голод и разруха царили повсеместно. Комитет бедноты Сарапульского уезда принял решение собрать и отправить хлеб в помощь голодающим Москвы и Петрограда. Делегаты съезда организовали на местах сбор хлеба. Каждый двор внёс свою долю. 18 февраля 1919 года Сарапульским Упродкомом отправлена телеграмма В.И. Ленину: «В январе на уездном крестьянском съезде комитетов деревенской бедноты в г. Сарапуле было постановлено: собрать со всех волостей бесплатно в подарок красному Петрограду и Москве 80000 пудов хлеба, каковой маршрутными поездками, с сопровождающими выборными от волостей, направить немедленно 50 процентов в Ваше распоряжение для пролетариата Москвы и 50 процентов — для пролетариата Петрограда».

17 февраля 1919 года со станции Сарапул отправился состав. На одном из вагонов адела надпись: «Срочный

▼ Воткинский железнодорожный завод

▶ Запорожцев С. М. с машинистами, Сурская УЖД, 1960-е гг

Уральский следопыт, июнь 2023

груз Ленину — дарственный хлеб от крестьян Сарапульского уездного съезда комитетов бедноты». Одним из машинистов Ов-3705 в те годы был Василий Мымрин. Долгих три недели добирался эшелон до Москвы, останавливаясь на станциях из-за нехватки то воды, то топлива для паровоза. Наконец, 11 марта сарапульский хлеб прибыл в Москву. Один эшелон с 40 тысячами пудов сразу отправили в Петроград. Остальной хлеб сдали под охрану в Москве представителю Наркомпрода. 12 марта делегацию принял В.И. Ленин. Он тепло и душевно беседовал с крестьянами. Ленин высоко оценил патриотический поступок сарапульских крестьян, назвав его замечательным подвигом.

Спустя годы у профессора НИИ истории языка и литературы Уральского отделения РАН Кузьмы Ивановича Куликова возникла идея установить в городе Сарапул памятник, увековечив подвиг сарапульских крестьян. Начались поиски легендарного паровоза. Его случайно нашли в 1970 году в Тульской области, где завод готовил его к сдаче в металлолом. Туда срочно выехал начальник цеха локомотивного депо И.П. Максимов. И точно — это была наша «Овечка», вся проржавевшая. А номер тот самый — 3705. Тульские железнодорожники взялись подготовить паровоз к далекому рейсу. Подняли машину, выкатили колесные пары, подбили буксовые подшипники. Решили по рельсам доставить ветерана в Ижевск. И пошёл «ветеран» из Тулы в Ижевск. Впереди — тепловоз, за ним — «Овечка». Предельная скорость состава — 25 километров в час. Ремонтники станции Агрыз получили особый заказ: подготовить паровоз к вечной стоянке. Ремонт был сделан

на совесть. Уже в Сарапуле легендарному паровозу вместо стёкол вставили металлические листы, покрашенные белой краской, закрыли металлом проём между паровозом и тендером, да и сам тендер.

В ремонте исторического паровоза, в возведении его на постамент, в благоустройстве прилегающей площади приняли участие многие сарапульские предприятия и организации. Паровоз, окружённый фонарями в виде золотых колосьев, удачно вписался в городской пейзаж. В июне 2006 года руководство Ижевского отделения Горьковской железной дороги решило не проводить реставрацию «Овечки», а заменить его паровозом серии «Эр». Это вызвало массовые протесты жителей города. Люди вышли на митинг в защиту паровоза. В результате 9 сентября того же года отреставрированная «Овечка»

была вновь установлена на привокзальной площади. Два года назад паровозу исполнилось 120 лет.

В середине XX века паровозы ушли, как исчезли динозавры. Они сыграли свою роль и окончательно превратились в символ. 568 паровозов-памятников и просто локомотивов установлено на территории России, Украины, Белоруссии, Казахстана. Многие из них, стоящие в музеях, на привокзальных площадях пока могут ездить, но всё меньше и меньше машинистов, что могут заставить паровоз повиноваться. А на железной дороге появились современные локомотивы, обновлённые двухъярусные вагоны, скоростные составы. Я верю, что Илья, проявляющий столько интереса и любви к локомотивам, непременно осуществит свою мечту и станет отличным специалистом-железнодорожником. **УС**

www.uralstalker.com

СПОРТИВНЫЙ ЦЕНТР Верх-Исетский

**ОТКРЫТ
НАБОР
В ДЕТСКИЕ
СЕКЦИИ**

БАССЕЙНЫ

ФИТНЕС-КЛУБ

СПОРТЗАЛЫ

УЛ.КИРОВА, 71

WWW.VIZSPORT.RU

Люди тумана

▲ Синаро-Уральский винокурный завод XIX века (по-деревенски назывался Гончаркой)

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Евгений Студеников

Родился в с. Воздвиженка Каслинского района. Учился на токаря в Каслях, работал там на машзаводе, выпуская гранатомёты для Вьетнама, потом — на предприятии Челябинска-70 (г. Снежинск). С молодости увлекся историей родных мест. Слушал и записывал рассказы старожил, в том числе бабушки Е.М. Васильевой, пожившей ещё «при помещике». Собирает предметы быта, фольклорный материал, старые фотографии, изделия домашних промыслов. В городской газете «Вестник» открыл и вёл рубрику «Истоки». Сотрудничает в «Южноуральской панораме», «Каслинском альманахе» и снежинском «Свете памяти», местных газетах. Живет в Снежинске.

Фото автора

Сказы бабушки леса были поведаны автору-краеведу при личных встречах на берегах озёр Синары и Окункуля.

Свои краеведческие статьи я всегда зарабатывал по живой памяти, но в своих воспоминаниях люди могли ошибиться в датах или просто перепутать события. Я частенько выезжал в Воздвиженку для уточнения. В этот раз была цель: ещё раз обследовать место у Окункуля «Богомолку». Пройдя до «грязи», свернул влево на «Зимник», идя по этой, уже заросшей, дороге, к той поляне с небольшой горкой и мысом «Корабль». Вдруг я увидел большую, толстую сосну лет видать под триста (сколько проходил в этих местах такую не видел). Пусть вам будет смешно, но, увидев такие деревья (я их называю «Бабушки леса»), подхожу к ним, обнимаю и прошу поделиться своими знаниями и увиденным из прошлой жизни. Так сделал и в этот раз.

Вот и поляна, где стал присматриваться ко всяким мелочам. Поднялся на горку, но ничего примечательного не увидел. Тут подул освежающий ветерок с Окункуля, потом стал заметно надвигаться туман, который шёл плотной стеной. Сойдя с горки, вышел на «Зимник» и повернул в сторону деревни, уже стало плохо видно даже дорогу, которая вдруг стала наезженной, ходовой. Мне показалось, что небольшое расстояние шёл около часа. Ту-

▲▼ Заводская столовая и кухня

ман стал оседать, воздух вдруг стал пряным, тут показались вдали строения, но довольно-таки странные. Я понял, что это Воздвиженка, — по заводским трубам, которые почему-то дымил.

Выйдя из леса, пройдя через ворота околицы, обратил внимание, что нет «посадок» молодняка, сосняка, здесь посаженного в середине 50-х, а стоят здесь на «задах» крепкие хозяйственные постройки типа амбаров и длинное барачного типа обжитое строение. Далее пошёл, чтобы выйти на большую улицу. Ищу проулок там, где потом пройдёт узкоколейка на «торфяник». Нашёл. Иду, и меня удивило, что огорды не загорожены, все ограды из камня. Выйдя в улицу (она мне показалась широкой и пустой), только у одной избы дети играли, видать, в «бабки», избы не так новы, вижу полуземлянку без надворных построек и ограды, один домик сложен из самана, крытый камышом, есть из плах, крыши на многих строениях поросли мхом. В рамках окон вставлено в основном стекло, есть и сплошные. В землянке рама затянута мутным бычьим пузырём. И тут моему взгляду предстала белая каменная ограда, опоясавшая усадьбу помещика, идущая до озера, у которой на пристани в воде стояла водовозка, и женщина черпаком набирала в бочку воду. Вездные ворота с улицы и проёмы ограды закрыты. Внутри ограды, ближе к озеру, видны два больших каменных строения, как мне уже известно,

столовая и жильё для специалистов. Рядом — сарайки-дровяники, кирпичного здания кухни ещё нет, его построят в 1912 году; видны на берегу дом и кухня с невысокой трубой. У ограды, где расположены сейчас магазины, стоит склад и строение с надписью «Лавька Общества Потребителей» и «Кабакъ». Напротив — в островке из кустов видна будка сторожа, похожая, скорее всего, на пост часового. Улица в постройках в два порядка, что дальше за горками не просматривается. Часовенки не наблюдаю, значит, поставят позже. Все оставшиеся на наше время каменные дома выделяются своей белизной.

Вдруг слышу из ограды дома: *«Настюха, натаскай воды ф кадку десить дружков, полну, а то рассохнитца, да и Мишку вицей отстегай, пуццай кур не имает»*. Смотрю у избёнки, скатанной из брёвен чашкой вниз и резными наличниками с иконкой на ограде, на завалинке сидит старичок. Перед ним стоит колода, на которой лежат плашки и тесак и несколько связок наструганной лучины. Решил подойти к нему, но сразу не подумал, что моя современная одежда может напугать его. Поприветствовав его поклоном и снятием с головы бейсболки, которую я быстро засунул в сумку, спросил разрешения присесть, на что он ответил: *«Завалинка-то небольшая — от поместимся, небось, сидь, сказывай, господин, откудава-от следовашь, ис чьих ты будешь?»*.

Этот вопрос меня поставил в тупик. Как я ему это объясню? Начал с того, что я местный, только родился в 1950 году. Иду с «Богомолки». Он искоса посмотрел на меня и даже отодвинулся.

— Не бойтесь меня, я в здравии, вот в этом доме, что рядом, я жил, т.е. буду жить, здесь жила моя бабушка «Губиха», а в доме, где сидим, жил Алексей Назаров.

Он мне в ответ:

— Ты бай, я не с пужливых, за свою жьсь многое-от повидал и пережил, а оные «Губичи», которы с Уфалею пришли от Губина, ызба их тама на проулке, сдись коренуют Анцигины, а тута я, и прозывают меня-от на деревни Иван Никитичом. А на мысу «Богомолка» жил дивно время скитник, щас там «сгонщик» проживат, озеро охранят-от. Дак-от как тебя величать?

— Евгений, — говорю. — А у вас есть родственники в Полевском?

— А ты откудава знаи? Ф Полевском и на Зюзельке есь, я сам оттедась, летось наведовался внучатой племяш-от с другом, я ево привечаю.

— А вы знаете, что Павел, друг вашего племянника, станет писателем и вас упомянет в своём сказе про Шарло?

— Паика-то, я знал, чо из ево толк выдет, он нотный и даровитей мово нухтея. Он лне гумагу в контору кумекал. А про Шарло веть я емя побасёнку обсказал, рисунок-то тот пастух Филька выбил ковынным звоздём-от на камне за «Глубокой пристанью», посля байку пустили, кажный своё прибавил, и я тош. А Шарло таково не былось в Каслинском заводе-от, я сколькоф годоф тамася проробил, знаю. Вот приехыл сюды, сдись, како место, воздух уш больна слаток, хучь бражонку ладь, а в Каслях чижольый.

— Иван Никитич, а кто живёт сейчас на «Сайме»? Он, сдвинув брови, посмотрел на меня. Тогда я переспросил: «На Марино?»

— Аа, была така Марья-то давно-от, не нашей веры, пришла неведому откудава, поселилась на отишибе, состроила балаган-от, Храм ф Клеопине не посещала, а молилась, выходя на горку. Там иё и убило громом, погребли недалеча от балагана, а посля иё, перво время жил в ём ссыльный лекарь из декабристов-от, бают, знатный был-горотской, к иму фсе шли. Посля помогли-от иму всем миром поставить саманное жильё по толму порятку ф краю, а посля прикатил урядник и увёс ево. Нам на лекарей везло-от, ране Шнез был, не зря нас теперь «лекарскими» обзывают.

— Сразу опять вопрос. Когда построили дома под «Саманской» горкой, показывая в ту сторону?

— Не кака она веть не Саманска, а «Азбестова». Годоф шисть назад, как выстроили дома сибе работные, привезённые с «цен-

▲ Вид на заводское общежитие со двора (школа в советское время)

тру», они и сладили быстро под угором. Имя наши подмогли, глину брали за Известковым заводом-от, там её уйма сортов, заводы берут, и для печников годна. А лису имя не дали, не отработавши ане на «Чище» в Урале. Камыша, на верх на озере уйма.

— Почему деревню назвали Воздвиженка?

— Дак, вот, када на Клеопинский храм Крест воздвигали, тада и назвали, по их приходу. Тама и погост наш, ф начале этого веку Храм полностью сгорел. А посля в деревнях-от стали стропить часовенки, на Анджалах на двенадцатого Апостола Христа — Клеопу, в Григорьевом на Григория Богослова, ф Карагузе на Знамение, дак посля и стали называть деревни — Клеопо-

во, Григорьева, Знаменска, ну а мы их опеть сичас по старинке называм Анджалы, Карагус (жителей — коковошники), а Клеопино по хозяйину, хотя знам, што это Воскреснофка.

— Глико, мил человек модишя, справа у тебе господска, иш кака обувка, у нашего помещика таких баишмаков нетути, значит ты тама справно бытуеши.

— Да, Иван Никитич, жизнь там, полгече конечно, особенно в городах. А вообще страна пережила много разных событий, Первую мировую войну, революцию, тогда свергли Царя — батюшку, не стало помещиков, крестьян личной землёй наделили, была Гражданская, тогда народ стал кто за красных, кто за белых, затем

▼ Вид на общежитие с озера

стали сносить Храмы и убивать священников — Нали? Пришла Вторая мировая война, когда немец, завоевав Европу, пошёл на нас, но отбили его, страна потом долго отдыхала, ну а потом наступили трудные перестроечные года, до сих пор выкарабкиваемся. В Воздвиженке один стекольный завод работал и тот потом закрыли, народ вымирает, стали дома покупать горожане из Екатеринбурга, который было, назвали Свердловском.

— На вот? Или чо деется!

Никитич, задумчиво смотрел вниз, вода своим бадожком по земле.

— Футы-нуты, лапти гнуты чо, сам-деле это? Я чо баю, значит, не будет нам легче, а так хочется, штоп пожить баско. Я-от маракую хорошо, чо не доживу до тех

времени, только опеть жаль моих правнучков.

— А, почему в деревне не видно людей?

— Так нарот фсе в заводах, пока ведро, нет дожда — на еланиях, на кулигах, ноне косево рано семена бросила, на отработках в лису, не отработали, помешик в лес не пущат, мужуки у Акункуля канавят, в Урале для заводу лес кряжуют, дети шишку в завод готовят.

Мимо проехала водовозка. На бочке сидела женщина. Из бочки торчала длинная ручка черпака и ритмично выплёскивалась вода. Рядом шла женщина с граблями и с ребёнком за спиной, привязанным шалью, неся завернутый в узелке обед. Они о чём-то разговаривали.

— Вот хочю пройтись по деревне, посмотреть.

— Айда, а то невдолге Злоказов прикатит сюда на дачу. Сёдни по утру он укатил со своими черкесами проверить на полях «сажонки», по имя ноне така шишко духовита клубнига пошла, там ягот ладно, а нарот без спросу собираат. Черкесы врас урезоняат нагайками, да коньями стопчут. Заедут на Хромовый рудник за Акункулем, и готовку кирпича для заводу проверюат на заводской Черкаскульской даче, ступайот, а то взыск будет. Фсе хаюат ево, году

два, у суседа бабу собакам затравил, не выходили иё, помучилась пару дний и сгинула, оттели, да на погосте у Храма в нашем углу закопали. Не понраву иму стало, как она пол поскребла, побил да и вытнул к собакам, а оне у ево злочие, как и он сам, погибли на ево нетути.

— Вот и меня лонись на Воздвиженье, когда я сдыгал и кинулси опрометь бежати ейный пёс за ногу кусил и порушил её, час маюсь, ещо портки порвал.

— Ты усадьбу обходи, а то натокашис на собак. А то айда ись, ушицы похлебаш, в печи упрела, утресь у кузни наудил, виши щас шишко далеко не брожу, ноне не кондовый стал, айда окуньками поплёишис. Уха шишко фкусна.

Я поблагодарил за приглашение и беседу, попрощавшись, поклонился ему, он перекрестил меня, со словами: «Айда с Богом».

Выйдя на горочку, с бившим из-под неё двумя родниками, пошёл вдоль каменной ограды поместья. За нею были видны небольшие тополя и дубки, и само деревянное строение с верандой в сад. Через несколько метров ограда с изломом повернула к озеру на скалу, там было видно большое красивое здание «Гончарки» т.е. Синаро-Уральского винокуренного завода братьев Злоказовых, а левее — приличное одноэтажное кирпичное строение с невысокой трубой и всякими сарайками. Территории заводов огорожены, территория стекольного завода была небольшой, её большая часть под штабелями дров, торфа, кучами корней, песка и мрамора, дальше стояли небольшие корпуса и высокая труба. К винокуренному заводу вела наезженная дорога, которая поворачивала к стекольному и к транспортным воротам усадьбы.

Меня заинтересовало, почему ограда идёт с изломом? Тут, в ограде, были два проёма: один — с аркой, дневными и ночными воротчиками, вёл во двор, а другой — транспортный, дальше. Слева, напротив арочных ворот, стояло три дома барачного типа и один каменный, видать, здесь жила прислуга; рядом прикопана банька «по-чёрному» с пологом на входе. Повернув в улицу, дошёл до деревянного моста через Окун-

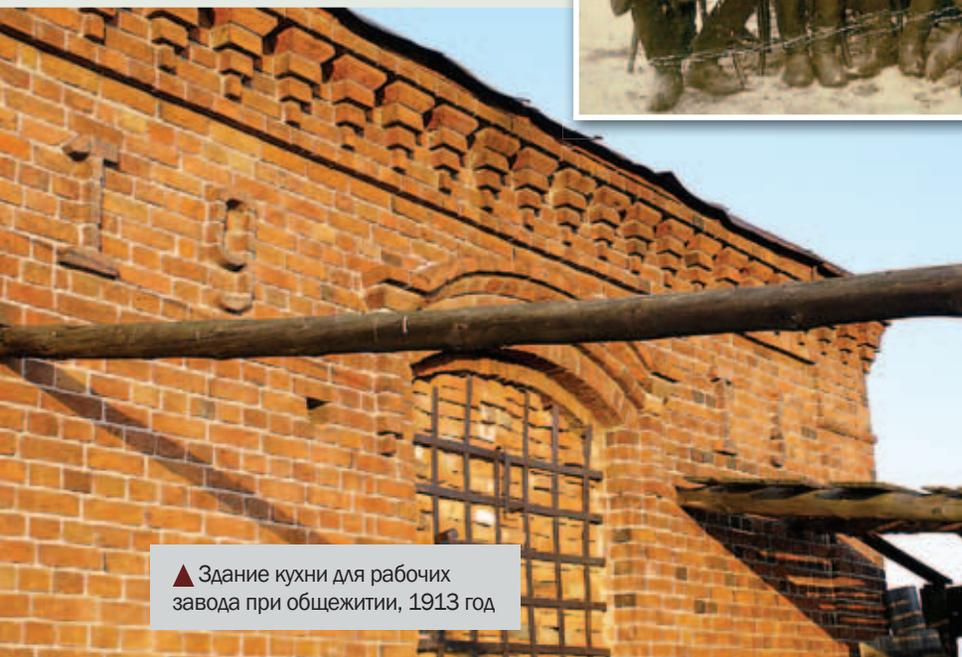
▼ Двор старинной усадьбы

кульскую речку, дальше не пошёл. Отсюда были видны большие корпуса химического завода и бараки для рабочих, дымили две трубы; справа небольшой заводской пруд со сбросом воды в болото. Вдали просматривалась небольшая Манаевская улица, но не видно было «Кособродовку», под «Саманской» горкой белели мазанки, это саманные дома с крышами из камыша.

Пройдя по деревне, вдруг вспомнил, ведь мне надо как-то возвращаться. Решил пройти этим же путём

▲ Коллективное фото в усадьбе со стороны веранды, в центре — лекарь Овчинников Алексей Антонович, 1900 год

▲ Здание кухни для рабочих завода при общежитии, 1913 год

и выйти на «Зады» и также по «Зимнику» в сторону Окункуля. Думал ещё задать пару вопросов Никитичу по усадьбе, но его уже не было на завалинке. Опять прошёл через прясла околицы, вышел на «Зимник» по правую руку услышал звон ботала, это по поскотине гулял табун; иду и думаю: «Почему Никитич охотно общался со мной и поверил, может, из интереса или наскучал от одиночества»? Опять появился туман. Держась дороги, направился к «Богомолке», когда туман спал, я уже шёл в сторону «Курушовки» и искал ту самую толстую сосну — «Бабушку леса», хотел поблагодарить её, но, видать, где-то прошёл. Выйдя к посёлку, радостно смотрел на привычный вид, по времени вышел к автобусу.

Сидя в автобусе, начал анализировать. Сайму он не знал, значит, это более позднее название места; видать, во времена арендатора озёр Грутнева, когда были рыболовные артели и их стоянки так называли от финно-угорского Саймэ — залив, богатый рыбой. Саймы были на Ит-

куле и Увильдах. Теперь можно откинуть версию по названию «Марино». Я предполагал, что некоторые берега озёр называли «Марена», отсюда и пошло это название. Богомолка, получается, была уже так названа раньше, тут мне рассказывали, что после сноса часовенки в Воздвиженке в тридцатых годах народ стал ходить на Богомолку Крестным ходом. Видно облюбовали это место деревенские, и оно стало культовым. Был также прав Пьянков из Клеопино. По названиям деревень и часовен в своём дневнике, хранящемся у меня, написанным гуси-

ным пером, про свой род. Права моя бабушка про каменный забор, который шёл до озера и по берегу, за которым была каменная кузница с рядом стоящим домом. Права моя мать про другое здание Винокуренного завода, которое снесли, только осталось видно место, если сейчас смотреть со спутника.

А вот по ограде? Думаю, что усадьбу с оградой, которая тогда шла прямо к берегу, строили одновременно, скорее всего, Турчаниновы — Зубовы. Потом Беленьков, Злоказов, выбрав твёрдые скальные грунты для постройки винокуренного, пожертвовали частью своего двора, перенесли ограду. А потом уже, после революции, оставив фасадную часть ограды с улицы, боковые, идущие до озера, разобрали и использовали для строительства школьного спортзала, подпорных стен школы и конного двора.

И вообще, что это было, сказочный сон о туманном прошлом?

Зайдя домой, жена спросила, — ты же говорил, что на день едешь! У кого ночевал? ☒

▼ Усадьба, вид с улицы

Экспедиция Тритона

Уральские дайверы подняли со дна реки Тобол свидетельства древнейшей фауны: кости мамонтов, пещерного льва... Были обнаружены и зубы нового вида ископаемой акулы, и фрагменты костей древнего носорога эласмотерия (единорога).

На окраине города Кургана, рядом с посёлком Вороновка, дайверами было обнаружено уникальное место. Река Тобол локально, на протяжении одного километра, вскрыла несколько слоёв осадочных пород, обнажив как эпоху плейстоцена, так и дно Тургайского пролива Западно-Сибирского моря, возраст которого около 38 миллионов лет.

Сергей Кондрашин

Руководитель дайв-центра «Тритон», руководитель экспедиционной секции Свердловского отделения Русского географического общества.

Ирина Герулайте

Журналист, выпускник УрФУ. Закончила музыкальное училище имени П. И. Чайковского (по классу специального фортепиано). Работает преподавателем джазовой импровизации, устраивает концерты. Увлекается походами по Уралу и изучением минералогии. Автор цикла песен по творчеству П. Бажова и Р. Желязны. Публикуется в издательствах Санкт-Петербурга и Казани.

но под водой, так как все обнажения древних пород расположены на дне Тобола. В чём состоит работа дайвера-палеонтолога, что уникального для науки они поднимают со дна, какие знания им нужны и какие черты характера воспитывает в человеке эта работа?

В чём ценность этой части Тобола, где ведётся поиск? Вороновка — действительно уникальное место. Его необходимо охранять, очищать от мусора, облагораживать, беречь. И, по возможности, придать статус охраняемой территории. Силами уральских дайверов со дна реки были подняты кости мамонтов, пещерного льва, шерстистого носорога, бизона, сайги, лося, благородного оленя. Большинство из них находится теперь в различных музеях России, над другими же ведётся исследовательская работа. Погружения соверша-

**ТЮМЕНСКАЯ
ОБЛАСТЬ**

Фото Елены Малафеевой

ются исключительно зимой: в холодное время года вода в реке более прозрачная, искать легче, поскольку поиск ведётся визуальным способом.

На Вороновке, в местонахождении мамонтовой фауны, уральские дайверы работают уже девятнадцать лет. С помощью находок этих бесстрашных людей учёные шаг за шагом делают выводы об эволюции животного мира Земли. Таким образом, знания об истории жизни на Земле постоянно дополняются. Интересно, что исследованием акул в этих местах учёные занимались давно, в 1990-е годы, потом оно практически прекратилось. Учёные Института экологии растений и животных УрО РАН, с которыми постоянно сотрудничает дайв-центр «Тритон», считают это место очень перспективным.

Если говорить о философии ценностей, мировоззрении подводных палеонтологов, то одно из главных свойств, вырабатывающихся в профессии — по-

▲ Плечевая кость мамонта

вируют на новые экспедиции. Дайверы, по сути своей, — люди поиска. Порой даже не так важно, где искать: подо льдом, в пещерах или в шахтах. Если ты правильно мыслишь, правильно видишь мир — ты своего добьёшься. Погружения под лёд, которыми занимаются энтузиасты дайв-центра «Тритон», — это увлечение несколько иного рода. Это высший пилотаж в дайвинге. Там другая техника погружения, другой адреналин и ощущения. Поэтому к этой работе, которая во многом похожа на профессиональный спорт, люди готовятся постепенно, в течение многих лет. Здесь важен реальный опыт. Уже четверть века профессиональные инструкторы «Тритона» занимаются

◀ Зубы ископаемой акулы — возрастом около 32 – 34 миллионов лет

стоянное расширение кругозора. Археология и палеонтология, как науки, не стоят на месте, находятся в развитии: «Чем больше узнаешь о жизни на нашей древней планете, тем шире смотришь на всё, что происходит в жизни. И, конечно, первая находка — первая удача — становится стимулом для следующих погружений. Удача вообще ценна в этой работе, она создаёт настрой. Река всегда проверяет тебя на везенье. 90 процентов — безусловно, рутинная работа, но 10 процентов — удача в этом, довольно азартном, деле».

Людям во все времена было свойственно искать сокровища. Азарт поиска, перспектива найти нечто новое, интересное для науки — моти-

Уральские экспедицы, июнь 2023

▲ Группа поддержки

обучением людей дайвингу и организацией безопасных погружений.

В 2022 году на реке Тобол в районе посёлка Вороновка наша команда обнаружила зубы нового вида ископаемой акулы. Учёные назвали её *Anomotodon triton* — это предок современной акулы-

няшний день известно, что в бывшем Тургайском проливе обитало четыре вида ископаемых скатов. В 2023 году дайв-центр «Тритон» занимается поиском в том числе и останков древних скатов. Трудность подводного (подлёдного) поиска в том, что зубы у скатов очень маленькие, всего несколько миллиметров. И находка зубов древней археоманты — предка современной ман-

▲ Спуск на берег реки непрост и азартен

◀ Командная работа

гоблина возрастом около 32 миллионов лет. В научном мире это стало событием. Анамотодонты — редкие глубоководные акулы. Это так называемая домовая акула. Благодаря очень устойчивой эмали зубы акул сохраняются такой долгий период. Название же акулы было дано в честь легенды о Посейдоне и дайв-клуба «Тритон». Находка зубов ската в 2022 году также стала уникальной. Дело в том, что в мире крайне мало специалистов по скатам. Сложность изучения скатов в их большой видовой изменчивости. На сегодня

ты — в перспективе может стать научным открытием. В настоящее время ведётся обработка материала, продолжаются исследования.

Безусловно, для людей, погружающихся под воду, важны глубокие знания палеонтологии, археологии, истории. Дайвер находит только то, что знает. Приходится посещать различные музеи, что расширяет знания дайверов о предмете поиска. Уровень ответственности очень высок, потому как все экспедиции «Тритона» проходят под флагом Русского географического общества.

В местонахождении мамонтовой фауны под Вороновкой дайверами

▼ Подо льдом снаряжение замерзает, приходится его отогревать

были обнаружены окаменелые позвонки рыб, раковины брахиопод, а также новый вид ископаемого бизона *Bison priscus X* — ранее не известного науке гибрида первобытного степного бизона и самки тура, вымерших в конце плейстоцена. В этом же месте исследователями подняты из-под воды останки эласмотерия (единорога), одного из последних эласмотериев на Земле, имеющего возраст 34500 лет.

И ещё раз о характере, жизненно необходимом в подводных исследованиях. Это, прежде всего, интуиция. Для человека, который по работе постоянно подвергается опасности, интуиция становится ценным инструментом для того, чтобы, собственно, остаться живым. А хорошие, доверительные отношения между членами коллектива — это абсолют, без которого обойтись невозможно. Команда формируется годами. В этом деле нужны не два-три человека, а большой коллектив. Люди проверяются на прочность, чувство локтя, многие другие человеческие качества. Если же есть доверие команде, тогда ты спокоен и точно знаешь, что эти товарищи тебя не подведут. Того, кто будет страховать при погружениях под лёд, дайвер выбирает сам в день погружения. Чуйка, осторожность, интуиция — верные помощники дайвера-палеонтолога. 📷

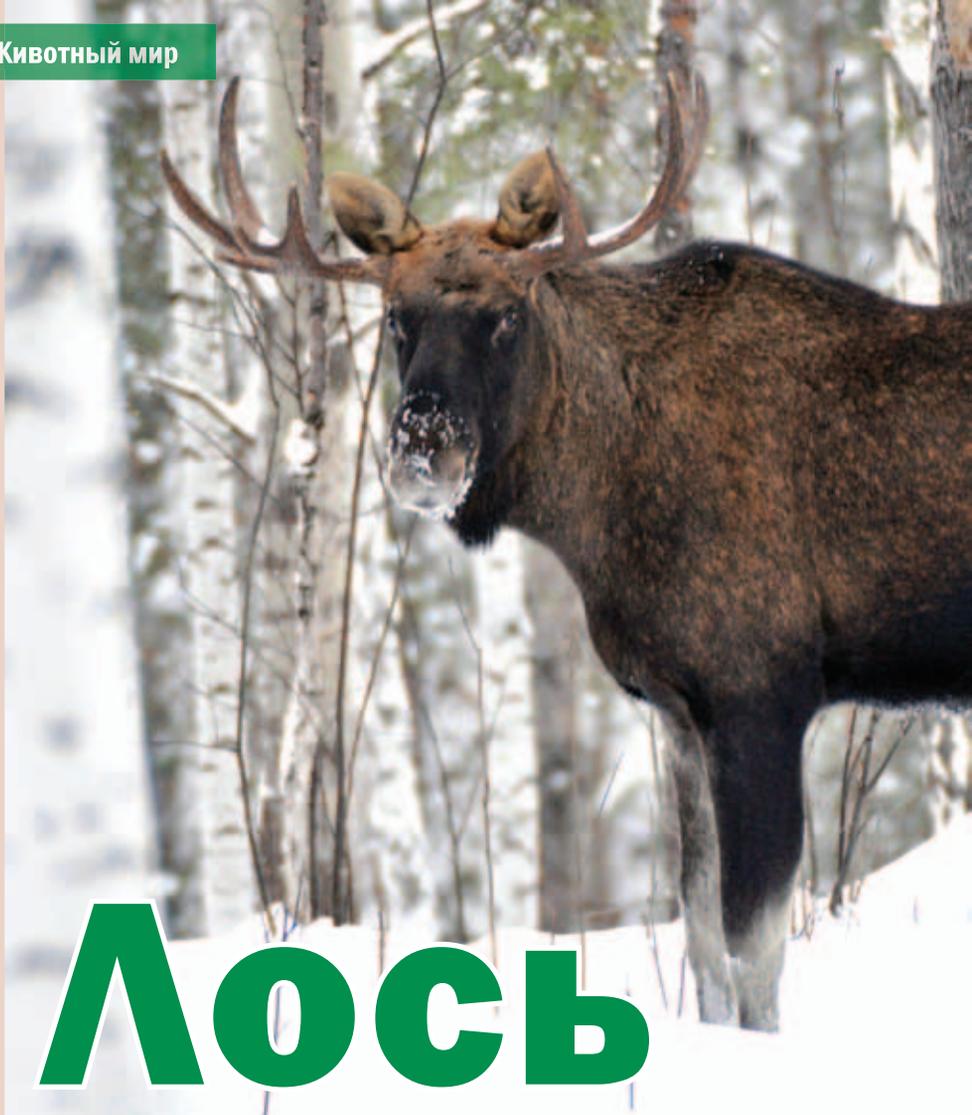
СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Михаил Бокачев

Родился в 1952 году в Магаданской области; окончил Уральский государственный университет; работал егерем опытного хозяйства «Малый Исток». Работал с 2000 г. заместителем министра природных ресурсов Свердловской области, директором Департамента по охране животного мира.

Фото из архива автора

► Лось зимой

Лось

Лось — один из самых крупных животных наших лесов. Его высота в холке может достигать 2,3 и более метра, а вес 570 и более кг.

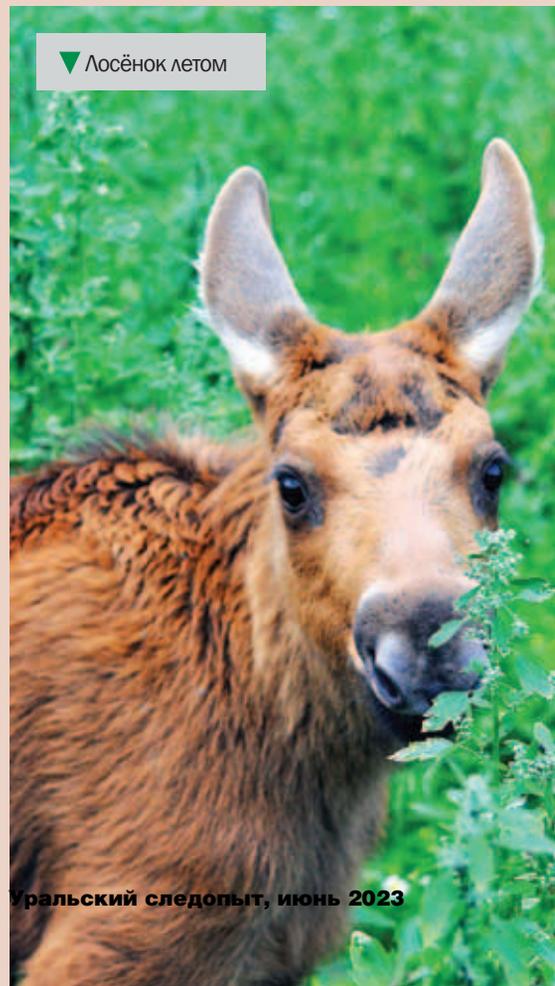
Для таких больших размеров лось быстро бежит. Он может развивать скорость более 50 км/час. Правда, долго бежать с такой скоростью лось не может. Размах рогов у самцов лоса бывает 1,5 и даже 1,8 метра. Вес рогов может достигать 20–30 кг. Интересно то, что каждый год, в начале зимы, лось скидывает свои огромные рога, а весной они вырастают снова. В настоящее время лось распространён по всей территории нашей области, хотя ещё в тридцатых годах прошлого века южнее линии Сысерть — Асбест — Егоршино лось практически не встречался, а в начале прошлого века граница его ареала проходила ещё севернее.

Лось — типичный обитатель лесных, даже таёжных, районов. Особое значение для лоса имеют осиновые, осиново-берёзовые и сосновые молодняки в возрасте до 15 лет и ивняки. Именно эти породы являются осно-

вой зимнего питания лосей. И именно нехватка этих кормов служила причиной регулярных зимних миграций лосей, которые затрагивали практически всю территорию области в XIX веке. Лоси перемещались осенью с западных склонов Уральского хребта на восточные склоны, а весной — обратно. Длина миграционных путей достигала 200 и более километров.

Ко второй половине XIX века в нашей области значительно увеличилась заготовка древесины. Появилось большое количество вырубок, заростающих молодняком, что создало прекрасные кормовые условия для лосей. Миграционные процессы начали резко сокращаться. Сейчас, может быть, правильнее говорить не о миграциях, захватывающих всю популяцию, а о сезонных кочёвках, когда в горных районах лоси зимой поднимаются из низинных мест на склоны, где мень-

▼ Лосёнок летом

◀ Без рогов

ше снега, или о кочёвках, связанных с превращением многокормных молодняков в малокормные средневозрастные леса и с зарастанием вырубок.

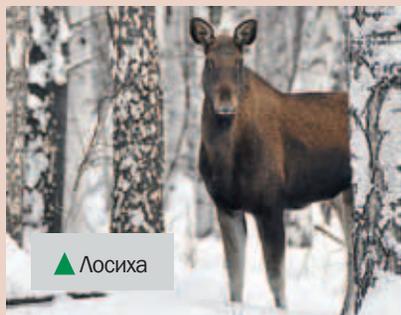
Говоря о кочёвках лосей, нельзя не упомянуть о заходах лосей в города, которые случаются довольно часто. Обычно это происходит в мае — июне. В это время происходит отел, и самки отгоняют прошлогодних телят. Эти молодые лоси в поисках новых мест обитания и заходят в города. Интересно то, что эти лоси часто практически не боятся людей, позволяют близко подходить к себе. Вообще, лоси неплохо приручаются. Когда я работал егерем Малоистокского охотхозяйства, мне приходилось даже ездить верхом на лосихе, содержащейся в вольере охотхозяйства.

Многих интересует, может ли такой крупный зверь, как лось, быть опасен? Как правило, лось убегает при по-

явлении человека. Но, например, если неожиданно появиться перед лосихой с лосёнком, она может кинуться, защищая своё дитя. В этом случае она может быть опасна, так как даже один удар копытом может весьма печально закончиться для человека. Также опасным может быть и самец лося в период гона. Но всё-таки такие случаи очень редки.

Люди, несведущие в охотничьем хозяйстве, часто считают, что зверей, особенно крупных, в наших лесах становится всё меньше. Однако, это совсем не так. Скажем, в 1969 году численность лосей на территории Свердловской области составляла всего 9 тыс. особей. Сейчас численность лосей превышает 44 тысячи голов. Это увеличение численности связано с улучшением кормовой базы, усилением борьбы с браконьерством и развитием охотничьего хозяйства. **УС**

▲ Лосиха

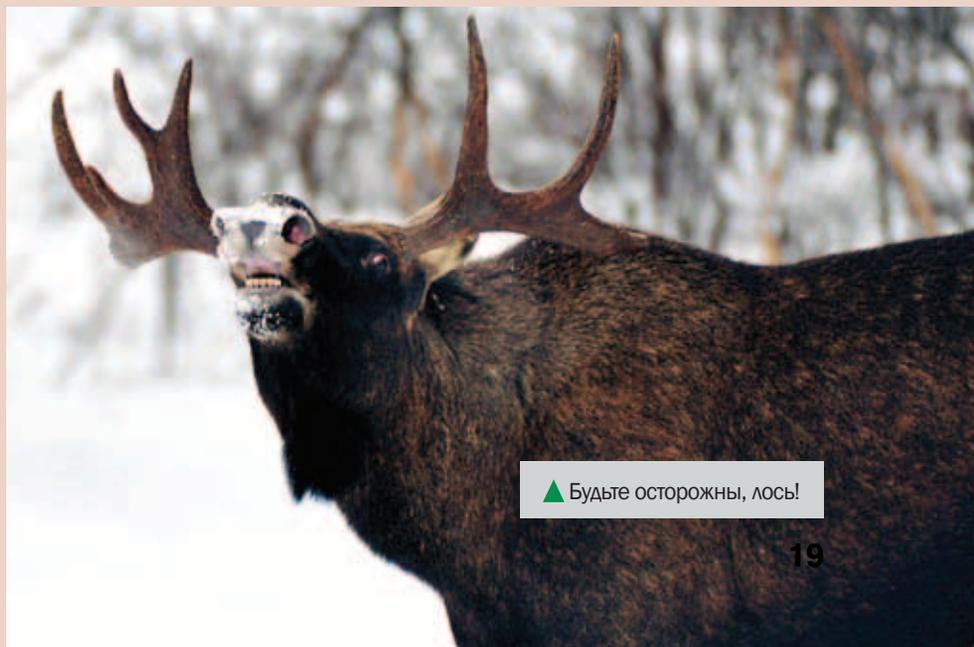

▼ Лось у солонца

www.uralstalker.com

▲ Будьте осторожны, лось!

Посмотреть на мир с вершины
 Не напрасно мы решили,
 Пусть вершина та пока не высока.
 В одиночку это трудно,
 Ты попробуй лучше с другом,
 И узнаешь, как крепка его рука.

Соколинка

Андрей Затонский

Доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой автоматизации технологических процессов Березниковского филиала Пермского национального исследовательского политехнического университета. Мастер спорта и инструктор международного класса по спортивному туризму, Заслуженный путешественник России.

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

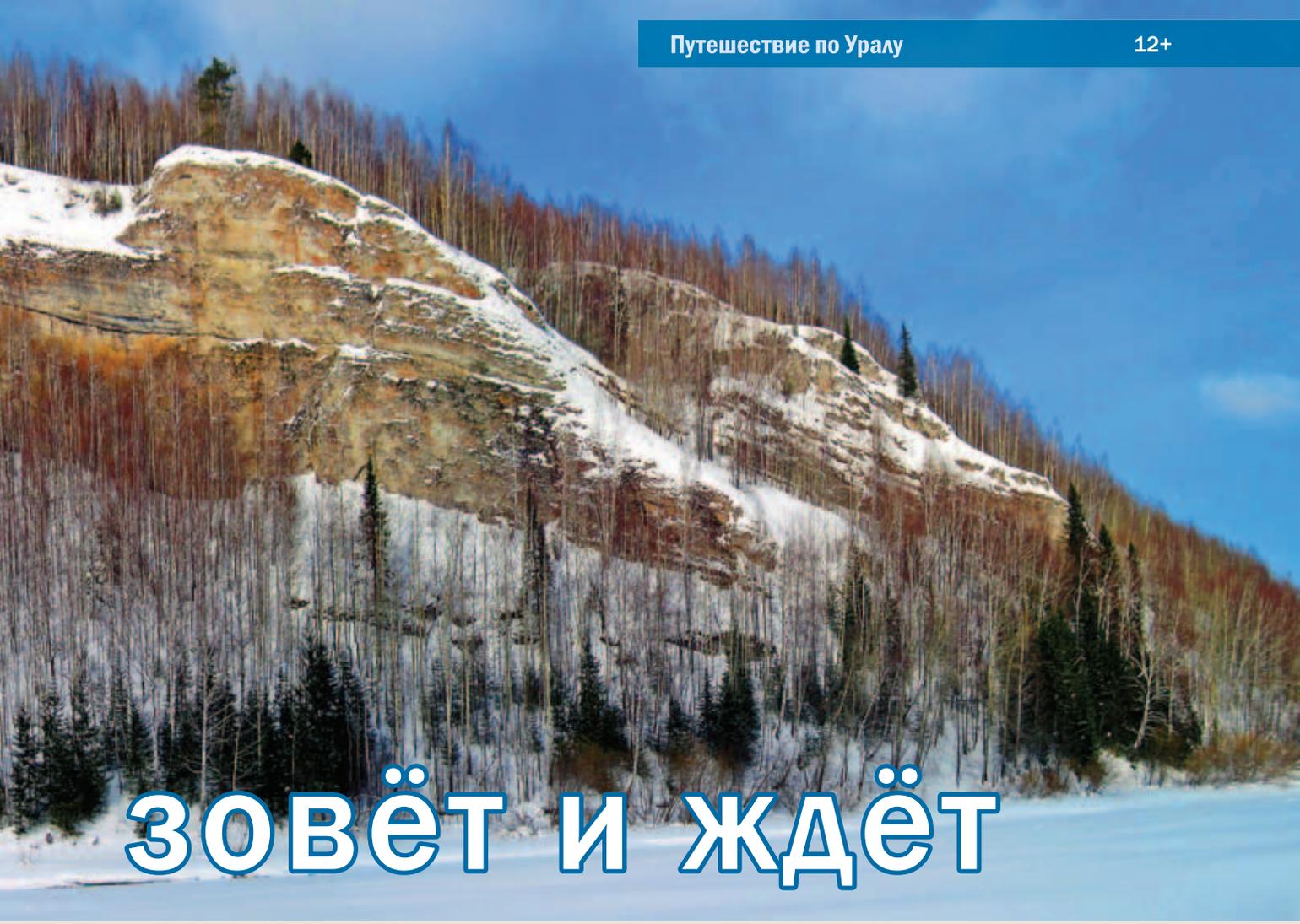
«Комсомольская» дорога

Август — месяц, которого в березниковском городском комсомольском штабе «Трубачи» ждали с особым нетерпением. В нём традиционно проводился ежегодный лагерь комсомольского актива и заканчивался он традиционным же походом на Соколиный камень. Вообще в штабе было два основных маршрута: Усьвинские столбы, куда ходили на майские и ноябрьские праздники, и Соколинка. Природный парк Пермский ещё не придумали, газопровод через Усьву ещё не протащили, было там всё хорошо и девственно, и не было вероятности влететь на штраф за сваленную на костёр сушину. А к Соколиному камню вполне можно было подъехать общественным транспортом. Ну как — подъехать... Не совсем, конечно.

Если на Усьве самым сложным было всё же восхождение, то на Соколинке, безусловно, дорога. В Березниках ещё был вокзал, железная дорога ещё не провалилась тогда. На ночной электричке приезжали в Яйву и ждали утра, шестичасового автобуса, который вёз на переправу в Вижайскую Базу. Переправлялись через реку на моторках, за небольшую денежку. Там обществен-

ный транспорт заканчивался, и начиналась Дорога. Надо было пройти 12 километров до посёлка Камень. Причем, по грязной, колеистой, глинистой дороге. Что немаловажно, не выпавшись и, вообще говоря, маленько впроголодь: первую еду готовили уже в посёлке. Поэтому на Усьву брали всех желающих (не залезет на Столбы, так в лагере у палатки посидит), а на Соколинку маленько задумывались: а дойдёт ли конкретный комсомолец в общем ритме или будет отставать и портить всю картину? Не дойдёт? Пусть на Усьве потренируется ещё два. Диодных фонарей-то ещё тоже не было, и путь к Столбам от станции ночью, с московского поезда, очень, очень-очень развивал ночное зрение, выносливость и чувство равновесия.

Сейчас мне это странно, но в Камне мы всегда находили, в каком доме бесплатно остановиться. Когда-то пускали в обжитой, но почему-то пустующий дом, а когда-то приходилось уходить в верхнюю, полуразрушенную часть деревни, где тогда ещё сохранялись более-менее целые дома. Ходили одни, без взрослых, поэтому немалое внимание придавалось вопросам безопасности в общении с местным насе-

ЗОВЁТ И ЖДЁТ

лением. Молодёжи-то достаточно в деревне было. Как-то раз, в 1988 году, местные молодые парни стали проявлять назойливый интерес к посещению той хибарки в верхней деревне, куда мы «вселились». Хотя было нас тогда целых 29 человек, две трети составляли девчонки и совсем молодые пацаны, 7–8 класс. То есть обороноспособность скромная. Дверь припёрли изнутри, но в сени, кроме неё, вела ещё здоровенная дыра. У этой дыры мы, которые постарше, втроем присели и затихли, а в доме в это время распевали песни под гитару и, в целом, весело проводили время. И вот первый посетитель. В дыру, уставясь носом в землю и, соответственно, ничего толком не видя, начинает ме-е-дленно ввинчиваться молодой человек. Ввинтился, выдохнул, не спеша поднял голову... сидим, иронично на него поглядываем в шесть глаз. Молодёжь тогда была понимающая, даже слов не понадобилось: посетитель мигом, шустро, одним движением, ужом проскользнул обратно

и быстро-быстро затопал ногами по дороге в сторону посёлка...

Клад атамана

Утром начиналось восхождение. Само по себе оно не представляет технической сложности, но до подножия камней надо идти довольно долго — либо лесной полужаросшей дорогой, либо вдоль самого берега, время от времени обходя прижимы прямо по воде, и так — километров пять. Так что под скалы подходили довольно умотанные, однако тут и начиналось самое интересное.

В этой окрестности на берегах Яйвы стоят четыре массива скал: Тихий, Вязовой, Родничный и Соколиный. На самом деле, ходили-то мы на Тихие скалы, расположенные на правом берегу чуть ниже Шалагинского острова, однако громада Соколиного камня напротив одноименного острова определяла название похода. У него прекрасное эхо, и, выйдя с глухой лесной дороги к реке, все долго забавлялись темати-

ческими криками типа «Кто украсил здесь края???» Комсомольцы все, как один, были социально ответственные, и хулиганские крики наподобие «Кому не спится в ночь глухую?!» не приветствовались.

Говорят, у этого камня богатая история — богатая в буквальном, финансовом, смысле этого слова. Вроде бы, собираясь грабить Сибирь, Ермак Тимофеевич столкнулся с необходимостью сбросить награбленное ранее. Вряд ли ему внушал доверие орлинский воевода: по нынешним понятиям, Ермак был рейдером, предводителем частной военной компании, хоть и с поддержкой федерального уровня. Тогда много было таких компаний, но которые без федеральной поддержки, те тихо деревни грабили, а на городские остроги не зарились. Ну а наличие такой поддержки, как и сейчас, просто исключала негативную реакцию губернатора и всех прочих местных вершителей судеб: за неё могло прилететь неслабо, вплоть до вывернутых ноздрей и виселицы.

Строганову и его орлинскому «сити-менеджеру» анархическая ватага преступников в посёлке была совершенно некстати. Есть предположение, что, финансируя специальную военную операцию в Сибирь, заботились они не столько о величии державы,

Атаманском (то есть в Тамане), откуда до устья Яйвы рукой подать, а в окрестностях камня у него была «таможня» для взимания дани с купцов, направляющихся рекой и волоком в Верхотурье. Так что, может, нет теперь смысла лезть в две 30-метровые пещеры Соколиного, для чего требуются верёвки и обвязки, в поисках клада. Может, давно всё обшарено, еще в XVI веке, без всяких обвязок. А так-то слазить можно, вот только придется подъезжать не с правого, а с левого берега, с отворота на 21-м километре дороги Галка — Скопкартная, откуда плохая колеистая дорога ведёт к Шалагинскому острову.

Пять гитар

Тихий камень, огромная береговая скала на повороте Яйвы, прекрасно выглядит с воды. На неё залезть тоже можно, но значительно лучше виды с одиночных каменных останцев, расположенных немного ниже по течению. На них мы тогда и ходили с двойной целью — забраться на самую высокую точку (раз) с целью осмотра окрестностей и посетить небольшую пещерку в соседнем останце (два). Оба объекта и сейчас на месте, вот только стали более труднодоступными. После пожаров 2010 года по крутому лесному склону стало сложнее передвигаться. Люди состоятельные вполне могут захватить

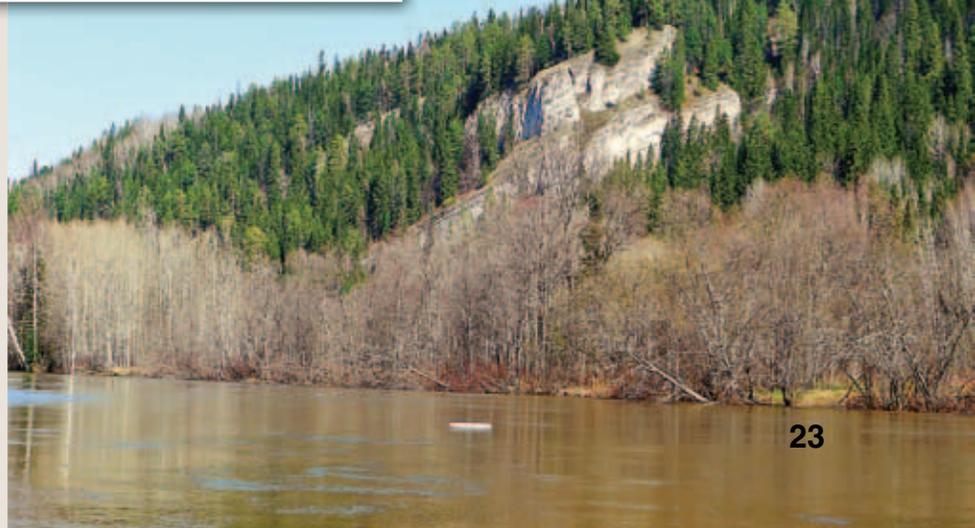
с собой из города надувную моторку и подъехать от посёлка под самые скалы, чтобы не ломать ноги по лесу. Замечательная прогулка под Соколиный может получиться весной, когда лёд ещё твёрдый, а солнце уже яркое и частое. В нашем крае по зимникам, если они прочищены и ещё не раскисли от тепла, ездить куда сподручнее, чем по грунтовкам. Так что где-то на восьмое марта до Камня можно доехать быстро и весело, встать на лыжи (или сбросить с прицепа снегоход, кому что) и прогуляться под скалы. Вот только залезть на них вряд ли получится, потому что протропить лыжно по такому крутому лесистому склону, это не для всех посильная задачка.

Зимой или летом с лодкой можно всё путешествие уложить в один день. А тридцать лет назад мы, усталые, покушанные комарами (а когда и шмелями), слегка ободранные и весьма голодные, вечером приходили обратно к посёлку, и начиналась культурная часть мероприятия. Сам не понимаю, но каким-то образом мы в том походе, все двадцать девять, кормились из одного эмалированного ведра; ходили через мелкий яйвинский брод на другой берег за шишками; вечером долго и со вкусом (и безо всякой выпивки) пели песни под гитары — штуки четыре их у нас с собой было или пять, ведь в штабе считалось дурным тоном не только не ходить в походы, но и не играть и не петь. И конечно, непременно, именно здесь пели «Соколинку», песню, если не путаю, авторства Олега Плотникова, бывшего командира штаба, посвящённую этому маршруту.

*Плещет Яйва перекатом,
Над полоскою заката
Звёзды водят бесконечный хоровод.
Звёзды падают, и это
Так похоже на ракеты,
Словно кто-то там вдали зовёт и ждёт. **УС***

сколько о том, как бы подешевле убрать татей подальше. В мире вообще мало что от века к веку меняется... Полагаю, и уровень взаимного доверия был соответствующий. Поэтому, по слухам, Ермак дюжину бочонков серебра сховал в окрестностях Соколиного камня. По другим слухам, это серебро распал уже после гибели владельца другой атаман, Сокол, в честь которого и назван камень. Тот после провала сибирского похода стал просто бандитом, без поддержки, базировался в сельце

Трагедия конвоя БД-5

Николай Вехов

Кандидат биологических наук. Занимается исследованиями в области истории и культуры Русского Севера, русских путешествий и путешественников. Автор многочисленных научных и научно-популярных работ. Давний автор «Уральского следопыта». Живёт в Москве.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ

В канун памятной даты начала Великой Отечественной войны мы вспоминаем об одной из трагических страниц боевых действий в Арктике, о судьбе небольшого каравана судов, обеспечивающих жизнеспособность наших стратегически важных районов на северных окраинах страны.

Конвои: Белое море — Диксон

Для защиты Советского Заполярья вдали от театра военных действий на острове Диксон в 1941 году был организован западный штаб морских операций. Руководили морскими операциями в западном районе Арктики опытный зимовщик, бывший начальник острова Врангеля, директор Ленинградского института народов Севера Ареф Иванович Минеев и его заместитель — офицер Российского флота и Военно-морского флота СССР, полярный исследователь Николай Александрович Еремеев. Помимо гидрометеонаблюдений за обстановкой в Баренцевом и Карском морях штаб отвечал за снабжение всем необходимым

полярных станций и поселений на побережье этих морей, их безопасность.

С целью обеспечения всем необходимым: продовольствием, топливом и другим — из портов Белого моря на остров Диксон были организованы регулярные внутренние конвои, получавшие специальные кодовые обозначения. Самый протяжённый маршрут — морской путь от Молотовска (ныне — Северодвинска) до острова Диксон, имел код «БД» (Белое море — Диксон). По этому маршруту (длиной более трёх тысяч километров) на запад Таймыра и обратно в устье Северной Двины доставляли необходимые грузы, смены полярников. Присутствие немецких подводных лодок, надводных кораблей и авиации на северном

◀ Транспорт «Марина Раскова» (бывший американский грузопассажирский пароход «Айронклайд» — «Ironclad») из конвоя БД-5. Архивное фото

◀ Моряки с тральщика «Т-118» с радистками и связистками. 1943 г. Архивное фото

ских арктических операций разыгралась самая крупная за всю историю Великой Отечественной войны в советском секторе Арктики трагедия.

Конвой БД-5

В начале августа в Молотовске сформировался очередной конвой, получивший литер «БД-5», в его состав вошли транспорт «Марина Раскова» (бывший американский грузопассажирский пароход «Айронклайд» — «Ironclad»)

и сопровождающие его корабли прикрытия, тральщики «Т-114», «Т-116» и «Т-118» (бывшие американские, переданные по ленд-лизу, типа «АМ»). Транспорт «Марина Раскова» имел на борту свыше 6500 тонн генерального груза (продовольствие, стройматериалы, техническое имущество) и 354 пассажира (персонал полярных станций с семьями, будущие зимовщики Нордвикстроя, включая 116 женщин и более 20 детей). Транспорт был перегружен и перенаселён, что типично для военного времени, когда такие рейсы были редкостью. Из рассказа бывшего полярника военной поры Л.Э. Венцовского: *«в 1944 году, когда, казалось бы, в Арктике стало спокойно, многие семьи полярников оказались на «Марине Расковой». Руководство Главсевморпути планировало этот рейс из гуманных соображений: смена зимовщиков из-за войны не производилась уже несколько лет, их семьи недоедали и голода-*

театре военных действий стало увеличиваться. Это заставило руководство СССР в 1944 году образовать на о. Диксон Карскую военно-морскую базу, входившую в состав Беломорской военной флотилии. В августе 1944 года в зоне ответственности западного штаба мор-

▲ Тральщик «Т-116», входивший в конвой БД-5. Архивное фото

▶ Офицеры одного из тральщиков конвоя БД-5. Архивное фото

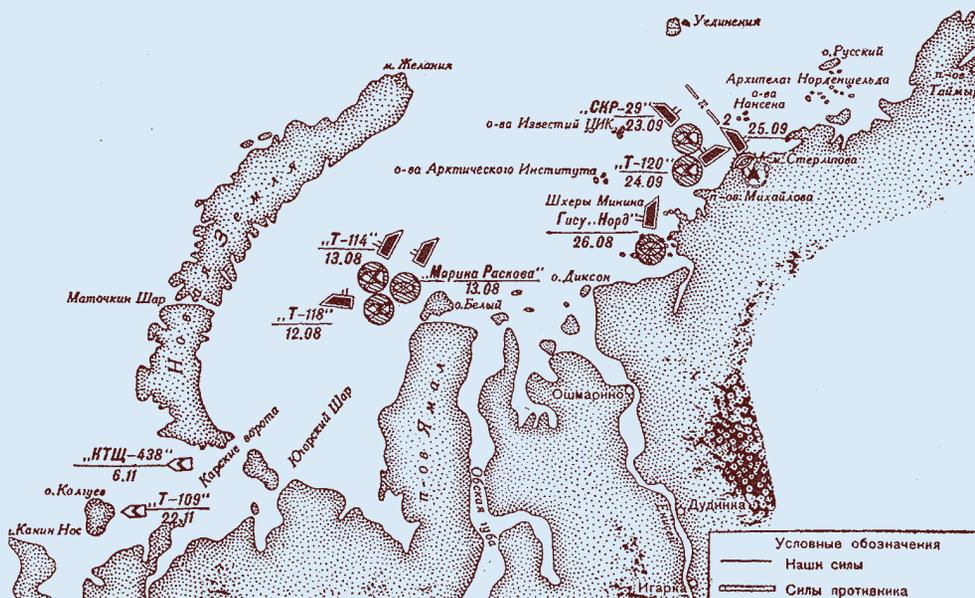
▲ Атака немецкой подводной лодки советского транспорта в Арктике. Архивная иллюстрация

► Схема действий немецких подлодок в Карском море и мест гибели советских кораблей с 1 июля по 31 декабря 1944 года

ли на Большой земле, а на полярных станциях всё же было легче с питанием, особенно учитывая местные заготовки: большое значение имел и моральный фактор воссоединения семей». Командиром экипажа «Марина Раскова» из 51 человек был капитан В. А. Демидов.

8 августа караван вышел курсом на о. Диксон. Военный эскорт возглавлял командир бригады траления, капитан 1-го ранга А.З. Шмелёв, кораблями эскорта командовали капитаны-лейтенанты И.О. Панасюк («Т-114»), В.А. Бабанов («Т-116») и С.М. Купцов («Т-118»). Во главе походного ордера шёл флагманский Т-118, за которым мателотом (способ расположения кораблей в строю по отношению друг к другу и флагману), на расстоянии мили от него шла «Марина Раскова». На траверсе транспорта на расстоянии 12 кабельтовых (около 2300 м) в пределах действия асдика (ASDIC (асдик) — британская активная гидролокационная система, созданная во время войны для повышения эффективности борьбы с вражескими подводными лодками) с обоих бортов располагались два других тральщика, что, казалось, гарантировало надёжность охранения. Общая численность экипажей конвоя и пассажиров на кораблях составляла примерно 665 человек.

Вооружение кораблей конвоя состояло из двух 76-мм пушек, шести

20-мм автоматических пушек «Эрликон» для ПВО, одного реактивного противолодочного 24-ствольного миномёта «мышеловка» (противолодочный бомбомет Mousetraps, США), помимо двух кормовых бомбосбрасывателей. Солидно выглядели средства обнаружения в виде радара и гидроакустического локатора Асдик. Полностью укомплектованные экипажи составляли 95 человек, что в тех условиях выдерживалось далеко не всегда.

10 августа конвой БД-5 благополучно миновал пролив Югорский Шар. К востоку от пролива начиналась акватория мелководного Карского моря. Обычно забитое льдами, на этот раз оно было свободным. Сутки спустя, практически на пути каравана обстрелу неизвестной немецкой подлодки подверглась «каталина» полярного лётчика М.И. Козлова, выполнявшего разведку над юго-западной акваторией Карского моря.

Нападение на караван

12 августа в 60 милях к западу от острова Белого, лежащего чуть севернее Ямала, конвой подвергся нападению немецкой подводной лодки U-365 (командир — капитан-лейтенант Хеймар Ведемейер), входившей в группу немецких подлодок «Грайф» и отправившейся из Норвегии в свободный поиск в Карское море. Немцы обнаружили БД-5 около 18 часов. Подлодка погрузилась для атаки и начала сближение с советским конвоем. Увы, и в этот раз, и позже акустики конвоя не смогли засечь подлодку немцев. Подойдя на 4 кабельтовых (около 760 м) к «Марине Расковой», U-365 произвела по транспорту залп тремя маневрирующими торпедами, «гуляющими» по курсу цели. В 19 часов 57 минут в средней части «Марины Расковой» со стороны правого борта раздался взрыв.

Командир конвоя и командир флагманского «Т-118» единодушно

◀ Немецкая подводная лодка в Арктике у борта крейсера «Адмирал Шеер». Архивное фото

▲ Гидрометеорологическая станция имени М.В. Попова на острове Белом в Карском море. Архивное фото

◀ Картина «Трагедия в Карском море 12 августа 1944 года». Художник В.А. Алаев

пришли к выводу, что корабли оказались на минном поле, и в своих дальнейших действиях исходили из этого, как оказалось позже, ошибочного суждения. Шмелёв приказал «Т-116» идти к торпедированному транспорту, а «Т-114» — принять меры на случай появления вражеских подводных лодок. Командир «Т-114» Панасюк отправил на помощь «Марине Расковой» шлюпку и катер (до полуночи на «Т-114» было доставлено сто сорок четыре человека, в основном женщины и дети), а сам приступил к выполнению противолодочного зигзага. Спустя несколько минут, не дойдя до «Марины Расковой» всего одного кабельтова (немного более 180 м), «Т-118» получил торпеду в кормовую часть и потерял ход. По характеру взрыва моряки приняли его за столкновение с неконтактной миной. После полученного повреждения «Т-118» стал быстро погружаться кормой в воду. А спустя 15 ми-

нут из-за сильного крена с кормовых стеллажей свалились глубинные бомбы, взрыв которых окончательно добил флагмана. К этому времени часть его экипажа успела переправить на оба оставшиеся неповреждёнными корабля эскорта, причем с «Т-114» семафором передали о визуальном обнаружении минных банок.

В это время впервые акустику с «Т-114» удалось услышать пуск вражеской торпеды и прокричать: «Слышу торпеду!». Но было уже поздно: последовал взрыв набитого промокшими и травмированными людьми тральщика. Опустевшая «Марина Раскова» продолжала постепенно терять плавучесть, и тральщик «Т-116» направил на спасение оставшихся свою шлюпку. На «Марине Расковой» находились семь членов экипажа, в том числе и капитан Демидов. В 02 часа 15 минут и спустя ещё несколько минут транспорт был повторно атакован двумя торпедами, по-

сле чего через восемь минут он затонул. У-365 всплыла и подошла к месту гибели судна, но поскольку её поход только начался, в планы командира субмарины не входило брать в плен тонущих людей. После подрыва транспорта и двух тральщиков «Т-116», на борту которого помимо экипажа находились более 180 человек с «Марины Расковой» и потопленных кораблей, взял курс на селение Хабарово в Югорском Шаре, где находился пост Службы наблюдения и связи Новоземельской военно-морской базы.

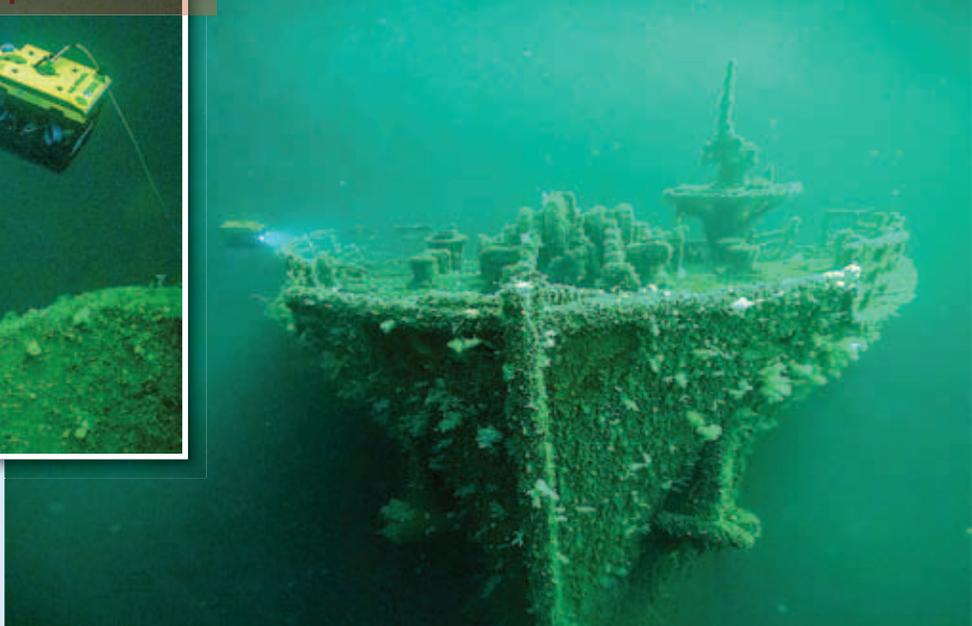
После трагедии

До 14 августа из-за штормовой погоды организовать широкомасштабную поисковую операцию не представлялось возможным. Поэтому сначала в поисках потерпевших бедствие пассажиров и членов экипажей участвовали только четыре самолёта «Каталана». Поиски плавсредств и людей с погибшего транспорта и тральщиков продолжались до 3 сентября. В этих операциях участвовали тральщики «ТЩ-60» и «ТЩ-61» (бывшие рыболовческие РТ), «Т-116» и «Т-117», катера «СКА-501», «БО-202» и «БО-210».

Об этих поисках позже вспоминал известный отечественный учёный-океанолог, полярный исследователь, доктор географических наук, Герой Советского Союза Михаил Михайлович

▲ Останки конвоя «БД-5», обнаруженные экспедицией компании «Фертоинг» в 2015 году. Фото из архива экспедиции

Сомов, в годы войны участвовавший в обороне Заполярья. «Пятнадцатого августа к месту гибели парохода «Марина Раскова» вылетел с острова Диксон лётчик С. Сокол (Станислав Викторович Сокол). Кроме него в поисках принял участие и тральщик «АМ-116» под командованием В.А. Бабанова. Несмотря на все старания, ни тому, ни другому обнаружить ничего не удалось. Только 17 августа лётчик Е. Евдокимов (на самом деле — П.А. Евдокимов) обнаружил одну из шлюпок с парохода «Марина Раскова», в которой находились 18 человек, и в том числе командир «АМ-114» Панасюк. Все спасённые были доставлены в Губу Белушью (посёлок Белушья Губа — центр Новоземельской военно-морской базы в годы войны).

18 августа М.И. Козлов (лётчик Матвей Ильич Козлов) после долгих поисков обнаружил вельбот, в котором было 25 человек. Приняв всех на борт, он благополучно доставил их на Диксон, где им оказана была первая медицинская помощь.

В тот же день лётчик С. Сокол спас ещё 11 человек. На следующий день оба лётчика снова вылетели на поиски. С. Сокол сумел найти кунгас с тридцатью семью людьми. Лётчик, несмотря на сильный ветер и высокие крутые волны, посадил самолёт, но попытки подойти к кунгасу самолётом не увенчались успехом. Усилившийся шторм снова не давал возможности повторить попытку снять людей с кунгаса. Шли дни. Шторм не утихал. А на «кунгасе смерти», как часто стали его называть, терпели мучения наши советские люди.

<...> Наконец от Козлова пришла телеграмма примерно такого содержания: «Вынужден заканчивать барражирование над кунгасом. Запас горючего иссякает. Если отойду от кунгаса, он будет потерян. Люди погибнут. Жду ваших указаний». Поколебавшись с минуту, Ареф Иванович (А.И. Минеев) ответил: «Действуйте по своему усмотрению». От Козлова вскоре пришел ответ. Видимо, он заранее был продуман. «Иду на посадку. По-

стараюсь принять людей. Шторм, взлететь не смогу. Буду двигаться по воде острову Белому». Большие тридцати часов без перерыва провёл Матвей Ильич в самолёте, держа вырывающийся из рук штурвал. И всё-таки он довёл самолёт до острова Белого, где передал всех спасённых людей на встретивший их эсминец».

А вот как вспоминал эту спасательную операцию сам лётчик М.И. Козлов: «На море шторм оказался сильнее, чем виделось с воздуха: волны были такие, что, когда мы подрулили к кунгасу, нос его поднимало выше крыльев самолёта. <...> Попали в ложбину между волнами. Слева стена воды обрушилась на плоскость и фюзеляж. Стойка поплавок, высотой в два с половиной метра, почти полностью погрузилась, однако поплавок вытолкнуло из воды. Сразу же выбросили плавучий якорь — самолёт выровнялся и развернулся против ветра. Сразу же увидели кунгас. Когда до него оставалось метров двадцать, двадцать пять... пе-

▲ Мемориальная доска, установленная экспедицией компании «Фертоинг» на месте обнаруженных останков конвоя «БД-5» в 2015 г. Из архива экспедиции

ребросили на кунгас метательный линь. Там его подобрали, и, с большим трудом натянув, закрепили швартовочный трос. Теперь самолёт был связан с кунгасом и как бы тащил его на буксире. Через кормовой люк спустили на воду надувной клипербот. На нём, захватив с собой бачок с водой и продукты, отправились второй штурман и механик. С трудом выгребая, они подошли к кунгасу, и механик поднялся на его борт. Сразу же к бачку с водой поползли все находившиеся на кунгасе — их было человек шестьдесят. А в это время два человека прыгнули с кунгаса на клипербот... — бот перевернулся и стравил воздух, волнами его сразу же отнесло в сторону. Наш штурман и эти двое, оказавшись в воде, поплыли к самолёту. Первый штурман и стрелок-радист, спустившись на поплавок, вытащили их и переправили в самолёт. Ветром нас отнесло от кунгаса, пришлось снова подруливать к нему почти вплотную, потому что переправочных средств, кроме унесённого

волнами бота, мы не имели. Кричу людям на кунгасе: «Ближе подойти не могу! Придите, плывите к самолёту! Вытащим из воды!» Но прыгнул лишь один наш механик, остальные на это не решились».

В результате проведённой позже морской поисково-спасательной операции и с воздуха до начала сентября на месте гибели транспорта в шлюпках, кунгасах и других спасательных средствах были обнаружены более 330 человек, некоторые из них были уже мёртвыми. После гибели судов ещё в августе вернувшийся в Хабарово тральщик «Т-116» вывез более 180 человек. Всего в конвое БД-5 из 752 участников погибло 378 человек, 51 — пропал без вести.

Не всех пассажиров и членов экипажей судов удалось обнаружить в ходе этой спасательной операции. «В конце августа 1944 года к острову Белый в Карском море прибило полузатопленную деревянную лодку — кунгас. В нём находилось 20 тел... Эти люди были последними из тех, кто пытался выжить в открытом бушующем море после гибели парохода «Марина Раскова» и двух прикрывавших его тральщиков. Из 752 человек тогда погибли 378. Среди них 136 женщин и детей, практически все, кто находился тогда на судне. Море стало их последним пристанищем, тучина пощадила тела только двадцати...». Обнаружившие кунгас сотрудники метеостанции острова Белого похоронили находившихся погибших людей в братской могиле. Следы её с годами размывало волнами, разметало и сравняло ветром.

◀ Ландшафт острова Белого, у которого произошла трагедия с конвоем «БД-52». Архивное фото

В исторической литературе особо отмечено, что «это была самая тяжёлая трагедия, происшедшая в Карском море в годы Великой Отечественной войны». История по справедливому распорядилась с подлодками из группы «Граيف», которые пиратствовали в Карском море. 5 сентября того же года в районе островов Мона у западного побережья Таймыра «Т-116» обнаружил и потопил немецкую субмарину «U-362». Участвовавшая же в расстреле конвоя «БД-5» подлодка U-365 была уничтожена позже, в начале 1945 года, в Атлантике, когда командиром был уже не Хеймар Ведемейер.

В июле 2015 года на о. Белом поисковики отряда «Карские экспедиции-2015» обнаружили братскую могилу погибших пассажиров и членов экипажей судов и произвели перезахоронение останков. А в августе этого же года отправившейся на судне «Балтика» из Мурманска группе подводных археологов удалось установить точное место гибели транспорта «Марина Раскова» и исследовать его с помощью телеуправляемого подводного аппарата. По результатам этих исследований «корпус судна, разделённый на 2 части, лежит на глубине 46 метров. Хорошо сохранились носовая часть, которая стоит на киле, и кормовая часть, лежащая с креном около 15 градусов на правый борт. Частично сохранилась рубка. На корме судна — орудие калибра 76 мм и две зенитные установки, предположительно Эрликон калибром 20 мм. Машинное отделение и трюм вплоть до кормы — разрушены». На месте гибели транспорта была проведена траурная церемония, а его координаты нанесли на морские карты и обозначили как братскую могилу советских моряков... ☑

Хирурги-подвижники

Благодаря профилактическим мероприятиям губернского врача Фёдора Граля в страшную пандемию холеры 1829–1830 годов Пермская губерния стала единственной в России, избежавшей эпидемии. Традиция врачебного служения своему народу в Перми не прерывалась...

В Перми за её трёхвековую историю было много знаменитых докторов и ученых-медиков. Первым в этом славном ряду стоит Фёдор Христофорович Граль (1770–1835) — главный доктор Пермской губернии, в которую тогда входил и Екатеринбург. В 1791 году молодой петербургский доктор медицины, хирург Граль был назначен доктором в Ирбит и Алапаевск. Талантливый врач попеременно работал в двух этих городах, будучи не только хирургом, но и, одновременно, акушером, терапевтом и окулистом. О замечательном докторе доложили главе Пермской губернии К.Ф. Модераху, который в 1797 году пригласил его в Пермь для организации первой губернской больницы, где тот сначала служил не только без жалованья, но и на собственные средства содержал больных! Фёдор Христофорович заведует Пермской губернской больницей, являясь до последнего дня жизни главным губер-

ским доктором. Здание этой больницы на 25 коек было деревянным, одноэтажным, но с пристройками занимало целый квартал в начале улицы Вознесенской (ныне — Луначарского). «*Вся медицинская часть в больнице находилась в руках Граля. Он был и оператор, и терапевт, и окулист, — писал в конце XIX века известный краевед В.С. Верхоланцев. — Кроме того, Граль состоял бесплатным врачом учебных и благотворительных учреждений. Он лечил весь город и с утра до вечера находился в разъездах, еженедельно по субботам объезжал ближайшие к Перми деревни, чтобы и там помочь больным. За своё бескорыстие он уважаем был всеми.*

Нет пандемии!

Всю оставшуюся часть жизни (почти 40 лет) Фёдор Христофорович проработал в Перми, нередко выезжая для организации медицинской помощи и лечения больных в Екатеринбург, Кунгур и другие уездные города. Граль считал

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Михаил Давидов

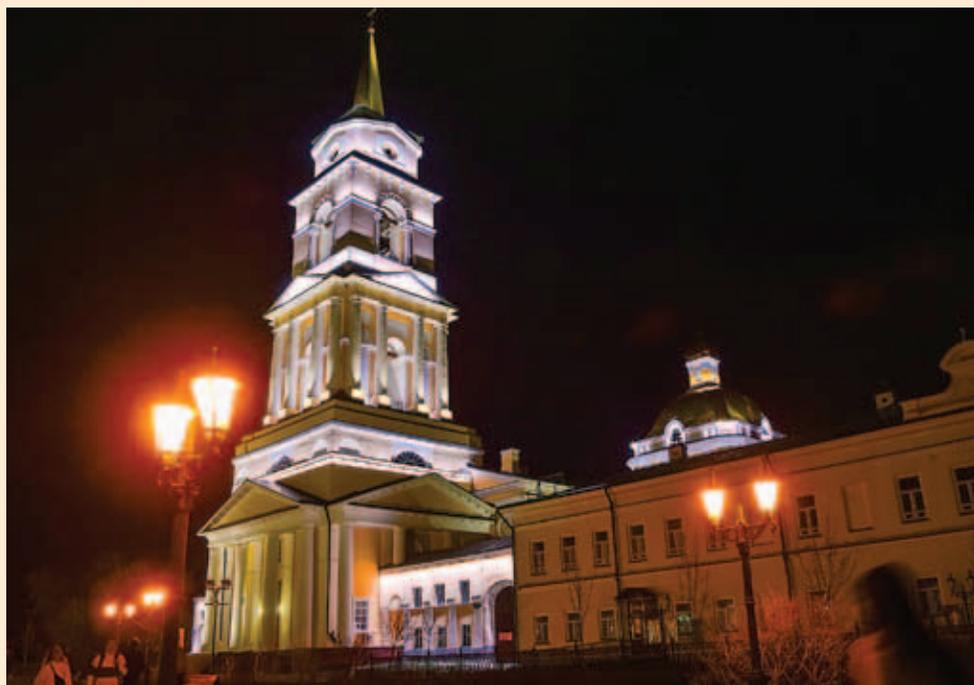
Врач, историк литературы и космонавтики, краевед. Доцент Пермского медицинского университета им. Е.А. Вагнера. Автор 650 опубликованных научных и научно-популярных статей и 6 книг. Публиковался в журналах «Уральский следопыт», «Москва», «Наука и жизнь», «Урал» и других.

Иллюстрации подготовлены
Д.Д. Коршуновой
и А.О. Ивановой

◀ Академик Е.А. Вагнер передает опыт. Картина С.С. Подреза «Учитель и ученик»

▶ Кафедральный собор в Перми

себя хирургом, но он умел лечить все болезни. Блестяще выполнял хирургические операции, лечил и удалял зубы, в совершенстве владел кровопусканием. Прекрасно знал глазные, терапевтические, нервные, психические и инфекционные болезни. Он умел выполнять абсолютно все хирургические операции и медицинские процедуры, известные в мире к началу XIX века. Граль впервые на Урале выполнил прививку от оспы и широко внедрил в Пермской губернии, в том числе в Екатеринбурге, оспопрививание. Благодаря профилактическим мероприятиям губернского врача Ф.Х. Граля в страшную пандемию холеры 1829–1830 годов Пермская губерния стала единственной в России, избежавшей эпидемии! Фёдор Граль был не только умелым доктором, но и неутомимым тружеником; его рабочий день начинался в 5 часов утра и заканчивался поздно вече-

ром. Он принимал по 100–200 больных ежедневно, включая выходные и праздничные дни. Бедных лечил бесплатно. Фёдор Христофорович был бесребреником и пользовался огромной любовью народа. За многолетнюю самоотверженную службу надворный советник Граль был удостоен орденов Святого Владимира, Святой Анны и других высочайших наград. Ф.Х. Граль ушёл из жизни 6 июня 1835 г., погибнув в результате самоотверженного оказания помощи тяжёлому больному, которого ему удалось спасти. Во время операции доктор поранил руку и вскоре умер от «заражения крови». Возле дома врача у Сенного рынка (район нынешней Октябрьской площади) собралось почти всё население города и множество крестьян, приехавших издалека проститься с любимым доктором. Поскольку Граль был лотеранином, власти не желали хоронить его на церковном кладбище. Толпа взбунтовалась (и страшен пермяк в гневе!), люди вместо лошадей впряглись в катафалк, привезли тело Граля к Кафедральному собору и похоронили его на Архиерейском кладбище. На могиле «народного доктора» была установлена огромная чугунная колонна. Пермяки до сих пор любят и вспоминают этого удивительного доктора. В его честь названа Городская больница № 2, а в 2005 году при огромном стечении народа был торжественно открыт памятник Гралю (скульптор Зала-

заев) — один из самых красивых памятников Перми.

Личный врач наследника

В Перми и в Екатеринбурге помнят царского доктора Владимира Николаевича Деревенко (1879–1936), дворянина, доктора медицины и профессора. С 1912 года он лечил Николая II и его семью от хирургических заболеваний. Историки много пишут о терапевте, лейб-медике Е.С. Боткине, забывая, что лейб-хирург В.Н. Деревенко был врачом высочайшего профессионального уровня, оставившим заметный след в отечественной хирургии и урологии. В.Н. Деревенко был не только лейб-хирургом, но и личным врачом наследника престола Алексея Николаевича Романова, страдавшего гемофилией — наследственным заболеванием, при котором нарушается свёртываемость крови. Владимир Николаевич, живя при царской семье, в течение многих лет прикладывал немалые усилия для остановки многочисленных кровотечений у цесаревича, ускорения рассасывания гематом (скопления крови в тканях), профилактики и лечения тугоподвижности суставов, в которые часто изливалась кровь. Когда Николая II с семьей доставили в Екатеринбург, члены Уралсовета разместили в Ипатьевском доме из сорока человек царской свиты лишь четверых из прислуги и одного доктора (Е.С. Боткина). Именно это и спасло В.Н. Деревенко от расстрела в ночь на 17 июля 1918 года.

◀ Памятник доктору Ф.Х. Гралю в Перми

Жемчужина Урала

С июля 1918 года Деревенко заведовал хирургическим отделением город-

ского лазарета в Екатеринбурге, выполняя большое число сложных хирургических и урологических операций, тем самым внося большой вклад в развитие хирургии Екатеринбурга. Весной 1919 года был объявлен конкурс на заведование впервые создаваемой кафедры факультетской хирургии и урологии в Пермском университете — единственном тогда на Урале, открытом в 1916 году. Учёный совет университета 27 мая 1919 года тайным голосованием единогласно присвоил Деревенко зва-

это был наиболее плодотворный период жизни Владимира Николаевича. Он образцово организовал функционирование клиники университета, внедрил в её работу все известные в мире на тот период времени методы диагностики и лечения больших хирургического, терапевтического и урологического профилей, виртуозно выполнял операции, читал лекции студентам. В клинике оказывалась специализированная помощь всему населению Пермской губернии, на операции к профессору приезжали больные из Екатеринбурга, Челябинска, Кирова, Ижевска и даже из Москвы и Петрограда. В.Н. Деревенко был блестящим хирургом, о чём свидетельствовал позднее знаменитый хирург, академик А.Г. Савиных, которому в молодости довелось ассистировать Владимиру Николаевичу на операциях. Как директор клиники, Деревенко проделывал огромную административно-хозяйственную работу. Был удивительно вежливым в общении с больными и сотрудниками, но не терпел разгильдяйства и бездушного отношения к больным. Знал литературу и три иностранных языка. Работал в клинике по 14–16 часов в сутки. Хорошо известны в мире 10 наиболее крупных научных работ профессора В.Н. Деревенко и его главы в отечественных руководствах по хирургии и урологии. В короткие сроки клиника превратилась в передовое лечебное учреждение, в 1920-х годах её посетил знаменитый российский хирург С.П. Фёдоров, который остался доволен организацией работы, и нарком

◀ Лейб-хирург, профессор В.Н. Деревенко в период работы в Перми

ние профессора и заведующего кафедрой факультетской хирургии и урологии. Профессор В.Н. Деревенко, помимо заведования данной кафедрой, одновременно с 1920 по 1924 гг. являлся директором (главным врачом) клиники Пермского университета. Эта клиника располагалась на улице Биармской (ныне — Плеханова, 36). В стационаре лечились терапевтические, хирургические и урологические больные, а в здании поликлиники вели приём терапевты, хирурги, уролог, окулист, лорврач, гинеколог и другие специалисты. С точки зрения научной деятельности,

▶ Клиника факультетской хирургии с курсом урологии, где в 1919–1924 гг. работал В.Н. Деревенко. Фото автора

А.В. Луначарский, назвавший клинику «жемчужиной Урала». Несмотря на все успехи в 1924 году В.Н. Деревенко был снят с должности и репрессирован. Тот факт, что ранее он являлся доктором царской семьи, был основным подспудным обвинительным аргументом. Отсидев в тюрьме 5 лет, он работал профессором хирургии в Днепропетровске, затем вновь был подвергнут репрессиям, в качестве заключенного участвовал в строительстве ДнепроГЭСа и погиб в одной из зон ГУЛАГа в 1936 году.

Настоящий волшебник

В 1924 году с отличием окончил медицинский факультет Пермского университета талантливый выпускник. Он получил опыт работы хирургом и урологом в различных больницах Перми, к 1930 году овладев всеми сложными операциями. Его руки внешне казались грубыми и мужицкими, но во время операции они чудесно преображались и действовали точно и быстро, создавая впечатление подлинной виртуозности. Звали талантливого молодого врача Илларион Иванов. В годы Гражданской войны военфельдшер Илларион Иванов самоотверженно работал в сыпнотифозных бараках, не боясь заразиться и умереть от этой смертельно опасной болезни. В 1939 году он защитил кандидатскую диссертацию в Москве, посвящённую действию боевых отравляющих веществ на почки, и способам спасения людей при таких поражениях (диссертация настолько актуальна, что до сих пор засекречена!) В период Великой Отечественной войны доцент Иванов возглавлял работу в качестве ведущего хирурга в специализированном урологическом госпитале, развернутом в Перми. За годы войны произвел более 4 тысяч операций. За самоот-

Уральский следопыт, июнь 2023

◀ Колокольня Кафедрального собора

рации по восстановлению утраченного полового органа. Имя этого пермского кудесника, которого хорошо знают за рубежом, — Илларион Андронович Иванов (1895–1965). По его методикам ныне оперируют в Китае, США, Канаде, Германии, Франции, Японии и других странах.

Врач колонии

В XX веке в Перми работало много замечательных хирургов. Но самым выдающимся хирургом является академик Е. А. Вагнер (1918–1998). Этот человек прожил невероятно трудную жизнь. Родился он в семье обрусевших немцев вблизи Херсона. Началась Великая Отечественная война, и вскоре выпускника Одесского мединститута, военврача, лейтенанта Евгения Вагнера из-за «вражеской» национальности депортировали в колонию, располагавшуюся в Соликамском районе. Заключённые работали на лесозаготовках, жили в землянках за колочей проволокой. Евгений едва не умер от истощения. С трудом ему удалось попасть на должность врача колонии. И здесь проявились его уникальные способности к врачеванию. Он спасал даже самых безнадежных больных. В короткие сроки Вагнер прошёл путь от врача-заключённого в ГУЛАГе до главного врача Областной больницы № 2 в городе Березники. Быстро освоил и стал выполнять сложнейшие операции на лёгких, сердце, пищевом и других органах, которые не проводили даже в Перми. Он совершил настоящую революцию в лечении больных с травмой груди. Об уникальном хирурге узнали в Москве. В 1956 году он защитил кандидатскую диссертацию, в 1965 году — докторскую диссертацию по травмам лёгких и сердца. С 1965 года профессор Вагнер работал в Пермском мединституте сначала заведующим кафедрой факультетской хирургии, затем — госпитальной хирургии, с 1970 по 1996 г. одновременно являясь ректором вуза, который ныне носит его имя — Пермский медицинский университет им. академика Е. А. Вагнера.

Основатель научной школы

В 1970-х годах Е. А. Вагнер превратился в одного из самых авторитетных хирургов страны, в 1986 году ему было присвоено звание академика АМН СССР. В истории Е. А. Вагнер является первым хирургом на всей территории Сибири и Урала, кому было присвоено высокое звание академи-

ка. Он автор 24 медицинских книг, более 500 научных статей, 30 изобретений. Евгений Антонович лично выполнил более 15 тыс. операций, многие из которых были сложнейшими или уникальными. Академик Е. А. Вагнер успешно представлял отечественную науку на международной арене, выступая с докладами и выполняя операции в США, Канаде, Италии, Индии и Непале. Под руководством академика было защищено 28 докторских и 76 кандидатских диссертаций (так случилось,

▲ Профессор И. А. Иванов

что автор этих строк стал последним диссертантом Евгения Антоновича, защитив диссертацию в 1997 г.). Е. А. Вагнер создал научную школу пермских хирургов, хорошо известную в стране. До сих пор успешно трудятся многие ученики академика Е. А. Вагнера — Почетного гражданина Перми, орденоносца, лауреата государственных премий. Вот такими они были — знаменитые и уникальные хирурги Перми, о которых многие мои земляки в канун 300-летия города вспоминают с гордостью, благодарностью и любовью. И я уверен, что славные имена, золотые руки и врачебное искусство настоящих врачей-подвижников будут вечно жить в памяти народа...

верженный труд был награждён орденом Ленина. Именно в годы войны сложилось основное научное направление, прославившее доктора Иванова на весь мир — он разработал способ восстановления мужского полового органа при его утрате в результате ранения. Для этого уральский умелец использовал кожно-мышечный лоскут из бедра, содержащий нежную мышцу (*m. gracilis*). Пациенты, их жёны и сотрудники клиники считали И. А. Иванова настоящим волшебником. Ведь большинство оперированных им жили теперь счастливой семейной жизнью. По данной проблеме в 1956 году в Москве И. А. Иванов защитил докторскую диссертацию, стал профессором. В те годы профессор И. А. Иванов считался одним из самых выдающихся урологов страны. В 2016 году мне довелось читать научный доклад по урологии на международной конференции в Нюрнберге. Каково же было моё удивление, когда в перерыве ко мне подошёл один из ведущих немецких профессоров и показал руководство по урологии для врачей Германии. На одной из страниц был портрет пермского профессора и рисунок с его методикой опе-

Смирнягин

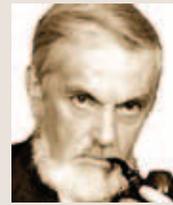
В январском номере УС за 2023 года вышел очерк Елены Орловой «Детдом особого назначения», вызвавший много комментариев в соцсетях. Директором этого особого детдома в поселке Нижнеисетск был мой родной дядя Владимир Константинович Смирнягин, которого я хорошо помню с детства.

Своего дядю Володю я помню лет с пяти. Он жил с маминной сестрой тётей Марусей и с двумя детьми на южной окраине Свердловска в Нижнеисетске и руководил там детским домом. А мы с мамой ещё до войны два или три раза ходили туда пешком из центра города. Во время войны они приютили нас с мамой и бабушкой на пять лет в своём доме на улице Сталина 15 в посёлке Нижнеисетск. Сейчас на этом месте стоит мечеть. Дядя Володя был постоянно занят на работе. Я редко с ним виделся и несколько его стеснялся, но помню,

что он всегда ходил с палочкой и прихрамывал.

Детдом спецназначения

Только несколько лет тому назад я узнал, что этот Нижнеисетский детский дом был детдомом спецназначения. В нём с 1937 года содержались, кроме обычных беспризорников, три десятка детей «врагов народа». В том числе известные Светлана Тухачевская, Владимира (Мира) Уборевич, Виктория (Вета) Гамарник, Пётр Якир. И только летом прошлого года я узнал, как скла-

Михаил Бураков

Закончил химфак УрГУ, 40 лет работал в разных НИИ младшим и старшим научным сотрудником, зав лабораторией и заведомом. Автор публикаций в газетах и журналах «Урал», «Уральский следопыт». Вице-президент общественного движения «Общество духовной культуры». Интересуется нравственными аспектами культуры, религии и политики.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Фото предоставлены
автором

◀ Владимир Смирнягин в годы службы в рядах РККА

▼ Памятник героям труда у проходной Химмаша

дывалась судьба дяди Володи до того, как он принял этот непростой детский дом. В последние годы личность директора детдома стала привлекать внимание. До выхода очерка Орловой о детдоме рассказывалось в путеводителе «Государственные дети» (Л.П. Машина), и в путеводителе «Химмаш вдоль и поперёк» детдому и его директору уделено было уже несколько страниц. На городском сайте «Семь районов» был размещена справка сотрудницы музея Истории Екатеринбурга Ксении Пименовой о директоре Смирнягине. На интернет-ресурсе «Забывтые имена Пермской губернии» упоминается о его службе в рядах Красной Армии и учёбе в СПШ (Совпартшколе), о работе журналистом и председателем Куединского райисполкома, но ни слова не было о детском доме. Его дочь и моя двоюродная сестра Катюша рассказала мне, со слов своей матери, что дядю Володю в 1938 году исключили из партии и уволили с поста председателя райисполкома за то, что он возражал на собрании и на пленуме райкома против исключения из партии кого-то из своих сотрудников. После этого он почти год добивался восстановления в партии, и добился-таки, правда, со строгим выговором.

Почему же человеку с такой «неоднозначной» репутацией позволили (даже поручили) руководить таким непростым учреждением в этом же году? Мы начали поиск. Из Тобольского госархива получили сведения о том, что в Тобольской СПШ Смирнягин показал примерную успеваемость по всем предметам (теория сельского хозяйства, агрограмота, партийное строительство, ленинизм, политучёба, военное дело). И активно участвовал в работе ячейки ОСО («Общество содействия обороне»),

в том числе руководил строевой подготовкой. Кроме того, в Совпартшколе и в Тобольской типографии он был секретарём партийной ячейки. А ответ Куединского краеведческого музея обескуражил. Ни в перечне редакторов районной газеты «Куединский льновод», ни среди председателей райисполкома фамилия Смирнягин не упоминалась.

Документы говорят

Благодаря поддержке Первого секретаря Екатеринбургского Горкома КПРФ В.Л. Мухоморова нам удалось изучить в Облпартархиве личное дело В.К. Смирнягина, в том числе две его автобиографии от 1934 и от 1937 годов. Прежде всего, определились места его рождения и пребывания до 22-летнего возраста. Это север Уральской области, район Пельма и Самарово (сегодня это Ханты-Мансийск). Основным занятием крестьян в этих местах были охота и рыбная ловля. Володя был из многодетной семьи. Мать умерла, когда ему было два года, он один год учился в сельской школе, потом беспризорничал, работал батраком у туземцев («из третьей или четвёртой части рыбы»). К 1929 году хозяйство отца стало середняцким, и они всей семьёй вступили в колхоз. Но в том же году его призвали в Красную Армию. Он служил в Полоцке (Белоруссия), «показал себя одним из лучших красноармейцев» (из характеристики политрука), там же вступил в партию и даже на второй год службы был выдвинут на должность командира отделения разведки. Но там же с ним случилась неприятность, по-видимому, после падения с лошади, он остался хромым на всю жизнь. Нигде, ни в автобиографиях, ни в других документах нет подробно-

▲ Владимир Смирнягин
1933-34 г.г.

стей этого инцидента, но, скорее всего, он сыграл свою роль в том, что после санатория и возвращения домой его не использовали по военной линии и не дали вернуться к крестьянской жизни, а направили на учёбу в Совпартшколу.

В Совпартшколе он увлёкся «газетной работой», хотя такого предмета, как журналистика, там не преподавалось. Увлёкся настолько, что после окончания СПШ его приняли (или направили!) в редакцию газеты «Тобольская правда». Причём сразу на должность зав. партийным сектором. И, проработав там полгода, он был направлен Тобольским РК ВКП (б) в Свердловск на курсы коммунистов-журналистов. Эти курсы проходили, по-видимому, не полгода, как указано в справке «Забывтые имена Пермской губернии», а полтора года и включали практику в местных газетах. По крайней мере, от Лысьвенской газеты «Искра» курсант Смирнягин в январе 1935 года получил положительный отзыв «способный организатор, умеющий быстро ориентироваться в работе» при одном недостатке «недостаточно быстро и литературно оформляет материал».

◀ Дети-сироты

◀ Детдомовцы делают модели для завода

в 1935 снова открылся, причём к нему присоединили детдом из села Ключи «со скотом и оборудованием». Порядка там не было с самого начала, а с приездом в 1937 году «детей врагов народа» положение ещё осложнилось. Формирование слаженного коллектива из смеси беспризорников и детей репрессированной военной элиты требовало нового подхода, к которому воспитатели и руководство не были готовы. За 1938 год в детдome сменилось несколько директоров, в основном, уволенных за пьянку. НКВД даже выпустил совершенно секретный приказ № 00309 от 20 мая 1938 года «Об устранении извращений в содержании детей репрессированных родителей в детских домах», в котором Нижнеисетскому детдому уделён целый абзац:

«Воспитанники Нижне-Исетского детдома Свердловской области Тухачевская, Гамарник, Уборевич и Штейнбрюк высказывают к.-р. пораженческие и террористические настроения. Для прикрытия своей к.-р. деятельности вступили в комсомол. Указанная группа детей проявляет террористические намерения против вождей партии и правительства в виде акта мести за своих родителей». В заключительной части приказа предлагается: «Немедленно обеспечить оперативное агентурное обслуживание детских домов, в которых содержатся дети репрессированных родителей; Одновременно обеспечить правильный режим воспитания детей репрессированных, своевременно пресекая имевшие место издевательства над детьми, также попытки воспитательского состава детдомов создавать враждебную

Период поиска врагов

После успешного окончания курсов в мае 1935 года Свердловский Обком ВКП (б) командировал его в райцентр Куеда (Пермский край) на должность редактора районной газеты «Куединский льновод». Там он проработал даже не до 1937 года, как сказано в справке, а до сентября 1936 года, после чего его сняли со строгим выговором, якобы за то, что он принял на работу «троцкиста» Суворова, который, правда, был им уволен в мае за нарушение служебной этики, но продолжал работать в другой газете. И с ноября 1936 года Смирнягин «перешел на работу зав. РайОНО». Здесь он работал до июля 1937 года, когда вместо разоблаченного «врага народа» Горшкова его выбрали председателем Куединского райисполкома. Его хватило на полгода. Не имея, как он сам пишет, опыта аппаратной работы, да ещё при отсутствии заведующих отделами (райфо, райзо и другими), уволенных за контрреволюционную деятельность, имеющий проблемы со здоровьем Смирнягин с трудом справлялся с «доверием партии». Но всё, может быть, и простигли бы ему, если бы он не вступился за районного прокурора Плотникова, которого тоже разоблачили, как «врага народа». Причём на партсобрании он был один против сорока человек, но и на пленуме райкома продолжал отстаивать свою позицию. Лишь потом, когда его в январе 1938 года исключили из партии, как «пособника врагам народа», и уволили из председателей РИК, а Плотникова арестовали, он понял свою «ошибку». Дядю Володю восстановили в партии со строгим вы-

говором «за притупление большевистской бдительности». Всё это время он работал в конторе «Свердзаготпушнина» временно, сначала инструктором, а потом заведовал Кунгурским отделением Заготпушнины с перспективой назначения «на руководящую работу в Коми-Пермяцком округе».

Новая стезя

В декабре 1938 года ему предложили руководить детдомом. Строгий выговор с него сняли по предложению партячейки детдома лишь в 1941 году. Плотников к тому времени был уже полностью реабилитирован. Нижнеисетский детский дом возник в 1919 году, но, по некоторым сведениям, в 1924 году был закрыт, и лишь

▲ Встреча актива детдома с Речкаловым

▲ Памятник воспитанникам детдома, погибшим на фронтах

обстановку вокруг детей репрессированных; Устранить привилегированное положение, созданное в некоторых домах для детей репрессированных родителей в сравнении с остальными детьми; Проверить руководящий состав и кадры воспитателей детдомов, очистив их от непригодных работников».

Стакан с киселём

Бывший воспитанник Нижнеисетского детдома Фридрих Шолохович, ставший впоследствии профессором математики и деканом мехмата УрГУ, вспоминает о том, как в конце 1938 года один из детдомовцев, которому надоело пить три раза в день пустой овсяный кисель без сахара и соли, бросил стакан с киселём за спину. А там висел портрет Сталина. Стакан немного не попал в портрет. Мальчика заперли в чулан, а в НКВД донесли, что он швырнул стакан «с недетской злобой». Вполне возможно, что это произошло с самим Шолоховичем. Кому надо запоминать такой случай, если он произошёл не с ним? И буквально на следующий день в детдом приехал Смирнягин. Не мог ли этот инцидент стать причиной его назначения? Почему

была выбрана его кандидатура? Чтобы это понять, надо ещё порыться в архивах детских домов и НКВД за 1938 год. Но я сейчас понимаю, что мы с мамой ходили в 1939–40 годах в Нижнеисетск, чтобы поддержать тётю Марусю.

Система Макаренко

Деятельность Владимира Смирнягина на посту директора детдома хорошо известна и описана в нескольких книжках. Используя систему А.С. Макаренко, соединяя обучение с трудовым воспитанием, ему удалось достичь нужного результата. Он начал с того, что доверил управление и контроль за текущей жизнью детдома выборному Детскому Совету, возглавляемому наиболее «авторитетными» детдомовцами. Уже в 1939, тем более в 1940 году, по отчётам Смирнягина в ОблОНО, процент успеваемости детдомовцев в школе был выше, чем у «населенческих» детей, учившихся вместе с ними. В 1940 году детдом занял первое место на Областном смотре художественной самодеятельности и был премирован набором инструментов для духового оркестра, впоследствии торжественно переданным Уральскому танковому корпусу. Зимой 1941–1942 годов старшие детдомовцы участвовали в разгрузке и монтаже эвакуированного из Киева завода «Большевик», из которого впоследствии вырос Уралхиммашзавод.

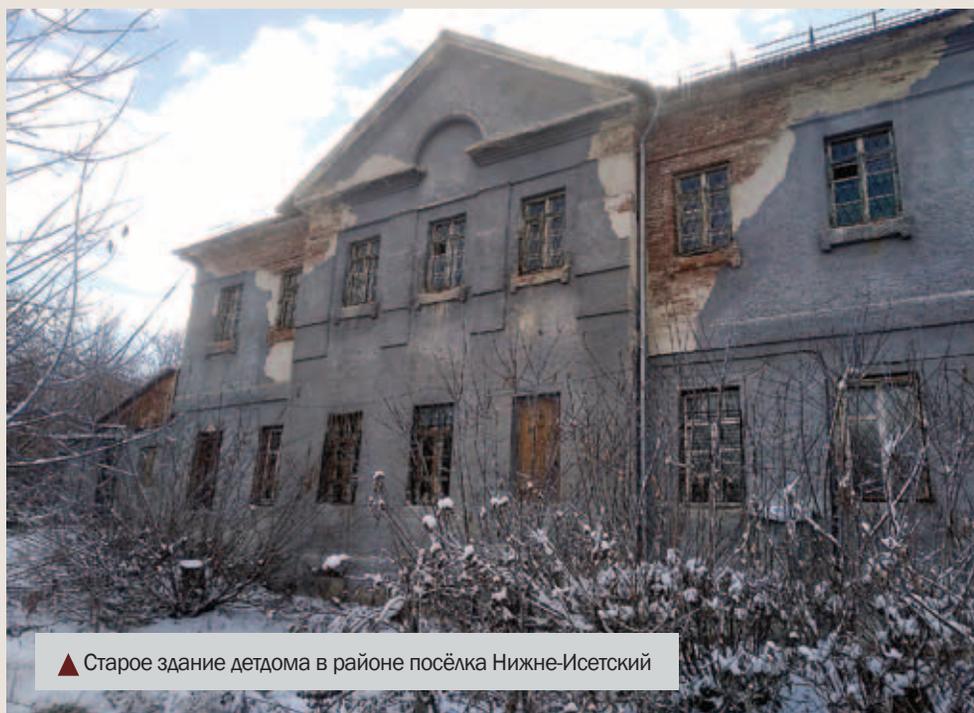
Достойные выпускники

Я лично помню, как в 1943 году детдомовец танкист Женя Клюев перед отправкой на фронт пришёл

попрощаться с директором и привёл познакомиться с ним свой экипаж. Воспитанники детдома стали учёными, инженерами, артистами, учителями, многие связали свою жизнь с Уралхиммашем. Я уже упоминал Фридриха Акимовича Шолоховича. На стеле, воздвигнутой ещё до революции возле того места, где был детдом, имена его воспитанников, погибших в Великой Отечественной войне. А сам детдом стоит в руинах. После смерти дяди Володи в 1959 году он продержался в этом качестве ещё три года, после закрытия на его базе несколько лет была школа-интернат, потом спецшкола для малолетних преступников. Более сотни выпускников Нижнеисетского детдома разных лет, собравшиеся по инициативе бывшей детдомовки кандидата педагогических наук, писательницы А.Д. Беловой в 1969 году, чтобы отметить 50-летие детдома, начали встречу на Нижнеисетском кладбище у могилы Смирнягина. Мне кажется, стоит как-то увековечить память директора детдома, создать барельеф, бюст или памятник, назвать его именем улицы, наконец. Чтобы помнили!

Он жизнь свою прицельно тратил на тех, кто сиротами стал. Его мальчишки звали «Батей», хоть он им спуска не давал.

Он был, как штык, заточен к бою, он не умел играть со мной. Он был суров с самим собою и честен со своей страной... VC

▲ Старое здание детдома в районе посёлка Нижне-Исетский

Николай Плотников

Проживает в городе Лысьва Пермского края, по специальности строитель. Является членом Русского географического общества и членом Союза фотографов дикой природы России.

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

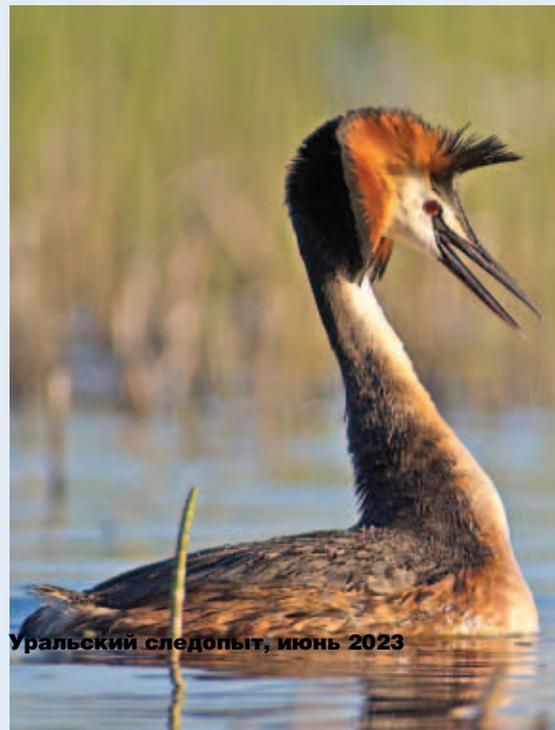
Фото автора

Танцующие в протоке

В узких протоках весенней Лысьвы в мае строят свои плавучие гнёзда необычайно красивые птицы, способные бегать по воде и танцевать. Прозвали их большие поганки или чомги.

Узкие протоки меж зарослей водяного хвоща весной просто кишат представителями животного царства. Прогуливаясь погожим майским днём по берегу нашего водоёма с фотокамерой, я наблюдал многочисленных крякв. В дельте любой реки формируется особая микросистема, которая, как правило, изобилует разнообразием как флоры, так и фауны. Далеко не каждая река может похвастаться такими разливами, а вот наша маленькая Лысь-

ва, благодаря Большому Лысьвенскому пруду, дельту имеет, а соответственно, и всё ей сопутствующее. Моё внимание привлекли две какие-то странные птицы. Высоко вытянув шеи, плыли они навстречу друг другу, издавая кокочущие звуки. Не надо быть орнитологом, чтобы понять, что это не кряквы. Но кто это? Пролётные, севшие отдохнуть на нашем пруду, или же гнездящиеся в наших водах? Сделав пару кадров для определения вида длинноше-

Уральский следопыт, июнь 2023

◀ Парный танец ▶ Мы вместе

▼ Кто это — поганки?

ей пары, я двинулся дальше. Всю дорогу мысли о неизвестных птицах не переставали атаковать мой мозг, уж больно интересно было их поведение.

Дома, благодаря интернету, удалось выяснить, что кокошущих птиц называют чомгами или большими поганками. «Поганка — потому что мясо у неё поганое, рыбой пахнет, есть нельзя», — примерно так объяснялось происхождение названия, но меня интересовали другие качества длинношейных созданий. Картинки и видео в «сети» показали, насколько это птица необычная. Необычным в ней было всё: и поведение, и внешний вид. Чомга относится к тем птицам, которые плохо летают, плохо ходят по суши, но отлично плавают, бегают по воде и танцуют. Ко всему прочему их гнёзда похожи на плоты, которые с лёгкостью держат на плаву и кладку яиц, и родителя, греющего своё потомство. Мне захотелось ещё раз сфотографировать этих птиц, во что бы то ни стало.

Не прошло и трёх дней, как я решил осуществить задуманное. На маленькой одноместной резиновой лодке, вооружившись телеобъективом, несколько часов я наблюдал, где чаще появляются чомги, запоминал маршруты их перемещений. Получив необходимую информацию, причалил к берегу и встал на ночёвку. Поганки гнездились в наших водах и в эти дни, их ток был в самом разгаре. Над водой громко кричали крачки, устраивая потасовки, а мне предстояло различными подручными материалами замаскировать лодку, чтоб хоть немного скрыть от пернатого населения водоёма своё присутствие. Майская ночь не спешила наступать, что, несомненно, было мне

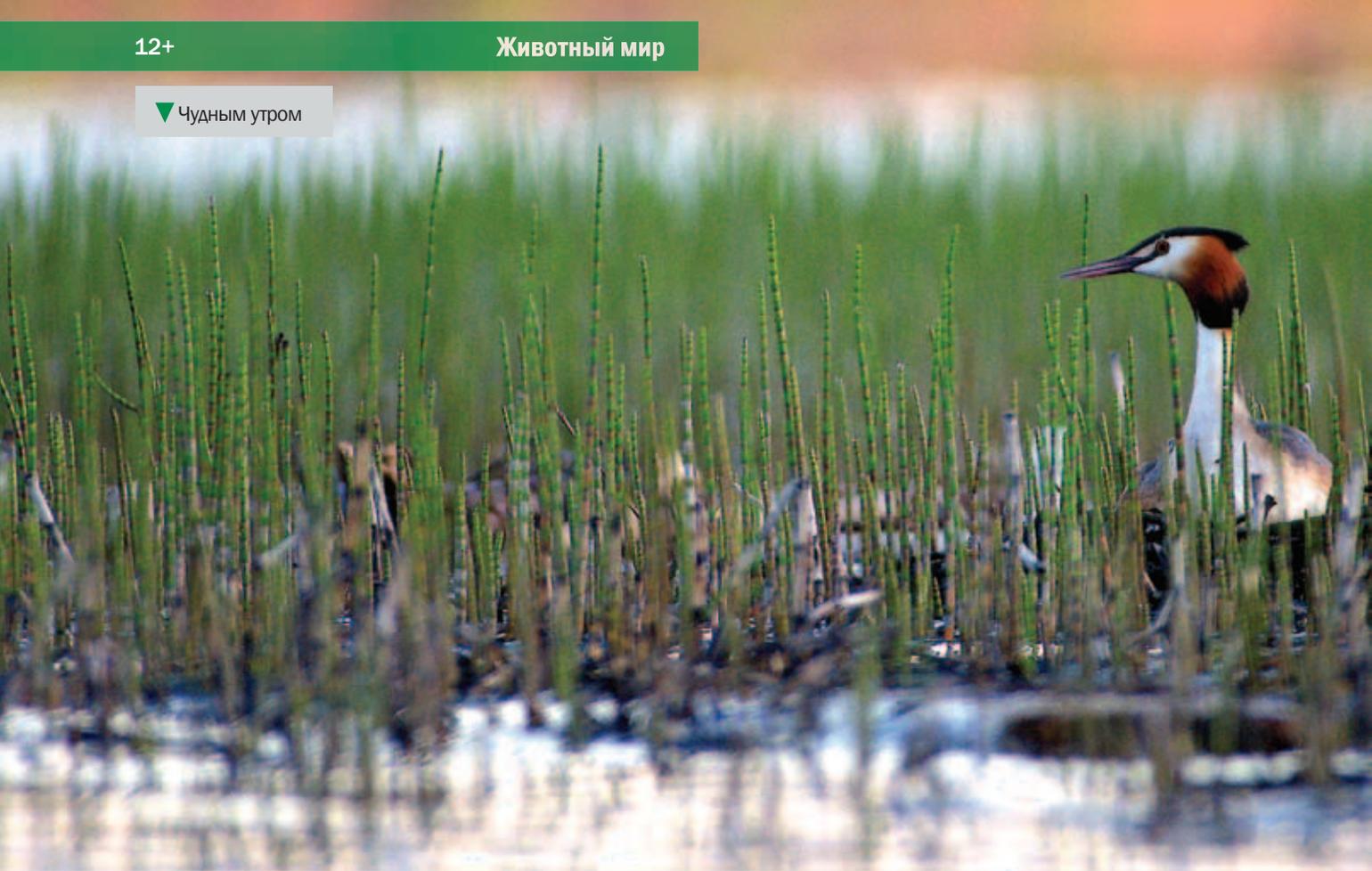
на руку. Только к часу ночи надувное судно обросло маскировкой из уже успевших распухнуть зелёные листочки веток. Оставленная рыбаками кучка сухих дров помогла устроить небольшой костерок и заварить чай, а вокруг всё пыталось спать, только неутомные крачки продолжали свой галдёж, но уже постепенно затихая.

Примерно в три часа ночи, когда птичий гомон окончательно смолк, мой плавающий скрадок отчалил по направлению к тому месту в зарослях водных трав, где чаще всего наблюдались чомги. На пруду был полный штиль. Зеркало воды идеально отражало каждую деталь пейзажа, и над ним катилась лёгкая прохлада, вызванная сумраком недолгой ночи. Нарушая тишину всплесками от вёсел, моя лодочка причалила к острову из водяного хвоща и немного углубилась в него. Теперь только терпение могло помочь мне осуществить задуманное.

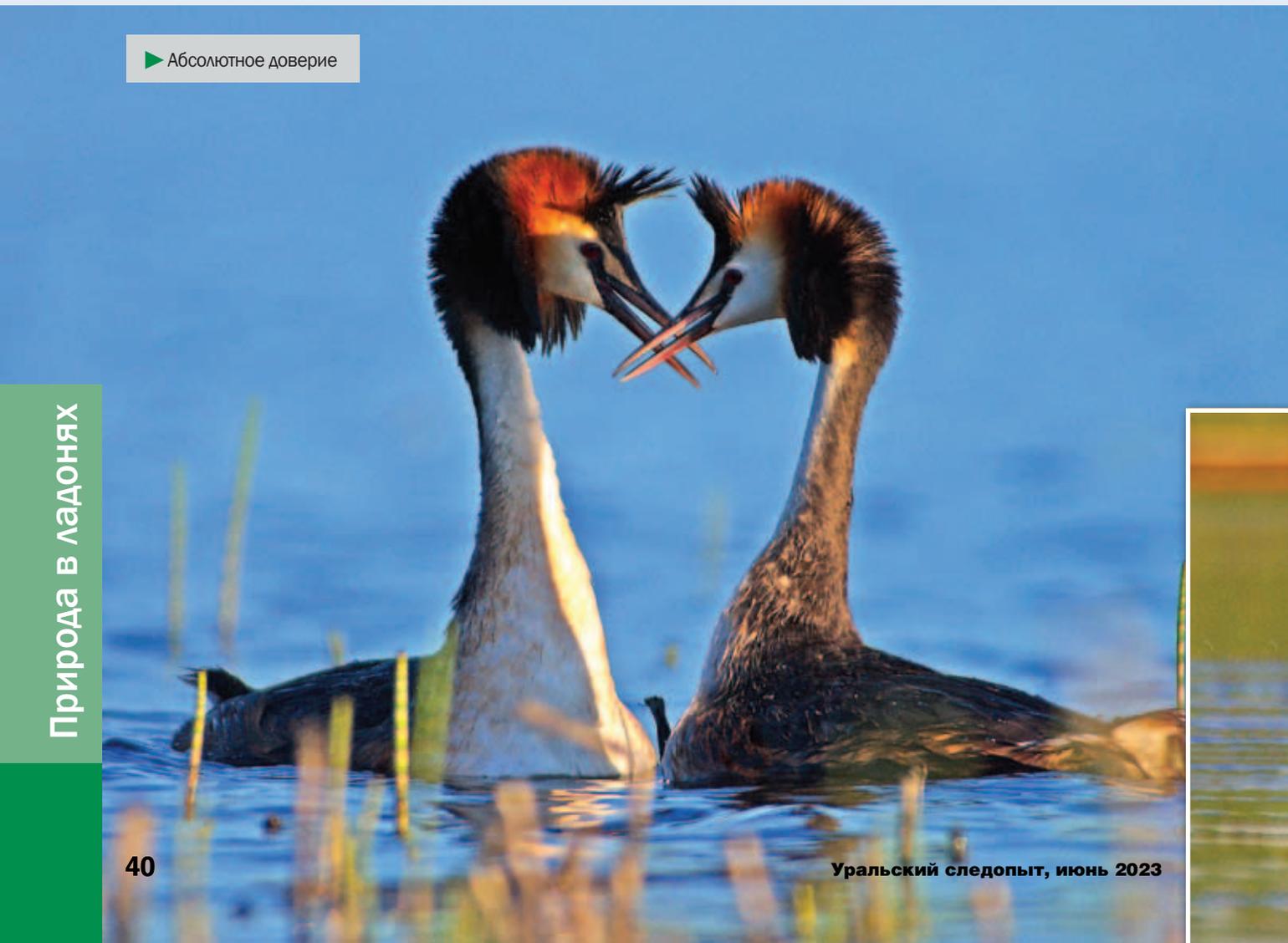
Короткая весенняя ночь подошла к концу, и я с воодушевлением ждал пробуждения больших поганок, но в это время они уже проснулись. Охотясь на некрупных рыбёшек, глубоко ныряя, уплывали они подальше от гнёзд и моей фотокамеры. Чомги — отличные ныряльщики. Под водой они могут провести целую минуту, преодолевая за это время расстояние метров в пятьдесят и более. Эта возможность и позволила им уплыть на другую сторону зарослей, не попав под мой взор.

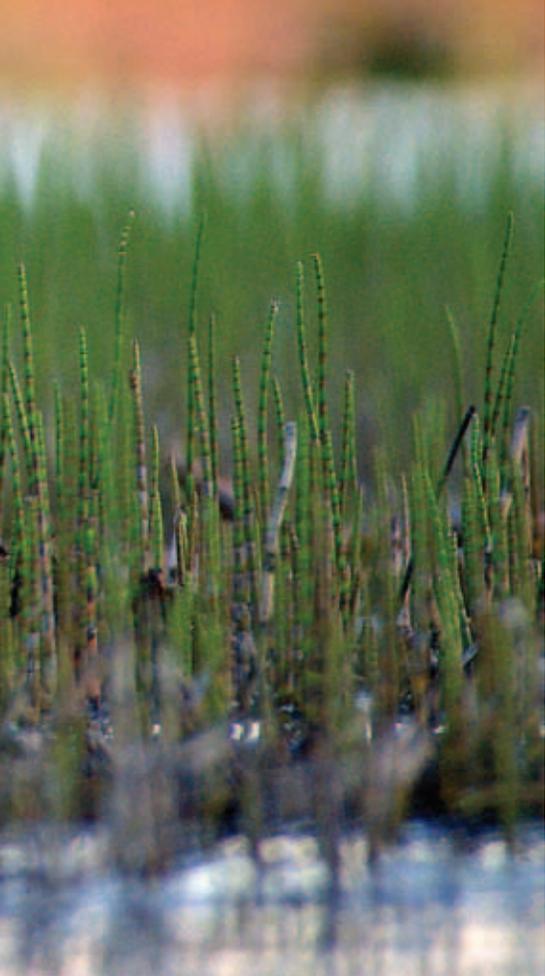
Большие поганки — птицы очень осторожные. Ни сохранность гнезда, ни жизнь птенцов не заботит их так, как сохранение собственной жизни. Попробуйте приблизиться к гнезду с сидящей на нём птицей, и она сра-

▼ Чудным утром

▶ Абсолютное доверие

мне это не приносило, а где-то вдалеке слышно было, как птицы устраивают свадьбы.

В тот день пару снимков удалось сделать, но меня это никак не устраивало. Я продолжал приплывать на место их гнездовья до середины июня, пока не прошёл гнездовой период. Мне хотелось сделать красивый детальный снимок танцующей пары, но близко они меня так и не подпустили. Когда вылупились птенцы, найти чомг на пруду вообще стало невозможным. Не связанные гнездами большие поганки бороздили просторы нашего водоёма, выдавая себя только редкими пробежками по воде, и по этой причине гонки за этой птицей пришлось прекратить.

Надеясь на съёмку в следующем году, я занялся поиском способа приближения к чомгам без особо крупных затрат. Обычно, для съёмки водоплавающих птиц используют плавучие засидки. Небольшая замаскированная конструкция даёт плавучесть камере, а фотограф, облачившись в гидрокостюм, толкая её перед собой, подплывает к «моделям». Однако, при использовании такой системы есть большой шанс испугать фотоаппаратуру, что меня весьма пугало, — и я этот вариант исключил. Траты на гидрокостюм тоже не входили в мои планы, и поиски возможностей съёмки продолжались. Однажды мне попала статья, в которой рассказывалось о том, насколько птицы умны: они умеют считать и так далее. Приводились примеры о различных видах, и хоть про поганок не было сказано, в моей голове созрел план, который я надеялся осуществить будущей весной.

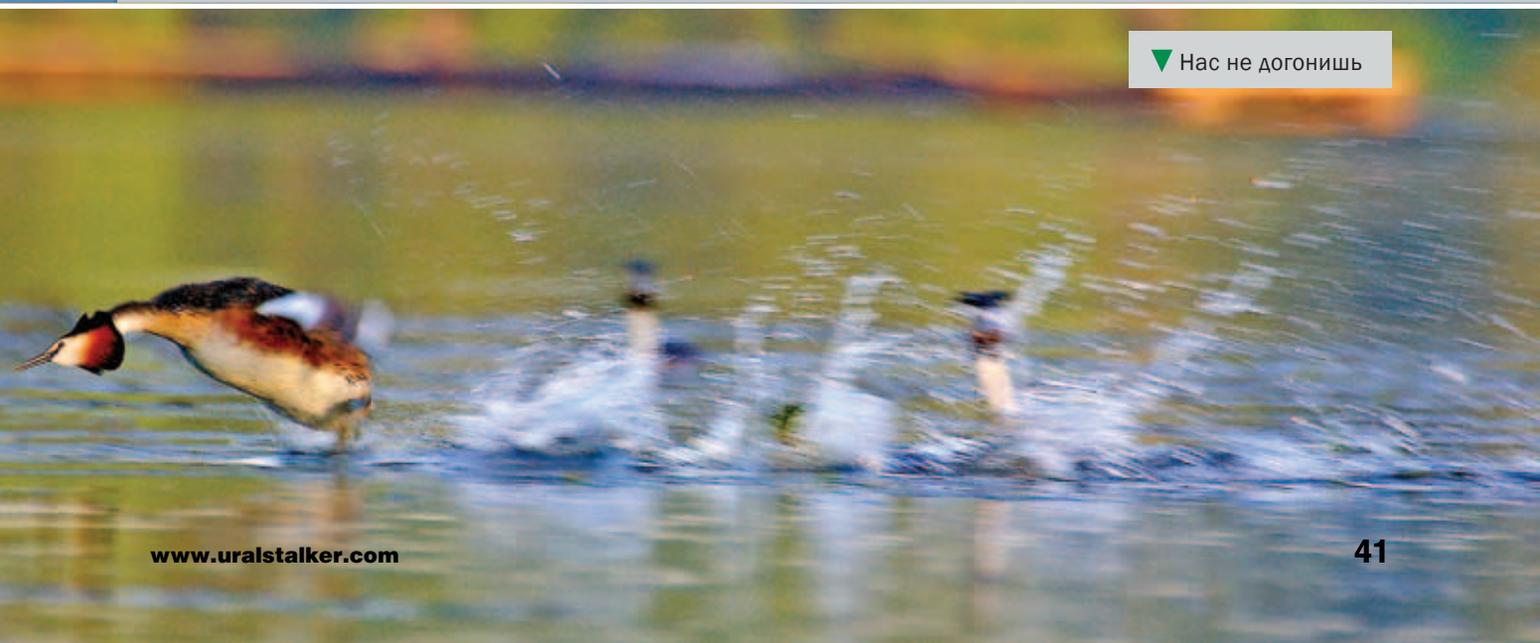
Наконец с таянием снега закончилась зима, и вскоре наступил долгожданный май. Большие поганки опять прилетели в дельту Лысьвы,

оправдав мои ожидания. Дождавшись подходящей погоды, я был готов выполнить задуманное, и моя лодочка опять устремилась к зарослям водяного хвоща. Заранее выяснив расположение гнёзд среди водной растительности, на берегу я стал готовиться к съёмке этих необычных созданий. Тщательно замаскировав лодку ветками и камуфлированной тканью, я ждал, когда крачки смолкнут, и придёт пора отправляться в птичье царство. На отдельной лодке пришёл мой друг, без которого приготовленный план был бы неосуществим, и нас стало двое.

В три часа ночи какой-то человек на резиновой лодке отбуксировал кучу веток к зарослям водяного хвоща. Сразу весь птичий мир проснулся, речные крачки принялись неустанно атаковать одинокого ночного лодочника, прогоняя от своих гнёзд. Не придавая никакого значения нападкам пернатых, мужчина остановил лодку и закурил, как бы показывая птицам, что вот, он по какой-то своей надобности притащил сюда кучу веток. Через пару минут его вёсла снова стали загребать воду, и лодка медленно поплыла назад к берегу. Вскоре птицы успокоились и, не обращая внимания на оставленные незванным гостем ветки, продолжили свой чуткий сон. Мне же предстояло ждать восхода солнца, сидя на дне лодки, замаскированной под кучу веток. Как только на ростки водяного хвоща упали первые лучи, застрекотал затвор моей камеры, сохраняя изображения этих удивительных птиц. Только благодаря случайно найденной статье о поведении птиц удалось обмануть больших поганок. Я твёрдо усвоил, что любая съёмка требует тщательной подготовки и изучения поведения «моделей». Увидеть чомг так близко, как в этот день, мне даже не мечталось. **УС**

зу же из него ныряет, оставляя кладку своих яиц или даже птенцов без защиты. Маленький дрозд, защищая потомство, бесстрашно бросается на нарушителей границ своих гнездовых, а эта крупная птица прячется. Вот и лодку, в которой сидел фотограф, несмотря на маскировку, они сразу же заметили и обошли под водой, удаляясь от меня на безопасное расстояние. Видимо, несмотря на страх, родительский инстинкт всё равно заставлял их время от времени подходить поближе к своим гнёздам, предоставляя мне шанс захватить их в видоискатель камеры, но удовлетворения

▼ Нас не догонишь

Данный формат путешествия я отношу к All mountain или к трейловому (поди разберись без пол-литра с терминологиями) — тип горного велосипеда, находящийся между кросс-кантри и фрирайдом в сочетании с эндуро. В общем, поработать в горку, но не на выживание, как кантри, насладиться спуском, но опять же не на выживание, как в даунхиле, хотя и такое возможно.

Весенняя Башкирия. Лирическое

Маршрут для велозависимых

Если вы не любите крутить в горку или наслаждаться спуском по неподготовленным трассам, то, кроме страданий, вы скорее всего ничего не получите. Электровел улучшает ситуацию тем, что легче особо не станет, будет только быстрее, ну и позволяет катнуть больше.

День 1, 2-й «Вы точно туда поедете?»

Почти традиционно в майские праздники решили раскатать Банное и окрестности. Два дня разминки на Банном (официальные названия ГЛЦ Металлург-Магнитогорск — 1,2,3 ДХ, или Трасса № 3, 4 «Трасса Кубок России 2009»), ибо остальные трассы на момент 30.04–01.05.2023 — снег и вода. Даже тропа на гору Куропатку — снег.

Традиционные вопросы «подогретьх» туристов формата: «Вы точно сейчас туда поедете?». Один дядечка, фотографировавший меня перед спуском, встретив внизу, обрадованно кричал: «Живой! Я точно тебя фоткал наверху!». Если хотите насладиться живым общением, можно просто с велосипедом в экипировке стоять на горе в выходной, а тем паче праздничный день.

Сие лирическое отступление служит предупреждением о том, что ашан-

байки и медленное катание по дорожкам городского сада — не самая лучшая подготовка к подобного рода прогулкам.

2 мая, как стихли вопли и приклатнённые напевы алкошашлычников-соседей, выдвинулись поглядеть тысячки по окрестностям.

День 3-й Ногодрань и мордохлыст

Первый в списке Хребет Крака (14 км и 630 набора). Опробован в прошлом году на аналоговом велике. Сухо, красиво, здорово!

Загрузили весь «электрокарбонарий» на машину и вперёд!

Неожиданное открытие — крепление THULE не задумывалось под такие объёмы рам Canyon ON. Но всё поправимо, для надёжности подмотали (даже не синей!) изолентой и поехали. Крака не подвёл! Всё так и есть — сухо, красиво, здорово. Рекомендуются к посещению пешим, конным и велозависимым.

«Качели» на хребте весьма приятные и умеренно сложные, спуск достаточно техничный, в специализированных приложениях размечено 2 трейла, в любом случае получите немного весёлой сыпучи, но уклон — без фанатизма.

РЕСПУБЛИКА БАШКОРТОСТАН

Максим Фролов

Проектировщик. Рыбак, бывший охотник, авто-, велотурист. Фотограф-любитель.

Фото автора

Прошлый год я шёл пешком и не понравилось, нынче ехал и наслаждался.

Попутно посещена гора **Арвякрязь** (1068 м, 6,3 км с подъёмом 420 м).

Влажно до болот, потому, объезжая грязи, упорол на фрирайдный подъём — развлечение средней увлекательности — ногодрань и мордохлыст, но сдружили. На простом велике (аналоговом) наверно не поехал бы, на «электричке» можно!

На данном маршруте отмечен Тюльпан Биберштейна — первоцвет горной лесостепи. Виды с горы и по дороге — просто сказка.

День 4-й С болотцами, но терпимо

Ещё одна локация, где имеет место быть топовое кантри с замечательными видами — **Кургаштау** (16,5 км

с подъёмом 370 м). Также доступна для прокатки часть трейла почти с вершины. На момент посещения — с болотцами, но терпимо. По пути смотровая площадка, в наличии разметка и забавные домики-указатели. Отдельно такой маршрут, наверно, не поехал бы, но вкупе с последующим хорошо скрасило день.

Малиновая 1 Малиновая 2 (протяжённость 14 км, набор 740 м).

Стартовали от Белорецка, пройдя разлившуюся Нуру с «электричками» на хребтине. Воды чуть выше колена — стоковый Амарок при нас преодолел реку, успешно погрузившись чуть выше порогов. Отличный трейл по сухим тропкам. На момент посещения — одинокие древесные столбы переползают дорогу, так что прямо «на все деньги» гнать вниз не стоит.

Плюсы весеннего катания:

- ◆ небольшое количество народа на тропках,
- ◆ мокрые тормоза отлично звучат в весеннем лесу, снижая шансы встречи с животными,
- ◆ лес и тропы просматриваются гораздо лучше, даже очевидные трейлы видны,
- ◆ ширь, природа и красота!!!

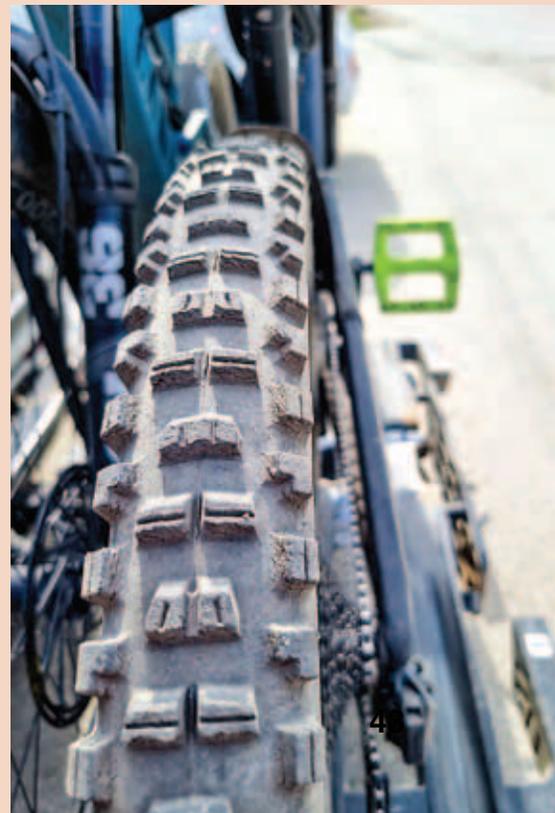
На 2 Малиновой долго тащили вёлы по курумнику, вверху горы в надежде скатить хороший трейл. Особого смысла данная акция не имела, хотя на верху чуть-чуть катнуть можно.

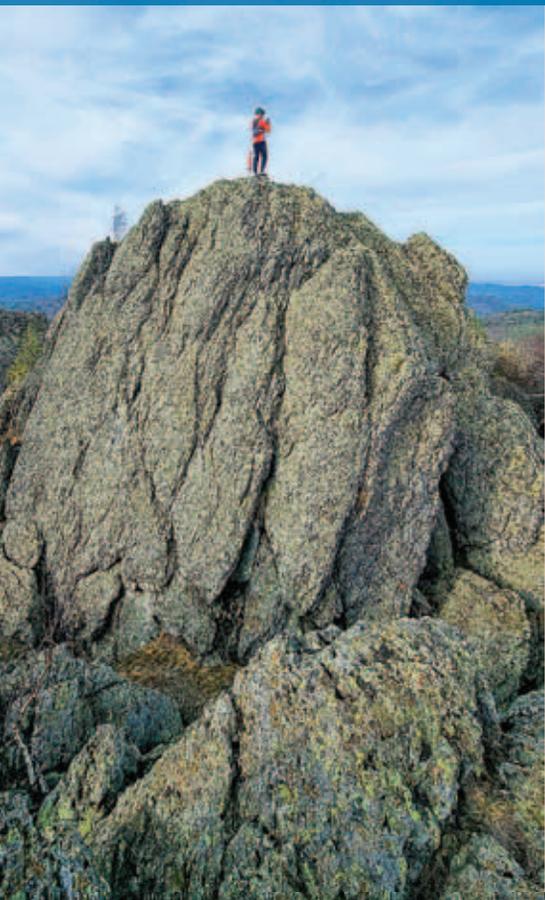
День 5-й Богат на душевность

Куркак (23 км 736 набора). Это был незакрытый гештальт прошлого года. Тогда, закрутив на аналоговых велах по дороге, вместо весёлого фрирайдного спуска, напуганные геодезистами, встретившими медведя, скагили по той же дороге, не закольцевав маршрута. По совести, в том году спуск я бы на велосипеде не осилил. В этот раз расположение фрирайдной тропы было заранее должным образом изучено и всё пошло веселее. Фрирайд на Куркаке стоит того, чтобы понаслаждаться в горку.

Техничный красный спуск (если сочетание этих букв вам ни о чём не говорит, то на велосипеде вам сюда не надо!). Примерно аналогичная ситуация по остальным горам — спуск доступен не всем).

Кушай (20 км, 630 набора). Фрагмент большой Южноуральской тропы

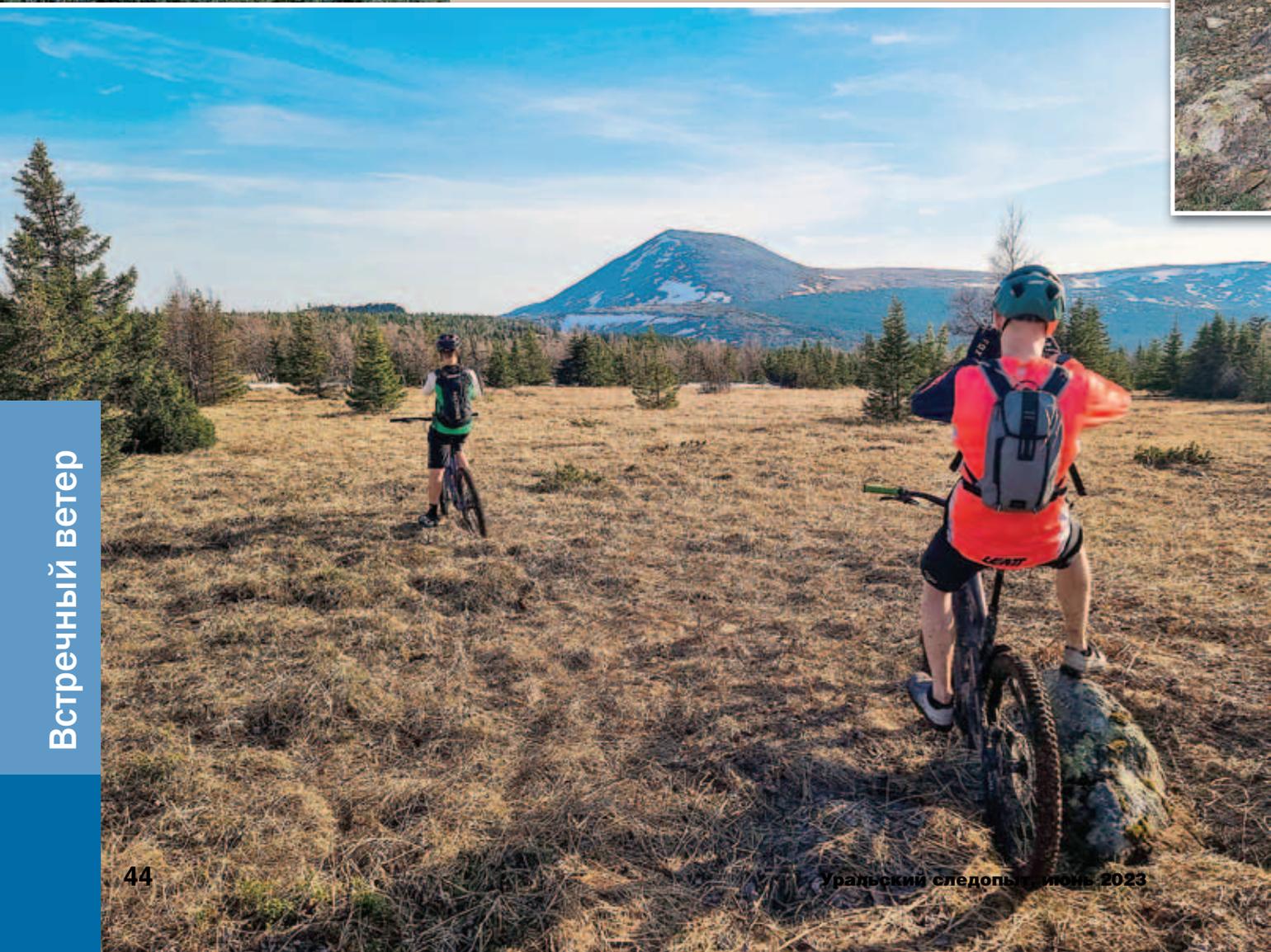
промаркированный и душевный (Хребет Крака, Малиновая 1 и 2, Арвякрязь, Иремель также кстати входят в маршрут Большой Южноуральской Тропы — проект активиста и путешественника из Башкирии Раиса Габитова).

Здесь были под вечер в золотой час с подсевшими батареями, и потому данное направление непременно будет докатано! Спуск — наполовину чистой воды флоу, конечно, с живыми камнями, корнями — всё

как положено и частично полевые дороги.

Иремель Малый, Иремель Большой (28,35 км от Тюлока, 890 набор, 28 км, 980 набор от деревни с учётом дополнительной закрутки по верхней тропе для ската).

Пожары в стороне Зигальги видны как со стороны въезда, так и с Иремеля. По дороге в Тюлок были остановлены и проинструктированы экипажем ППС или ГИБДД на предмет обращения

с огнём и разведки пожарной обстановки перед выездами. Всё корректно и доброжелательно. Катали в 2 дня — первый с учётом перебазировки из Зелёной Поляны получился укороченным, но от того не менее забористым.

Вечерние болотные «электровыпи», болотца, курумник и природамать! При этом полное отсутствие людей на верхней тропе. Душевный инспектор на кордоне! Да, и такое бывает! Мы забыли наличку (хотя вроде помнили, что вход платный, а связи нигде нет) под честное слово были записаны, проинструктированы и в общем хорошо пообщались. Инспекторский самоед своим добродушием и теплом способен обогреть лобного продрогшего в курумнике. Хозяйка гостевого дома, в котором мы приотились, ооочень хорошие и душевные люди. Как-то Тюлюк с Иремелем богат на душевность, может тут воздух такой? Что-то увлёкся...

По трейлам. Верхняя тропа — начало сухо, середина болотца и снег

(5–6 мая) подход к Б. Иремлю — снег. Нижняя тропа, по которой в это время года и движется основная масса людей, сыроват, с обилием ручейков, но всё обходится посуху. По нижней вверх не катали только вниз. За исключением метров 500 курумника ближе к кордону, трейл — огонь! Ну да, техничный, конечно. Верхняя тропа посуху, наверное, вся пролетается на одном дыхании.

Ну и красота!

Про организацию групп пеших писать не буду, это стоит отдельной темы. Но хотя бы не сводите инспекторов с ума, выходя по 2–3 человека из состава группы и не зная, на кого регистрировались.

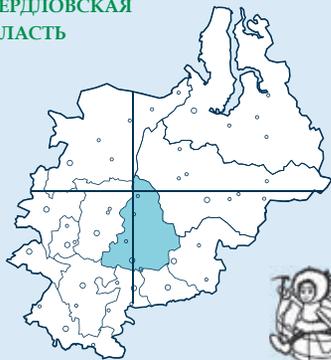
Наличие на горе 3 электрокарбониевых велов вызывало интерес и порой недоумение. Возгласы типа: «Мама, они прям тут едут!», «Ооо, сумасшедшие! Ещё один!», — это как данность.

В общем описанные маршруты при соответствующей подготовке и желании это прям топчик! **УГ**

«Пьяный» лес за перевалом Дятлова

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Валерий Денек

Преподаватель УГЛУ, бывший охотник, путешественник, пишет о природе. Урал — любимое место на планете. Кумиры: Бианки, Улукиткан.

Фото Дмитрия Аитова

Перевал Дятлова. Загадка на загадке и загадкой погоняет. Годы идут, интерпретации событий множатся и в объёмах растут, но так никто толком и не знает, где ж она есть-то — истинная суть.

Люди, впервые посетившие эти места, а именно березняк, что расположен в нескольких километрах севернее от вышеназванного перевала, удивляются растущему здесь «пьяному» лесу. И, действительно, стволы берёз имеют безобразную форму, а сами деревья словно застыли в причудливом танце под «музыку» непреодолимой силы.

«Какое вам ещё доказательство нужно о причине гибели туристов-дятловцев? Дураку ясно, что погибли они от испытания оружия, использование которого приводит к выделению радиации. Видите, какая мутация у деревьев. По-другому же это явление и не объяснить никак!», — говорят после увиденного люди. И надо сказать, что такое мнение довольно распространено.

Как-то раз привезли мы спил ствола можжевельника, растущего на южном склоне горы Отортен — прямого свидетеля трагедии 1959 года в лабораторию УЛТИ. Один из пожилых сотрудников лаборатории так прямо и сказал: «Уберите этот образец подальше и не храните его дома и в лаборатории».

Мы, находясь неоднократно в этих местах, попытались разобраться в причинах появления «пьяного» леса, и вот какая картина у нас получилась.

Деревья и кустарники в естественных условиях растут там, где абсолютно случайно окажутся их семена. На их распространение влияют ветер, дождь, заморозки, травянистая растительность, почвенные условия и ещё много других факторов. Часть семян распространяют птицы. Мякоть плода

переваривается у них в желудке, а семя часто остаётся неповреждённым. Пролетит птица с сотню километров, вот семена и окажутся в новом месте. И какое это будет место, благоприятное или нет для растения — предсказать самому растению невозможно. Куда попал, где оказался волей случая, там и живи-поживай и устраивай всю свою жизнь из того, что есть.

Так орешки кедра сибирского распространяет птица кедровка. Делает она это не специально, а так, случайно выронив шишку в полёте, например, высоко в горах. Посмотришь и удивишься тому, как кедр сюда попал, а ещё больше тому, как этот кедр в существующих жесточайших условиях ещё и выживает.

Ну а если чудо из случайностей всё-таки произошло — семя проросло и росток прижился — то надо деревцу как-то стараться приспособиться к условиям окружающей его среды, других-то условий для него уже не будет в этой его жизни.

За перевалом Дятлова в основном растут берёза, лиственница, ель, кедр, можжевельник и ива.

Условия в этой местности для жизни растений очень непростые, можно сказать экстремальные: большие перепады температур в течение суток, ураганный ветер, бедная питательны-

ми веществами почва, малый вегетационный период, иногда повышенная влажность или наоборот.

Вот эти «танцующие» берёзы растут на южном склоне и, казалось бы, повезло этим растениям, так как находятся они днём под воздействием прямых солнечных лучей, что немаловажно для более-менее полноценного их развития в северной тайге. Однако и в этих условиях есть свои сложности, которые заключаются в следующем.

В период, когда солнце начинает весной пригревать, снег поначалу начинает таять на южных склонах гор. Талая вода, накапливаясь в снежной массе, затем постепенно устремляется вниз по склону. Снег в месте произрастания берёз под действием текущей воды подтаивает снизу, и под сугробами образуются пустоты. Ночью оттаявший днём снег подмерзает и превращается в лёд, который и зависает на стволах деревьев. Со временем солнышко ходит все выше над горизонтом, дневные солнечные лучи и тепло начинают заглядывать даже в глубокие распадки, снег начинает таять и здесь. Ночью же весь водянистый снег повсюду снова превращается в наст-лёд.

В итоге образуется слоёный пирог: сверху и снизу лёд, а внутри снежная масса, которая со временем также наполняется водой и по ночам вся пре-

вращается в итоге в лёд. И вот эта многотонная масса льда и будет висеть на стволах деревьев, пока совсем не исчезнет при наступлении всеобъемлющего тепла.

В это время, благодаря появлению всё большего количества талых вод, сбегаящих с верхней части гор вниз, почва оттаивает, корневая система растений просыпается. У берёз начинается сокодвижение, ствол дерева, потеряв прочность, становится более пластичным. Растения двигаются в рост, но под влиянием огромной массы льда, зависшей на их стволах, они вынуждены приспособиваться и развиваться не так, как Боженькой велено, а так, как вынуждают окружающие обстоятельства. А вот они-то как раз и приводят к деформации ствола. Как говорится: «Хочешь жить — умей вертеться», и, как видим, эти растения буквально ориентируются на эту фразу и воплощают её в свою жизнь.

С наступлением тепла наст исчезнет полностью, а вот необычная форма деревьев останется. И люди, что волею судьбы окажутся здесь, задаются вопросом: «А почему в этом месте растёт «пьяный» лес?» А зная о происшедших в этих местах трагических событиях и используя логику, многие и приходят к мнению о воздействии радиации на эти деревья. **УС**

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** www.uralstalker.com
УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** www.uralstalker.com
УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** www.uralstalker.com
УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** www.uralstalker.com
УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** www.uralstalker.com
УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** www.uralstalker.com
УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** www.uralstalker.com
УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** www.uralstalker.com
УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** www.uralstalker.com
УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** www.uralstalker.com
УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** www.uralstalker.com
УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** www.uralstalker.com
УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** www.uralstalker.com
УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** www.uralstalker.com
УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www uralstalker.com

Июнь 2023

Аэлита

50

Законы Вселенной

СТАНИСЛАВ КОЧЕТКОВ

Возвращение «Чёрного Принца» **50**

67

Повод для улыбки

АЛЕКСАНДРА ХОХЛОВА,

ДМИТРИЙ ОРЛОВ

Анфантидские иерноглифы

67

78

Повод для улыбки

АНДРЕЙ СИДОРКИН

Девятая строфа

78

(Окончание; начало в № 1,2,4 и 5 за 2023)

VIII. Инопланетяне

Через пять недель после легендарного улова форели.

*Посвящается
Фёдору Дмитриевичу Березину. Учителю и Пророку.*

Я ещё в советской армии собирал байки про «латентных инопланетян» — настолько разительной казалась разница между обычными мирными и военнослужащими. Жизнь научила, что любой успешный командный процесс, а тем более в критическое, военное время, невозможен без отстранённого, «инопланетного» взгляда на себя и происходящее.

Первый Чёрный Пёс всегда старался быть тихоней. Не высовываться: умеешь считать до десяти — остановись на семи. Это помогало: даже в детстве он, низенький и толстенький, подвижный как ртуть, всегда считался «в первой обойме», но никогда не лидером. В результате славу и прибыль он делил поровну с главными, но ответственности лидера избегал всегда.

Так и после госпереворота в Полуостровной он достаточно долго решал, высчитывал: у него ведь «по крови» бабушка по матери была из «болотников» или как это модно стало там говорить, из «уводяных», а «след змеи на камне и птицы в небе», хотя какие там в небе птицы... Все сомнения развеял налёт на Горнило: и бабушка, и мама с папой, и братишки с сестрёнками, и весь удачный семейный бизнес в одночасье сгорел золой. И Первый — тогда Кирилл Сивуха, студент предпоследнего курса бизнес-академии, — стал мстителем Чарльзом Вейном.

Война, абордажная команда «Чёрного Принца» — всё это приучило Чарльза командовать, но всё рав-

Возвращение «Чёрного Принца»

Станислав Кочетков

родился в 1965 г. Вырос в СССР, жил на Украине, теперь в ДНР. По образованию филолог, работал в школе и в вузе. С 2003 г. ушёл в область IT — в настоящее время администратор защиты информации и системный администратор (SecDevOps). Женат, дети взрослые. Увлечения — автомобили, паруса, туризм; из общественной деятельности — волонтерство, казачество. Литературный путь начинался в Клубе самодельной песни, затем продолжился в прозе. Член СП ДНР.

но при первой возможности он всегда уступал лидерство другому, оставаясь верным помощником, заместителем и теневым лидером. А потом был злосчастный бой с «Низамие», и, как оказалось, других лидеров, кроме него, среди выживших не было. Тут-то Вейну и пригодились старая дурацкая байка про демократию, он очень быстро соблазнил говорунов, регулярно подбрасывал им темки и проблемки, самым первым стал Номером Чёрного Принца, хотя, естественно, вроде бы как и не он предлагал, он только поддерживал. И до тех пор, пока их, Номеров, было много, ну или не так мало, как сейчас, он с удовольствием действовал чужими руками.

А теперь он остался совсем один — Шестой, узнав о смерти Пятого, просто вскрыл себе вены: Первый, ещё будучи Вейном, подозревал в нём скрытый пассивный гомосексуальный комплекс и очень нежные чувства к Пятому, но теперь было поздно. И в результате в погоню за диаграммами дна с эхолота «Принца» Первый вынужденно отправился один.

Поначалу ему хронически не везло: не хватало храбрости, умения, решительности: командовать, хоть и скрытно, другими, совсем не то же самое, что всё делать самому. Будучи уже на грани, Первый вдруг как-то перестроился, стал гораздо медленнее, ещё скрытнее, осторожнее. И начал, анализируя ситуацию как бы по-прежнему, выдавать советы и рекомендации самому себе, только как постороннему, ведь кто лучше самого Чарльза, знал его сильные и слабые стороны. И вот так вот — получилось, дело пошло.

А тем временем наследство гражданина Загории Валентина Скачко, в котором, к вящему удивлению, вдруг узнали ополченца Билли Бонса и гражданина Острова, разбилось на ручейки и струйки, и струйка с нужной Первому папкой сегодня приползла сюда, в трактир «Принцесса», почему-то к Метрополцам, но вплотную

занимающимся подводными исследованиями и «Чёрным Принцем». Вейн знал об этом заранее, за неделю, и уже пять дней крутился вокруг трактира, но осторожно, так как с удивлением узнав в трактирщике своего бывшего капитана, Бена Ганна.

Однако всё получалось. И папку он сегодня увидел, и отравить получателей её уже успел. Полузабытый древний болотный яд кродум — то ли симбиоз бактерий с грибами, то ли наоборот — действовал безотказно: бактерии размножились в организме, распространяя споры грибка, который иссушал и убивал человека в срок от двух-трёх часов до суток, в зависимости от соотношения массы тела и количества отравы.

Правда, яд сам потому и полузабытый, что специфически, резко и неприятно воняет болотом. Но и тут помогли древние тексты — а читать ещё Кирилл любил, — утверждавшие, что густой сахарный сироп резко уменьшает выделение пахучих, хотя бы на то время, пока грибок этот сахар не переработает, на пару часов. Осталось дело за малым, найти, как упрягивать поражающий элемент в сироп надолго, но и тут в арсенале спецслужб Загорийцев нашлась книжонка, в которой рассматривалось взаимодействие кродума с сахаром, мол, для этого бактериям и грибку необходим воздух, кислород и углекислота, а если доступ к воздуху прекратить полностью, то процесс разложения сахара замедляется на порядки, в герметично закрытой ёмкости кродум в сахарном сиропе транспортировали целыми месяцами.

Это-то Первому и было нужно: сам кродум он приобрёл ещё в Загории, перевозил в баночке с клубничным джемом в заводской упаковке, и уже здесь, на Острове, набрал в шприцевые ёмкости боевых перстней, а сами перстни упаковал в сироп и в герметично закрытые плёночные пакеты. Всего таких пакетов с перстнями у Первого было шесть, и первые два он применил

сегодня: одним ещё с утра сделал инъекцию командиру Эпрона под лопатку, вроде бы как случайно споткнувшись и налетев на него сзади, вторым, притворившись жадным нищим, его краснорожему заместителю с синюшными венами на огромных руках оцарапал руку от локтя до пальцев уже после того, как эти двое получили пакет с папкой. И теперь, не особо приближаясь — всё же какими огромными оказались эти Метропольцы, Первый, хоть и сам не худой, казался себе по сравнению с ними карликом! — наблюдал за парочкой и их перемещениями с папкой.

Результат всегда был однозначно предрешён, потому в успехе дела Первый не сомневался, просто не хотел «залететь» до того, как можно будет спокойно забрать папку из помертвевших рук и раствориться. Но и не хотелось, зная по описанию воздействие яда, выпускать надолго папку из виду: яд начинал действовать резко, сразу, как только бактерии и споры заражали около 70% организма. В этот момент может начаться суэта и драгоценные диаграммы могут повредить или потерять. Потому Первый опять крутился рядом с заражёнными. Именно сейчас он выглядывал их с улицы через окно трактира с помощью маленького зеркала.

Всё, доели. Встали и пошли к себе наверх, но на лестнице остановились и заговорили неспешно и важно с Бенном Ганном. Нужно спешить, суметь попасть к ним в комнату до прихода хозяев! Первый обежал трактир кругом и по металлической лестнице на второй этаж, осторожно и тщательно наступая только на продольные опорные профили, не на ступеньки, взбежал наверх. Заранее заготовленная отмычка подошла сразу, Чарльз прикрыл за собой дверь без щелчка замка, закрыл на два оборота — время может понадобиться! — и внимательно осмотрелся в номере. Большая гостиная с выходящими тремя дверьми в разные спальни, с посудным шкафом, обеденным столом, письмен-

ным столом возле окна и маленьким журнальным столиком между двумя креслами. Ещё четыре стула пристроены по углам вроде как в беспорядке. А над письменным столом на стене висит монитор, обычный такой световой монитор, но он не светится. А изображение на экране — есть. Как будто жидкую краску по монитору разлили, только эта краска сама складывается в картинку, и сейчас по картинке видно, как Командир и Синерукий Красномордыйжимают Бену Ганну руку и готовятся подниматься дальше вверх, но сверху спускается горничная, кавалеры, пропуская её, прижались спиной к перилам лестницы, аж перила прогнулись.

И от этого монитора идут не световоды, а провода, то есть настоящие провода, медные, в пластиковой оболочке — куда? Вот в этот ящик, как в системный блок? Но ведь в нём тоже ничего не светится, только греется и какой-то вентилятор тихонько жужжит, как система вентиляции в абордажном отделении, это что, не компьютер, если нету источника света? Или какой-то странный компьютер, не оптронный?

Тут верхние ступеньки лестницы отчётливо заскрипели под весом приближающихся мужчин, и Первый быстро забегал глазами, ища, где же спрятаться. Ага, вот тут, в третьей спальне, какой-то непонятный, как будто гуттаперчевый шар, а на нём символ «губы с поднесённым пальцем и перечёркнутое ухо!» Ага, знаем, видели! Это специальный бокс для секретных переговоров, чтобы снаружи точно нельзя было ничего подслушать, их в Кунаширских кланах Восточного континента в тропической зоне выращивают и выдвывают! Он должен быть расширяемым! Сюда! — и Первый шустро вкатился внутрь шара. И прильнул глазами к щёлке под неплотно задёрнутой занавесью. И обомлел:

Двое в комнату ворвались, как готовые к бою абордажники, у каждого в выставленной вперёд левой бо-

евой нож, а правая прижимает к боку стволом вперёд взведённый двадцатизарядный беззвучный пистолет. Встали по обе стороны двери, внимательно, пристально, придирчиво оглядывая гостиную. Оглядев, глянули друг на друга вопросительно — и тут же, без слов, устали себе на запястья левой, той, которая с ножом. Опять посмотрели друг на друга, уже улыбаясь: командир кивнул на дверь в спальную, в которой шар и спрятавшийся Первый, — Веин оцепенел от ужаса. Тут краснолицый утвердительно кивнул, и оружие тут же оказалось в кобурах и ножнах. Заражённые пожали друг другу руки и сердечно обнялись. И уселись в кресла, а Первый попробовал осторожненько вспомнить, как дышать.

Командир расстегнул форменную куртку и из внутреннего кармана достал драгоценную для Чарльза папку, передал её заместителю:

— На, глянь, наверное, из-за этого. Куда катится этот мир?! У них есть всё, все возможности и средства: знания, сырьё, инструменты, материалы, но они всё так же убиваются и убивают из-за золота...

— Ну а что ты хочешь? Возможности и средства хороши только тогда, когда ты рвёшься вперёд, строишь, создаёшь, делаешь. А каждый отдельный говнюк в своём вонючем болоте хочет себе только сытости и покоя. Чтобы другие за него рвались, а он только купоны стриг. Вот тут и нужны кредиты. Или то, что их заменяет: золото, алмазы, предметы роскоши и антиквариат...

— И какой смысл, и какая цель тогда у нас, нашей деятельности? Только давай без высокопарных слов, Приказ я тоже читал и Устав тоже наизусть помню, давай от фактов!

— Давай. Значит, от частного к общему, дедукивно, да?

— Да. От что мы здесь делаем.

— Оно и нам полезно, пять недель до смены, через неделю сменщиков принимать, в курс дела вводить, отчёты писать. Итак, внешние и внутренние слои нашей деятельности.

— Ну на самом внешнем и так известно, и полностью вот с этим — кивок в сторону папки в руках Краснолицего — совпадает: бессмысленные и бесполезные поиски золота, казны Заморийцев, вместе с потонувшим «Чёрным Принцем».

— Естественно. Особенно исходя из того, что и судьбу «Чёрного Принца», и судьбу казны и мы, и руководство Острова, и даже правительство Метрополии хорошо знает. Да, дед ведь опять фунты по дну рассыпал, давай ему сюрприз сделаем? Найдём больше, чем он рассыпал?

— Опять масс-конвертор запускать? Он же энергии сожрёт уйму! А чем нагрузим, где найдём столько свинца?

— Ну, энергия не проблема, его урановые элементы и на пять процентов не изношены, а вот массу... А давай попробуем вот эту скалу, уж очень часто она у всех сейчас на виду оказывается? Нам-то и надо килограмма полтора-два золота в фунтах, в монетах! Ну, скушаем пару тонн скальной породы, зато профиль скалы станет совсем неузнаваемым!

— То есть ты предлагаешь полностью подводную операцию? С вечера забросили масс-конвертор на скалы, включили дежурный режим и пустили прогреться реактор, с утра вышли «на поиски» со скалорезами, а к вечеру притянули с собой пару килограммов монет?

— А почему нет? Вот и тут, смотри! Знакомые профили, не находишь?

— Да, начало всех трассировок здесь, в бухте, рядом. И да, ты прав, профиль скалы нужно менять. А то ведь не одни мы сообразим, что ответы на все секреты опас-

но близки от бобо-Клёва. Но новые блестящие фунты из-под воды? А как-то состарить мы вряд ли успеем!

— Гальванику разве кто отменял?

— Гальванику? Слои меди сверху?

— Почему бы и нет?

— Надо подумать! — и Эпроновцы замолчали, а Первый вдруг с удивлением и ужасом понял, что они говорили не на Метропольском, и не на его Островном диалекте, а на древнем, архаическом, Северно-Предтеченском! Причём как говорили: легко, плавно, не теряясь в неудобоваримых группах согласных и непривычных гласных, как на родном! Кирилл когда-то в гимназии изучал Предтеченский, правда, когда жизнь помотала, узнал, что всего Предтеченских было четыре, по числу материков, и на каждом материке был свой Предтеченский... Этот — был предтечей его родного языка, лежал в основе всех говоров и диалектов Северного континента. И Первый заслушался. А теперь лихорадочно соображал, что же это значит.

— Ладно, давай дальше! Зачем мы занимаемся таким бессмысленным и бесполезным занятием, как имитация поисков «Чёрного Принца»? Какую вторую цель мы преследуем?

— Ну ведь это же яснее ясного: под прикрытием поисков мы тренируемся и тренируем. И формируем команды разведчиков и диверсантов. Агентов, способных действовать в тылу врага в одиночку, хоть совершая стандартные разведывательные действия, хоть внедряясь в структуры, в том числе и силовые, противника, хоть совершая диверсии и теракты в его тылу. Поэтому и держимся Кидушкина, и спонсируем его строительные аферы, и усиленно стараемся закрывать глаза и не замечать, как старый пират, капитан «Чёрного Принца», до сих пор мутит воду и гадит уводящим, причём иногда по-крупному.

— И что, это цель прогрессорства? Помогать одним последышам истреблять инфраструктуру, достижения, государства и жизни других последышей?

— Ха, как ты сказал, «последышей»? Это как «загорышей» и «заморышей» в отношении Загории и Замоории? Остроумно! Но... но не точно! Уж если я для тебя «адвокат дьявола», давай вспоминать. Семьсот восемьдесят лет назад начата программа по проекту «атмосфера». И семьсот двадцать лет назад из биоконплексов появились первые местные, сразу в возрасте: мальчишки двенадцать с половиной, девочки десять с половиной лет. Из каждого биоконплекса каждый день пятнадцать человек. В каждом из четырёх биоконплексов на планете, по числу материков. С уже сформировавшейся мускулатурой, рефлексами, даже знаниями, в том числе языка. То есть первоначально социально и экологически адаптированные к местным условиям. Но без всяких инструментов, без всяких приспособлений, без всяких умений и навыков, даже без пищи. И этим, по сути дела, детям, предстояло пройти условия жесточайшего естественного отбора и сформировать первоначальное общество, по уровню экономики находящемся на самом первобытном уровне. Так?

— Да, так. Мы с тобой, напарник, как раз семь циклов назад в таких монстров обращались, чтоб за процессом наблюдать!

— Но ведь это было уже через двадцать лет после начала подпроекта «люди», тогда уже биоконплексы не подростков, а просто младенцев полугодовалого возраста выдавали!

— Да, взрослых, в том числе и половозрелых особей, уже хватало! И о том, что дети не только из биоконплекса бывают, аборигены уже знали хорошо!

— Вот-вот, ты вспомни: знаний у них хватало! Весь информаторий Земли в биоконплексы зашили, и тобой мог прийти и, отдыхая и лечась, обучиться, и оче-

редь и капсулы восстановления и обучения была жуткая, а на деле? А на деле зачем тебе знания, как на далёкой Земле скорее всего облучивали кремь до каменного ножа, если на этой планете кремня днём с огнём не найти, а все камни вокруг биокомплекса до жути непрочные? Фантастика? Развлечения? Вспомни, что стало первым средством охоты? Копьё? Нож?

— Праща! До сих пор помню, как мне точно в лоб засветили, причём так издалека, что я и опасаться не собирался! А как треснула керамоброня и нейропроводный гель потёк наружу! О-о, я же тогда в действительности чуть было не обделался!

— Ага, представляю тебя задрисавшим свой биомодуль бронтозавра изнутри, что бы с тобой тогда через месяц на базе было! Но важнее другое. Ты же сам был в комиссии, вносившей изменения в межструктурные связи информатория: мы последовательно убирали все возможные версии «одного-единственного правильного пути!» Чтобы у потомков — потомков, а не последней! — была возможность выбора, чтобы цивилизация и культура развивались разными путями, если между причиной и следствием оставалось лишь одно, однозначно жёсткое соответствие, мы эту информацию намеренно прятали или искажали! Ты же сам был инициатором и разработчиком новой структурной системы знаний, вспомни!

— К чему ты об этом?

— А всё к тому же, ко второму нашему слою! Сколько лет Земля двигалась от первобытного строя хотя бы к рабовладению? А наши потомки пробежали путь от «нечего надеть» до двигателей, кораблей, компьютеров и ракетного оружия всего-навсего за семьсот лет! И пробежали даже не потому, что им «нечего открывать», наоборот, с нашей запутанной системой связи между блоками знаний только уточнять и выверять пришлось бы дольше, а потому, что они всегда виде-

ли альтернативу, знали, что к любой сущности можно прийти разными путями! Да, бинарную систему счисления в компьютерах никакой другой не заменили, но на оптронной и световодной базе компьютер они сделали раньше, и по производительности лучше, чем те, которые вот уже тысячи лет развиваются у нас. Да, частота процессора заведомо меньше, но ведь объём операций на порядки круче, и размер меньше, и работает на любом источнике света, хоть на свече; а нам с нашими технологиями, чтобы сделать сравнимый по быстродействию компьютер, потребуется целый кластер из сотен системных блоков, и всё равно на одной передаче данных между элементами кластера они нас точно сделают! И энергии наш сожрёт на тысячи порядков больше, и сложнее будет на сотни порядков... Так же и тут, у Островных с Полуостровными!

— И что это у Островных с Полуостровными «так же»? — Командир встал, вошёл в комнату с шаром и съёжившимся внутри Первым, и включил какой-то двигатель. Шар начал последовательно раздуваться, Первый приготовился искать где спрятаться, а Командир так и застыл у дверного косяка, обернувшись спиной к шару, лицом к говорящему.

— Во-первых, помогая Островным, мы помогаем избавиться от пагубной нацистской идеи. О превосходстве одних людей перед другими без всяких усилий первых. То есть «по умолчанию». Если появление подобных идеологий не пропальвать регулярно и очень глубоко, то бешеное количество человеческой энергии уйдёт не в созидательную деятельность, а в саморазрушение, самоистребление, и за десяток лет войны воюющие стороны скатятся по уровню морального и ментального развития лет на двести-триста назад. И всё равно никакого толку не будет.

— Во-вторых, развивая подводные технологии, мы не столько усиливаем одну сторону против дру-

гой (но никакого прогрессорства в области технологий, ведь как мы усилим то, чего нету?), сколько помогаем всем людям заглянуть под поверхность моря и задуматься не только о количестве пищи в море (что само по себе очень важно, на Земле человек обратил свои мысли на море лишь после того, как основательно его загадил), но и вообще помогаем людям присвоить морской шельф, использовать море в собственных целях. А присвоение и использование формируют отношение к морю как к ценности. А за любые ценности человек всегда несёт ответственность хотя бы перед собой. То есть море становится средой обитания человечества уже сейчас, на восьмой сотне лет существования человеческой цивилизации на этой планете.

— В-третьих, мы не можем, конечно, помочь всем и каждому, каждого обучить и удержать от дурных поступков, но вот привить собственные нормы морали, нравственности, хотя бы на собственном примере — да! А в связи с тем, что делаем мы это регулярно, и нормы эти не чудо заморское, а всё то, что было принято у дедов или прадедов, мы помогаем продолжить морально-нравственную традицию. Те самые нормы, по которым когда-нибудь и нам вместе с их потомками жить! То есть формируем морально-нравственные основы системы ценностей общего с потомками существования! То есть в русле главной задачи программы работаем на общее с потомками будущее!

— И ради этого стоило весь огород городить? Держать наверху в замороженном состоянии сколько там миллионов переселенцев, и сотни прогрессоров каждый год с промежутком в сто лет размораживать на год?

— Да, важный момент, я как-то и забыл... Забыл, что всё нынешнее население планеты сравнимо с количеством переселенцев, болтающихся в состоянии ледышек по орбите. И добавь к этому, что у потомков отношение к предкам, вернее, как они говорят, к Предте-

чам, мягко говоря, критическое. Но в этом и есть третий слой нашей деятельности здесь!

— Третий слой? А ну-ка, давай подробнее! Как по мне, то «последыши» тут и без нас справляются очень даже неплохо, мы им всем и нафиг не нужны! — шар прекратил надуваться, заполнив всё доступное в спальной пространство и тихонько дзынькнул, как будто чокнулись два бокала Заморийского стекла. «Когда ж вы содохнете, наконец!», — с отчаяньем думал Первый, лихорадочно вползая в нижнюю секцию надувшегося шкафа напротив входа в шар.

— Давай сперва ко сну приготовимся. — Синерукий заместитель засунул папку в карман куртки и наклонился расшнуровывать берцы на огромных своих ступнях. Командир, не отходя от притолоки, последовал его примеру, а Первый заранее приготовился к густому потоку амбре от целый день потевших в берцах ног двоих здоровых мужиков. А потом испуганно удивился: берцы были сняты, носки тоже, а никакого запаха пота не последовало! И вдруг эта маленькая деталь испугала его гораздо больше, чем то, что они до сих пор были живы, или эти их странные и малопонятные разговоры на Предтеченском.

А Эпроновцы разоблачились до нижнего белья и проследовали в защищённый от прослушки шар. И какую-то тяжёлую коробку взяли с собой. И злосчастную папку. Несколько быстрых цепких взглядов на всё оборудование бокса, взгляды скрестились на нижней секции шкафа (другого закрытого от просмотра места внутри просто не было), взгляд друг на друга, два кивка. Открывается коробка. И заместитель нажимает на кнопку внутри, и работает вентилятор, и воздух внутри шара начинает пахнуть чуть по-другому. И вдруг приходит такая ясность, такая бодрость и веселье, что Первому хочется смеяться и прыгать, но нельзя — он ждёт, пока заражённые уснут мёртвым сном. И как-то

исподволь на Вейна накатывается зевота, а в ушах бухает вдруг зачастивший пульс. А заражённые тем временем делают совсем уже невиданные вещи: они разговаривая, раздеваются, они снимают с себя свои тела! И оказываются очень тщедушными и невысокими, с узкими плечиками, ростом может даже ниже Чарльза, а головы всё такие же огромные, и печальные пристальные глаза их смотрят Первому прямо в душу.

— Ну что, всё?

— Ну или ещё чуть-чуть. Всё как по инструкции, Земной воздух плюс Земное давление атмосферы для аборигенов смертельны. Безвозвратно смертельны, лопаются сосуды и внутреннее кровотечение прежде всего в мозг. А необычный состав атмосферы усиливает воздействие кислорода, то есть смерть сопровождается кислородным опьянением. Он умрёт счастливым. Мы к их условиям хотя бы через биомодули приспособиться можем — и Заместитель нажал за ухом и снял с себя лицо и заднюю часть головы, как шлем. И голова у него оказалась с очень маленьким носом и практически без челюстей, только лоб и глаза были всё теми же, большими и скорбными. Тут и Командир снял с себя голову. И пощупал у теряющего сознание Первого пульс на шее.

— Чем он нас травил?

— Тебе же биомодуль уже сам всё про яд рассказал!

— Но ведь кродум и резко пахнет, и очень быстро разлагается?

— Кродум-кродум, только очень хитро обработанный, там сахарозы очень много. Сейчас узнаем — и заместитель тщательно обшарил мало что соображающего Первого, и достал из кармана ещё четыре боевых перстня в пакетах.

— Вот тебе и привет от современного местного Борджиа! А ведь как просто, окуни в сахар и закрой герметично — и быстрораспадающаяся биологическая мер-

зость становится долгохранимым и очень опасным оружием! Найти все упоминания, и удалить, потому что не дай Бог тут догадаются кродумом боеприпасы начинять. Хотя я не технарь, я биолог и социолог, по вопросам технического и технологического развития оружия это к тебе...

— И вот как тебе этот кродум к твоему третьему слою? К морально-нравственному развитию местного общества?

— А тут морально-нравственное только через синхронизацию с твоим, с научно-техническим. Вот скажи сам, зачем мы так усиленно ищем эту музейную подлодку, проект шестьсот семнадцать, если сами восемь лет назад позволили её из музея угнать?

— Ну, во-первых, позволял не я, а другая смена...

— Замечательно, так и запишем! Дорогие потомки, и в будущем ваши Предтечи тоже будут бояться брать на себя всю полноту и тяжесть ответственности за командные решения!

— Хм, а ведь и вправду, да!.. Гадство какое, про себя-то и не задумывался!.. А во-вторых... А во-вторых, анализируя развитие техники и технологии, мы приходим к тому, что то, что полвека назад было слишком новым и несвоевременным, сейчас вполне может подтолкнуть развитие цивилизации на новый уровень! Они ведь пока ещё не умеют перерабатывать нефть без потерь, да и самих ректификационных колонн пока у них очень мало, так что парогазотурбинный двигатель, да по их нынешнему технологическому уровню исполнения, да ещё при компьютерном управлении, может стать если не прорывом, то рывком! И использование, и развитие его после войны, победившей, но очень дорого за это заплатившей стороной гарантирует, что основное применение двигателя будет мирным, гражданским. А не военным, как в случае с Полуостровной Олигархией.

— Вот! То есть и ты признаёшь, что любые технологические рывки и прорывы идут на пользу всему планетарному обществу только в том случае, если их осуществляет, внедряет и использует исключительно моральная по своим ценностям сторона! То есть любое «двойное назначение» будет либо моральным, либо аморальным в зависимости от того, кто это «двойное назначение» первым использовал! Вот это мы здесь и продвигаем, причём исключительно в пользу моральной стороны! А то, что не содержит в себе «двойного назначения», но может быть использовано только для аморальных целей — или истребляем, или тормозим в развитии. Как минимум до тех пор, пока у него не появится «двойное назначение». Чем эта наша социально-биологическая деятельность не служит главной задаче программы?

— Вот ты опять про главные задачи программы, а ведь без этой надоевшей железки — Командир пнул ногами собственное эпроновское тело — мы здесь сдохнем, как вот этот! — и кивнул на действительно потерявшего сознание Первого.

— Толку в этом всё, если наши последыши не хотят ни видеть нас на своей планете, ни что-то делать для исполнения заложенной программы, уменьшать количество углерода и уменьшать давление на планете, хотя бы ещё в два раза?

— Вот ведь умеешь ты по больному ковырнуть, да? Нет, я понимаю, это в ответ на мою к тебе «ответственность за командные решения», тоже заслуженно. Вспомни!

— Да, конечно, для глобального планирования у нас у всех ранга со званием не хватало, но ведь научные-то выкладки публиковались в межкорабельной сети, поэтому вспомни. Там были кривые воздействия на атмосферу. Ты же технар, не я! Где-то к рубежу седьмого и восьмого столетия первоначальные смерчи с ура-

ганами, вызванные посевом кислотобиндеров, должны улечься, устояться. Это как волны в кастрюле, которую перемешивали ложкой, а потом ложку убрали, а густое варево всё ещё колышется. И что будет в кастрюле, когда всё успокоится?

— Что-что... Тяжёлое опустится на дно, лёгкое всплывёт наружу, среднее, под действием кипения, будет всплывать и опускаться.

— Верно. Первым признаком того, что всё приходит в норму, будет возможность полёта, хотя бы над поверхностью: смерчи и ямы плотности над жидкостью, над морем, будут жить дольше, чем над сушей. Мы это вряд ли увидим, скорее, увидят в Метрополии. А дальше всей планете Поляриз грозят страшные полтора-два века! Всё то плотное, что сейчас крутится в атмосфере, начнёт выпадать на поверхность! Будут не то, что пылевые бури, будут земляные дожди: атмосферная вода, соединяясь с углекислотой и под воздействием атмосферного же электричества, будет выпадать твёрдыми осадками. Я точно формул не помню, что там высвобождается и улетает вверх в атмосферу, что выпадает пеплом с песком, но будет жутко. И за счёт этого атмосфера вырастет в объёме и снизит давление. Чтоб к концу тысячелетия мы смогли-таки начать трёхлетнюю программу дегибернации и высадки колонистов...

— То есть нам осталось всего-навсего два года?

— Ну если это случится до нашей следующей вахты, то да, всего-навсего ещё две вахты. Два года с промежутком в сто лет. Ну или три. По времени Поляриза, конечно.

— Казалось, так долго, так трудно, а вот оно, уже почти всё, почти конец!

— Что, два года для тебя теперь совсем не срок?

— Может, потому что этот год уже заканчивается, но год так быстро пролетел, что, кажется, и семьдесят раз по году до этого совсем немного.

— А ведь местные, как ты говоришь, последыши, живут в среднем меньше семидесяти! Шестьдесят пять!

— Да, вот это для меня тоже непонятно, почему. Почему мы, их предки, в среднем доживаем до двухсот тридцати, хотя и до трёхсот двадцати доживают, тот же Навигатор Ерофей Ёрш, а они максимум до восьмидесяти девяти? Биология-то одна и та же?

— Не совсем. Стартовая биология как наследственность — да, одна и та же, и любая местная женщина понесёт и выносит твоего ребёнка полностью здоровым. А потом включается среда. Не забывай, что первое, с чем сталкиваются наши прогрессоры, это шок. Шок не только и не столько психический, например, от внешности потомков, какие они громадные, скуластые, костистые, но прежде всего биологический: здесь очень много жизни!

— Много больше, чем на орбите, в стерильных из-за космоса коридорах орбитальной станции. Там, на орбите, главные события внутри, в информсети, в мыслях, а тут? Да и сами местные живут более хаотично, сумбурно, постоянно делая массу разных дел. И, как часто кажется, если поток дел ослабевает, если вместо наваливающегося урагана просто полноводный, но тихий и предсказуемый ручей, они сами начинают искать себе на голову приключений.

— Посмотри хотя бы на нашего хозяина. Да, понятно, когда ты арестован и сидишь в камере фрегата в наручниках, а твой сейнер потоплен, не хочется бороться, как-то менять своё жизненное положение — это уже патология. Потому всё, что было восемь лет назад, можно рассматривать вот таким вот экстраординарным форс-мажорным адреналиновым штормом. А сейчас? Уважаемый, старый, инвалид, даже пенсию платят, хотя он, вроде бы, эту пенсию от семьи прячет, никому о ней ни слова не говорит. Хозяйство на нём, трактир с кухней, внуки есть, но он же на месте не си-

дит, сам себе ищет приключений! И этот его «Аквахолстел» — чем не авантюра? Да, хорошо просчитанная, детально и тщательно продуманная, но ведь авантюра! Что будет, если не выдержит подводный грунт? А если клиент не пойдёт? Если, в конце концов, изменятся или мода на такой вот отдых, или погода, и море станет таким же, как на Джей-Си-четыренадцать, то есть постоянно штормящим?

— А ведь он, хоть и старик, и инвалид, помимо этого, ещё и рыбу ловит, ещё и уголь контрабасит, ещё и в шпионские игры лезет, и сам партизанил! Помнишь эти пропавшие месяц назад военный сухогруз Заморских и фрегат Уводяных? Ведь явно его ручек дело, ведь только он мог суметь собрать у себя полную информацию о маршрутах и графиках движения караванов судов, суметь вычислить место и время их пересечения, перегрузки...

— Ну, не доказано не значит недоказуемо, но ведь пока не доказано же!

— Да не хочу я его в чём-то обвинять, благородное дело делает на собственный страх и риск, но ведь факт в том, что этот бешеный информационный поток — он им уже нужен! Они не могут без него! А для наших, с Орбиты, просто разнообразие жизни — уже шок. А когда наваливается ещё и информационная буря...

— То есть, ты хочешь сказать, что колонизация будет связана с риском большого количества психических расстройств?

— Ещё не знаю. Но уже предполагаю. Потому думаю, где и как нам правильнее размещать переселенцев. Не сейчас, ещё два года есть. Ну и у них двести лет.

— Я, если требуется пристроить куда-то нежное и точное технологическое оборудование, заранее ищу для него максимально защищённое и удалённое от центра событий место. Чтобы на работу ничего не влияло, не мешало.

— Вот и я думаю о тихом спокойном месте. Которое максимально подходило бы для адаптации переселенцев. Чтобы с местным населением встретились максимум их дети, если не внуки.

— Тыфу, бред! Цифры не бьются! Нынешнее население всего Поляриза сравнимо с числом переселенцев на орбите: где найти такой остров, который обеспечил бы выживание всего того, что сейчас живёт на планете?

— Не знаю... — погрустнел Заместитель и уставился на галофото. На котором шевелились предштормовые волны в океане.

— Разве что... Ты думаешь, что в нём?.. Но ведь вся программа адаптации планеты к человечеству, все эти долгие годы, века, зачем тогда? Зачем мы мучились и ждали столько лет, если вынуждены будем разместить наших переселенцев под водой? И как — в куполах?

— Экологически и биологически это вполне решемо, при нашем составе атмосферы и восьмикратное давление не проблема. Но ведь восьмикратное было с самого начала, да? Зачем тогда эта тысяча лет? Может, для того, чтобы через тысячу двести лет после начала колонизации нашим детям и внукам было куда и к кому выходить из-под воды?

— Дорога к звёздам начнётся как дорога из-под воды на сушу? Я не поэт, но в этом что-то есть.

Командир проверил пульс на шее у бездыханного и остывающего тела Первого, потом поднял веки и глянул на зрачки, а потом решительно задёрнул молнию нижней секции стенного шкафа, потащил сбоку — секцией оказался стандартный мешок для транспортировки трупов, раскрытый на расчалках, как ящик. Нажал сбоку кнопку — из мешка выкачался воздух. Нажал другую — мешок наполнился антибактерицидным гелем.

— Ну, мир праху и этого отравителя. Утром нужно будет аккуратно вынести. Захороним в море.

И два серо-зелёных в приглушённом и смазанном свете ночника инопланетянина, лёжа в компании остывающего трупа только что ими убитого человека в своих постелях внутри переговорной камеры, уставились на мерно и вечно вздымающиеся и опадающие волны океана под яростными порывами налетающего ветра на галограмме...

IX. Возвращение Чёрного Принца

За месяц до геройской гибели Сэма Беллами и через десять недель после легендарного улова форели.

Посвящается Александру Кофману, фестивалю «Звёзды над Донбассом», всем его фантастам-участникам и прочим причастным сему действию «покраденным инотикам».

Фантастика такая хитрая вещь, что ты нафантазируешь чего-то, а оно вдруг — бац! — и сбывается. Правда-правда, если не верите, спросите хотя бы Фёдора Березина или Глеба Боброва! И каково потом обычному писателю жить с клеймом пророка? Смотреть в глаза и видеть, что от тебя ожидают Откровения? Представили? То-то...

«Когда б вы знали, из какого сора» и «нам не дано предугадать»...

Бен Ганн заподозрил что-то неладное, как только начал спускаться от леска, окружавшего скалы на вершине Кая-Дэс, к лысой проплешине на гребне сходящихся отрогов горных вершин. С утра в бассейне оказалось много меньше воды, чем обычно, и старик заспешил проверять арыки и трубопроводы: осень, листопады, что где забилося. Вот и нашёл, и, как всегда по закону подлости, в самой высокой, в самой удалённой точке. Глубокий каменный грот, в который стекал ручеек из-под скал на вершине, даже

переполнился студёной водой, пришлось раздеваться и окунаться с головой, чтобы выгнать две горсти мокрой опавшей листвы, забившей трубу.

И теперь хромой спешил вниз по склону, постукивая зубами от холода, ведь эту воду ещё нужно было выкачать, закачать в бак под крышей — а тут на тебе. На единственном месте, которое не обойти, эти двое. Те, которых трактирщик последний месяц опасался.

Опасаться их он начал после того, когда узнал, кто же скрывается под погонами каплея и старлея Эпрона. Никакой это не Эпрон, чутьё ему сразу это подсказывало. Под личиной командира Эпрона — контр-адмирал, начальник отдела разведки флота, а старлеем прикидывается целый начальник контрразведки штаба округа, целый полковник! Ведь тогда выходит, не он их захомотал и объегорил, а они его заставили так думать! Они его, а не он их!

Чем такая мелкая сошка, как инвалид-трактирщик, мог привлечь внимание таких мегалодонов, что они с ним в поддавки играют, вместо того, чтобы просто приказать — Бен Ганн не знал. Потому и опасался теперь оставаться с каждым из них один на один, а их тут сразу двое...

И всё-таки Бен Ганн рискнул: на последних метрах спуска разбежался, разогнался и постарался как можно шустрее шмыгнуть на боковушку, спускающуюся теперь уже напрямую к «Принцессе». Но не тут-то было. Дорогу заступил Командир, каплей, точнее, контр-адмирал:

— Калимера, уважаемый! Куда же Вы так спешите, дражайший наш Валентин Венедиктович? Нам ведь расставаться скоро, нам так нужно поговорить, а Вы всё в делах, в суете, в заботе! Так что хоть десять процентов сверху всего нашего счёта нарисуйте, но — Калимера! — давайте, наконец, поговорим!

Билли Кид, переводя сбившееся дыхание, как на тонкий лёд ступил в скользкой обуви:

— Да мне же... до завтрака... нужно...

— Не волнуйтесь, там уже все предупреждены, и курсанты с утра вместо зарядки ваш бассейн в бак перекачают, надо будет — кружками переносят!

«Курсанты? Нихрена себе курсанты, мужики молодые, но у многих и седина ранняя, и шрамы явно не от женских коготков, а от чего-то крупнокалиберного... Или у них тут курсы какие? А какие? Ой, чует моё сердце, диверсов готовят, тут у них школа разведки, максимально приближенная к врагу», — думал Кидушкин, осторожно приближаясь к говорящему.

— Ну, судя по Вашей реакции, Вы уже догадались, что мы не совсем те, за кого себя выдаём? — краснолицый контрразведчик за спиной сразу взял быка за рога.

— Догадался... Можно и так сказать... Не совсем те...

— Тогда давайте не будем тратить времени на маскировку и ненужные теперь представления! — в огромных синих ладонях говорящего оказались три каких-то тряпичных комочка, на каждом он нажимал кнопку и бросал на землю, а они уже сами дырчали и раздувались в низенькие, но широкие креслица со спинкой и подлокотниками.

— Присаживайтесь! — и первый уселся в кресло, широко расставив массивные колени.

— Поймите, уважаемый Валентин Венедиктович, мы ведь действительно знаем про Вас всё, и ни от одного из своих обещаний не отказываемся, но нам и вправду нужна Ваша помощь! Добровольная помощь, и срочно! — Командир в этот раз вроде бы как играл роль доброго следователя, а Заместитель тогда, что, злого? — Бен Ганн осторожно уселся на краешек надувного кресла, и как провалился в его мягкое удобство.

— Вот, выпейте! Это очень иностранный рецепт, Вы такого не приготовите, это кофе с мёдом, чесно-

ком и бехеровкой, с бальзамом из очень далеко растущих трав! — разведчик сунул в руки Кидушкина термомокружку, и сам снял с неё крышку.

Бен Ганн опасно глянул на Командира, подумал: «Нет, перехватывать тут, чтоб отравить, даже у них никакого смысла нету», — осторожно нюхнул, хлебнул и от удовольствия даже облизнулся:

— Из какой травы, как Вы сказали, «багеровской»? Это где? А поставки из этой Багеровки наладить можно? — и такие опасные собеседники ожидаемо рассмеялись. «А! Не только вы меня на естественных реакциях ловить можете, но и я вас тоже!», — внутренне обрадовался старый пират.

— Итак, давайте сначала подобьем некоторые итоги. Да, мы разведка и контрразведка, и всё обещанное Вы обязательно получите, и даже больше: сейчас должна начаться швартовка в бухте ка-Фа сухогруза, на котором доставят и заказанное, и незаказанное Вами оборудование, и прибудет наша смена.

— Смена? Вас переводят? Куда? — деланно удивился Кидушкин, а Билли Кид внутренне напрягся «заказанное? я же ничего, кроме водолазного, которое и сейчас здесь, не заказывал! опять подстава, чего ж ещё от них ждать?»

Собеседники глянули друг на друга и усмехнулись, а потом Заместитель поднял большой палец вверх и сказал:

— Туда!

А Командир добавил:

— На повышение! — и Билли Кид ужаснулся «Вроде не врут! Куда уж выше повышать, что, в генштаб, что ли?»

— Итак, карты на стол. Прибывает полный комплект оборудования для строительства десяти «стаканов». И по Вашему плану, и с необходимыми нам усовершенствованиями и переделками. Специалисты

по строительству и монтажу тоже едут. Да, по всем документам имущество будет считаться Вашим. Но договор об оплате услуг сдачей в аренду на пять лет Вы подпишете. А мы ещё пять лет будем готовить на базе Ваших стаканов наших универсальных боевых пловцов, разведчиков и контрразведчиков, диверсантов и контрдиверсантов.

— Всё заказанное Вами вроде бы как для «стаканов» можете оставить себе. Мы прекрасно знаем, что Вас интересует прежде всего «двойное назначение», поэтому и в эту сторону Вам привезли немало. А вот что именно — это уже другой вопрос, — и по изменившемуся тону контрразведчика Валерий Вениаминович понял, что разговор свернул в серьёзное русло.

— Как Вы понимаете, мы тут совсем не то ищем, о чём говорим. Не казну с «Чёрного Принца» — к слову, объявляем Вам благодарность за грамотное и рациональное расходование средств казны, на глупости потраченных денег нету. И Ваши проекты подъёма груза затонувших судов поддержим, тем более, что в течение недели Глава Острова должен подписать указ о возврате четверти стоимости найденного и возвращённого Республике имущества нашедшему. И ещё подкинем, если Вы позабыли, кое-что ценное из восьмилетнего Вашего прошлого — и разведчик вынул из кармана ленты диаграмм дна с эхолота «Принца».

— Так что ищем мы даже не совсем «Чёрного Принца».

— Точнее, не совсем того «Чёрного Принца»!

— Или даже совсем не того.

— Судя по Вашим последним покупкам, ремонт и восстановление проекта шестьсот семнадцать у Вас движется к концу, верно? Вы ведь его тоже назвали «Чёрный Принц», я угадал? — и Командир вынул

из задрожавших рук Кидушкина термокружку с дивным напитком, и поставил её на камень возле ног трактирщика.

— Никто его у Вас забирать не собирается. Более того, никакой ни явной, ни тайной помощи Метрополии Вам в этом проекте никто и заподозрить не должен. Поймите правильно, это уникальный проект, прежде всего своим двигателем, который появился тогда много раньше своего времени.

— Зато сейчас наступает время как раз для этого двигателя! То есть он у Вас уникален именно тем, что единственный, а «Чёрный Принц» Ваш — он именно как экспериментальный проект, сейчас ценен прежде всего Острову. Чтобы ему было с чем в технологическом плане входить в Метрополию.

— Смотрите, что нужно сделать. Судно нужно не просто восстановить. Его нужно сделать лучше, современнее, чем оно было. И передать во Флот Острова. Под Вашим командованием. С частично Вашей командой — всю-то ведь теперь Вы не наберёте. Чтобы очень тщательно и скрупулёзно испытать. В мирных и боевых условиях. На всех режимах. Чтобы на базе «Чёрного Принца» можно было бы потом строить новый флот, вообще, принципиально новые корабли. Как во времена Святого Макея.

— Но ведь это подводная лодка, а не лидер или надводный фрегат, к тому же старый, очень старый... — прохрипел Валерий Венедиктович, и рука его опять потянулась к термокружке, промочить враз пересохшее от перспектив горло.

— Из тридцати контейнеров на сухогрузе двадцать — специально под шестьсот семнадцатый, под «Чёрного Принца». Там и вооружение новое, и современные средства навигации, и даже радиолокационное чуть-чуть получше, чем было на «Косатке».

— А надводный режим?

— Система выпуска и скрытия антикрыла, дейдвуды на турбины, крылья для атмосферного экрана — всё есть. И инженеры, которые займутся проектированием, монтажом и наладкой тоже.

— А управление двигателем?

— Компьютерщики, целый штат. И компьютерных компонентов немало. Надо — ещё закажем.

— А я тогда зачем?

— А кто должен подарить Острову козырь, с которым достойно входить в новую Империю Метрополии? Флот Метрополии или старый заслуженный пират, Принц Мести, от которого и не такого можно ждать? — Бен Ганн уже не прятал счастливых слёз.

— Ладно, хорош болтать! Кресла — вот тут клапан, так спускаются. Вот здесь разъём для зарядки аккумулятора, вот тут кнопка запуска накачки, возьмите с собой, наш подарок.

— Так что, покажете, наконец, нам своего «Чёрного Принца», мы же всё-таки его искать должны, как Эпрон?

— Да! Да, конечно... — и тут Билли Кид задёргался. Как их вести? Через «Принцессу», сдавать свой привычный способ быстрого доступа в пещеру? Или запасным выходом, через лаз и подземный ход, благо тут недалеко? Через подвал трактира быстрее и удобнее, а через подземный ход хоть и идти труднее, но безопаснее, ведь его всегда можно и завалить, и заряды давно заложены...

— Ва!-ле!-ра! — крик раздался со стороны тропинки к «Принцессе». Из-за буйно разросшегося кизила появился бегущий вверх Джон Сильвер, хватающий ртом воздух и покрасневшийся.

— Капитан!.. Валера, мне сообщили... Помнишь, я в самом начале сеть разведки в Церхазах готовил?.. Ну, там где Изя потом начальником полиции был?.. Ты присил сообщать о всех необычных вещах?

— Да, конечно! — а сам Бен Ганн попытался стать так, чтобы из-за его спины Ивану Серебрякову были видны его прежние собеседники.

— Так вот... Там мой человечек в военной полиции, а по границе кантона — линия фронта. И с той стороны — не пыльная буря, но очень грязный дождь, скорее, ураган, и поля, на которые дождь выпал, просто побурели и сгорели!

— Да ну? Так уж и сгорели?

— Мишка написал, что на войска тоже пролилось, и все плёночные тенты и плащи разъело, как от кислоты! Ой... здрасьте! — Иван увидел-таки Эпроновцев, и Бен Ганн тоже обернулся.

Обернулся, чтобы увидеть, как контрразведчик громко хлопнул себя по лбу и пробормотал:

— Ну точно! Идиот, как я не догадался, вода плюс углекислота, кислотные дожди!

А разведчик торжествующе и грустно улыбнулся и поднял к небу два пальца. Что он хотел этим показать, знак «Виктория»?

И тут же раздался другой крик, уже детский:

— Де-да! Дед! Он — летает!!!

— Егорушка? Кто летает? И где твоя мама? Что ты тут один делаешь?

— «Принц»! Я назвал его «Чёрный Принц», ты же был капитаном «Принца»?! Я его для тебя сделал!

— А мама где?..

— Мамка пошла искать Адмирала. Это такой капитан странный, метрополец. Он её проверять приехал. Заставил зачем-то идти из Тиары в Клёву на катере, а у мамки в Тиаре была машина. А потом пропал. Вот её и заставили его искать, он же к ней на проверку приехал. А видели в последний раз этого Адмирала, который капитан, в трактире Адмирал. Вот я с мамкой напросился, а потом закапризничал и наскандалил сбежать к тебе. Она меня у тебя вечером заберёт.

Да где же ты, противный... — ребёнок усиленно жал на кнопки управления автокофром, но ничего не происходило.

— Позвольте мне? — Командир Эпрона протянул руку к внуку старого пирата и взял пульт. — Так, всё понятно, ошибка триста. Автокофр брелок видит, но двигаться в режиме «догоняй» не может, нет дороги, застрял...

— Застрял!.. Опять!.. — Егорушка чуть не плакал.

— Не волнуйтесь, молодой человек, сейчас мы Вашему горю поможем! Так, командный режим, дай Бог памяти, сто двадцать. Изменить характеристики опознавания дорог пятьсот девять. Править седьмую категорию восемьсот тридцать шесть — семь. Считать дорогой седьмой категории всюду, где можно проехать девять ноль девять. Сохранить настройки пятьсот пятьдесят два. Пересканировать местность пять четыре три. Всё! Через пять минут автокофр начнёт гоняться за брелком всюду, где сможет проехать! Держите!

— Дядя, ну ты голова! Ты даже про настройки автокофра все команды помнишь!

— Учитесь, молодой человек, и если сможете так же, как я, возможно, Вас возьмут и на мою службу! Так что там мама и Адмирал?

— А... Мамка сказала, что однофамилец, что так не бывает! А папка потом сравнил фото, порылся в архивах, и говорит, что настоящий! Но как это, чтобы Адмирал и с погонами капитана?

— Говоришь, мама пошла искать его в трактир «Адмирал»? «Адмирал Бен Боу», он покойному Крюкову принадлежал, Джиму Хокинзу.

— Ага, мамка как-то так говорила. И говорила, что в день приезда капитана трактирщик в «Адмирале» помер.

— Всё понятно, Капитан! Джим был с Адмиралом дружен в детстве, до меня слухи доходили. Наверное,

кавторанг Лучников приехал к старому другу, а оказался на тризне.

— Да-да, мамка что-то и про тризну говорила, мол, всех напугал, но тризну устроил! Деда, а что такое тризна? — но широкая ладонь контрразведчика накрыла макушку Егорушки вместе с глазами:

— Дай Бог, чтобы ты, мальчик, попозже узнал, что такое тризна! Смотри, то не твой чемодан едет? — и другая ладонь указала на бодро жужжащий всеми тремя колёсами чемоданище размером ненамного меньше ребёнка.

— О! Вот сейчас! — и мальчишка кинулся к автокофру.

Первым на свет из распахнувшихся недр чемодана был извлечён стандартный пульт управления игрушками, моделями корабликов и автомобильчиков. Дальше — аккумулятор, обычный для скутеров или охранных сигнализаций, потом два электродвигателя и набор всевозможных досочек, палочек, ещё непонятно чего. И ребёнок приступил к священнодействию:

— Я его на папкином компьютере рассчитал. Как рассчитал, подобрал. Папка ведь конструктор кораблей, но у него есть модели для очень неплотной воды. Вот я и решил, что неплотная вода почти что плотный воздух. Мне дед Ваня советы давал. — и Джон Сильвер сразу попытался сделаться меньше и спрятаться за фигурой контрразведчика. — А папка мне совсем чуть-чуть помогал, он ведь не верил, что полетит... — а из рук Егорушки выходила очень даже интересная модель биплана, с широкими и не очень длинными плоскостями, с элеронами и на верхней, сильно сдвинутой вперёд, паре крыльев, и на нижней, отставленной сильно назад.

Модель стояла на очень высоких неубираемых стойках с маленькими колёсиками; в том месте, где должна

быть кабина, расположился аккумулятор; спереди стоял высокооборотистый тяговый двигатель с пропеллером, между верхними и нижними крыльями и под углом в сорок пять градусов назад — толчковый, и сразу под ним ещё одна небольшая плоскость, как антикрыло у корабля на подводных крыльях, так, что поток воздуха с толчкового всегда попадал на эту плоскость.

— Тебе не кажется схема аэроплана несколько избыточной, особенно для довооружения шестисот семнадцатого? — поинтересовался контрразведчик у разведчика, глядя, как сзади к фюзеляжу модели крепится ещё одна ячеистая конструкция с расположенным сзади крестом управления: вертикальными и горизонтальными рулевыми плоскостями.

— Не мешай! Не видишь, ребёнок старался, рассчитывал, подбирает! Он же из чего-то исходил, верно? — Разведчик в задумчивости мял свой подбородок правой, а левой чесал в затылке, глядя горящими замороженными глазами за появлением лаково-чёрного блестящего самолётника.

— И ведь аккумулятор не самый лучший, обычный недорогой ячеистый литий-полимерный, не плёночный литий-магниевый: и вес, и размер...

— Зато сразу шоковая нагрузка на тяговооружённость! Если с таким полетит...

— А потом мне пришлось из двух пультов делать один. Я, деда, паять научился сам! Вот! — и малец гордо протянул пульт управления, сбоку которого были припаяны ещё две кнопки.

— Влево-вправо — как всегда, а сбоку это вверх-вниз. А резинка с нитками здесь это чтоб скорость не опускать сильно, а то тогда он кверху брюхом падает. И на спине пока летать не умеет, и в штопоре неустойчиво, и вообще опускается пока не так хорошо, как поднимается. Но это ведь пока, это ведь

не важно сейчас, правда, деда? Ведь потом я всё переделаю?

— Правда, Егорушка, правда!

— Я запускаю, деда! Как там нужно кричать, от винта! — и неуклюжий самолётик зарычал обоими своими двигателями, оставаясь на месте и смешно подпрыгивая задней частью.

— Пусть масло прогреется, я же туда масло для автокофра... — Эпроновцы переглянулись между собой и Заместитель повторил:

— Шоковая нагрузка!

— Вот! — ребёнок нажал какую-то кнопку, и моделька, перешедшая с рычания на вой, с места как будто прыгнула вперёд, пробежала, ускоряясь, десяток метров и вдруг вильнула, свернула влево, огибая камень, прыгнула в пустоту с обрыва и... полетела!

И плавно набирая обороты, задирая нос вверх, по широкой спирали начала набирать высоту. А четверо взрослых мужчин стояли, задрав голову вверх, и молчали. Только Иван Серебряков гладил белобрысую вихрастую голову Егорушки и не скрывал счастливых слёз.

Затянувшуюся паузу прервал контрразведчик:

— Только не беспилотник-камикадзе! Ни в коем случае!

А Командир Эпрона, не отрывая взгляда от чёрной блестящей птички, спросил:

— И на какую высоту ты поднимал свою птичку, мальчик?

— Пока не терял из виду. Но связь с пультом не разрывалась, нет! Папа там приборчик ставил, сказал, что на пятьсот метров, по этому, по аль... как его... чего-то там метру...

— Альтиметру. По высотометру — запомни, так будет проще. Так что, два года и двести лет? И до встречи на обжитых глубинах?

Но Заместитель не успел ответить: при ярком Светиле и не очень облачном небе вдруг налетел слепой дождик, и мальчишка, следящий взглядом за полётом модели, вдруг шлёпнул себя по щеке и вскрикнул:

— Ай! Жжётся!

— Капитан, это же... Эти самые, кислотные дожди!

И все сразу засуетились, засобирались: автокофр закрыли и перевели в транспортное положение, разведчик, как самый крепкий, взгромоздил Егорушку себе на шею, Бен Ганн с Джоном Сильвером, как самые медленные, поспешили по тропинке к трактиру, вслед за ними Командир с ребёнком и Заместитель, вслед за ними весело пиликающая, автокофр, а ребёнок всё не выпускал из рук пульт и следил глазами за спускающимся такими же широкими кругами вслед за ударающими из-под дождя взрослыми мужиками, маленьким, смешным, лаковым «Чёрным Принцем».

Credo

(вместо предисловия от автора)

Свободно заходит лишь жидкая манка,

А я накормлю Вас мясом.

Не тем, что несётся навстречу мулете,

С налитым кровью глазом,

Но сладкую печень из бронтозавра

А ну-ка зажарь на завтрак!?

...

А сладкая манка выходит так мягко,

У спящего пачкает памперс;

Но дикое мясо событий с когтями,

С клыками, рогами, резцами, шипами,

Врывается в мысли, ломая затворы...

...

Вот тост — за Ваши запоры!

Конец **PS**

В Малой Цитадели магии произошло несчастье. Скоропостижно скончался старый Архимаг. Заслуженный учёный, светоч магической мысли поскользнулся, не заметив перевёрнутой таблички «Осторожно, мокрый пол!» и сломал себе шею. Такая вот беда...

И вот уже из столицы прибыл новый Архимаг. Осмотрелся на новом месте и стал наводить в Малой Цитадели свои порядки. Под раздачу попали: ученики, задолжавшие за обучение, прекрасные витражные окна (*«Это же какие траты на моющие средства!»*!), зимний сад, вазон с вечно горящим огнём, пруд с нетающим льдом, где летом рассекали на коньках, а также невероятно раздутый, по мнению нового Архимага, штат преподавателей, библиотекарей и прислуги. Но больше всего начальство разозлили и вывели из себя портреты некоего Друза Браншберриса.

Выцветшие, потрескавшиеся, местами осыпавшиеся изображения стародавнего колдуна висели в Цитадели буквально на каждом шагу, на каждой стене, иногда по три-четыре в ряд. На них был изображен пожилой мужчина с неприветливым серо-зелёным лицом, колючим взглядом и торчащими наружу зубами, сильно смахивающими на вампирские клыки.

Одной рукой он держал за хвост дохлую крысу, а второй — поглаживал череп пятиглазого тролля. На некоторых портретах крысу заменяла кочерга, а череп тролля — чёрный кот-циклоп, похожий на паука.

— Ну и рожа! — откровенно высказался новый Архимаг, рассматривая портрет Браншберриса. — Может мне кто-то объяснить, почему ЭТО тут висит и почему они все одинаковые? Зачем, я вас спрашиваю, нам полтыщи одинаковых портретов?

Анфантидские иерноглифы

Александра Хохлова и Дмитрий Орлов

Объяснить никто ничего не смог, лишь стосорокалетний библиотекарь Химеш прошамкал нечто бессмысленное: «крышши... мышши... наполжут», но кто же его слушал?

— Снять и убрать в чулан! — брезгливо велел новый Архимаг.

Поручено сие действие было полотёру Толстомышу. Невысокий лысоватый толстячок с сонными чёрными глазками спокойно себе мыл полы в конце коридора и попался новому начальству под горячую руку. Пришлось бедолаге обойти все этажи и закутки Малой Цитадели, а ведь мало того, что лифт для персонала отключили, так ещё и лестницы не освещались! Кристаллы дневного света, выкрученные из глаз статуй драконов и грифонов, теперь хранились на складе и никому на руки не выдавались. У Толстомыша болела спина и коротенькие ручьиножки, он проклинал новую администрацию и искренне не понимал, почему нельзя было всё оставить так, как оно было?! Ну, кому мешают портреты старого чудика, висевшие в Малой Цитадели с незапамятных времен? Может, они дырки в стенах закрывают.

Толстомыш искренне скорбел по покойному Архимагу, который относился к незаметному полотёру более чем лояльно: охотно отпускал побродить по окрестным лесам («Иди, иди, чтоб ты в болото провалился!»), не напрягал с работой («Криворукий, косоглазый, тупой — три пол и ни к чему больше не прикасайся!») и разрешал жить в уютном тёплом сарайчике, где хранилось душистое сено («Живи, где хочешь, просто не попадайся мне на глаза!»).

Новый же Архимаг времени зря не терял. Оптимизация в Малой Цитадели прошла с размахом! По каменным полам больше не стучали сотни каблучков: количество учеников сократили на треть

(«Ходят и ходят, только работать мешают, сколько мы ещё будем учить их в долг»?!), службу в десять раз («Махнул тряпкой раз, махнул тряпкой два, и что? Деньги ему теперь плати?»). Из преподавателей оставили только тех, кто согласился работать во вторую смену уборщиком без доплаты («Вот так хорошо!»).

Зелень ковров и красочность гобеленов сменилась унылой серостью пустых стен — некому стало их чистить и посыпать алхимическим порошком от моли. Заложённые окна больше не пропускали тёплый солнечный свет — его заменили масляные лампы и подсвечники со свечами, которые каждый желающий мог приобрести в лавке, принадлежавшей сыну нового Архимага — успешному негодянту, который по слухам «всего добился в жизни сам».

Толстомыша не выгнали с работы по удачному стечению обстоятельств: чистку рядов службы новый Архимаг начал не с уборщиков, а с библиотекарей. А из библиотекарей больше всех ему не угодил самый старший из них — Химеш. Оказалось, что у Архимага на старика аллергия.

— Вы не можете меня уволить!

От страха потерять работу, на которой он провёл более столетия, Химеш даже шамкать перестал.

— Ещё как могу! — заявил Архимаг. — У меня справка есть, что вы мне мешаете работать. Алчхи!

— Я единственный в Малой Цитадели, кто умеет читать анфантидские иероглифы! — сообщил старик, нервно потирая левый глаз, в котором виднелось бельмо.

— И что?

— И то! — по-молодому сверкнув правым глазом, выкрикнул Химеш, решивший бороться за свои права. — В штате Малой Цитадели должен быть хоть один человек, кто умеет их читать. Так записано

в Уставе! Параграф две тысячи двадцать один дробь восемь! Как-то так!

— Апчхи-апчхи! — Архимаг открыл окованный железом пыльный том Устава на нужной странице. — Действительно, есть такой пункт, а к нему ремарочка, написанная ещё прежним Архимагом: данное правило является данью уважения к погибшей во тьме веков цивилизации великой Анфантиды, ибо Малая Цитадель была когда-то последним оплотом... бла-бла-бла... Ага! Вот ещё кое-что интересное написано. В Цитадели вы не единственный, кто знает, как читать анфантидские иероглифы.

— Не может быть! — искренне удивился старик, а потом, расхохотавшись, как ребёнок, спросил: — Толстомыш, верно?

— Апчхи!

Архимаг велел позвать Толстомыша и принести какую-нибудь книгу, написанную анфантидскими иероглифами. Такая книга в библиотеке Малой Цитадели была одна: «Тысяча и один способ магического уничтожения крыс и мышей». Толстомыш пришёл, развернул анфантидскую книжку-гармошку, пробежался глазами по ярким иероглифам, каждый из которых мог означать как отдельный звук, так и отдельный слог или целое слово, и имел с десяток разных толкований и принялся читать, на удивление легко и быстро:

— Если в доме мага заведутся мыши, крысы, либо другие грызуны, то знайте: извести обычным способом их вряд ли удастся, а магических способов известно тысяча и один. Способ первый: найти глухого музыканта, выдать ему флейту, сделанную из кости русалки, чтобы мелодией оных грызунов заморозить да утопить в козлином молоке. Способ второй: вымочить тапки молодого орка в эльфийском вине или укусе, пожарить их на сковороде и оным ды-

мом окуривать чертоги три дня подряд. Способ третий: вызвать демона Котопушиста и пожертвовать ему душу, можно две...

— Достаточно! Убедились, что Малая Цитадель в ваших услугах более не нуждается? — спросил Архимаг библиотекаря.

— Убедился, — зловеще ухмыльнулся Химеш, обнажив стёртые зубные пеньки. — Пойду вещи собирать. Не болейте!

— И вам не хворать! Апчхи, да что ж такое!

Химеш уехал, но перед отъездом заглянул в сарайчик Толстомыша и оставил ему «на почитать» две книги: анфантидский трактат «Тысяча и один способ магического уничтожения крыс и мышей» и «Краткую историю Малой Цитадели магии» собственного сочинения.

— Завёл на тебя бессрочную читательскую карточку, — сказал он полотёру. — Просвещайся!

— Спасибо, конечно, — сказал Толстомыш опальному библиотекарю, — но только зачем вы мне книги даёте? Читать я не люблю, да и могу я читать только иероглифы, а буквы, которыми вторая книга написана, я так и не выучил.

— А иероглифы ты, где выучить сподобился? — нервно хихикнул старик.

— Не помню.

— А как давно ты в Малой Цитадели?

— Не помню.

— А ты вспомни!

Вспоминать Толстомыш ничего не стал, а, забросив книжки в сено, в это же сено упал и заснул, так как притомило его чтение, больше, чем мытьё полов. Спал плохо, мучили кошмары. В них полотёр бегал на четвереньках по коридорам и старался кого-то укусить, но наткнулся то на невидимую стену, то на раскаленную кочергу. Разбудил его приле-

тевший ни свет, ни заря ученый ворон, работавший в Малой Цитадели курьером.

— Кар! Велено освободить сарай! Срочно!

— С каких таких делов?

— С таких, что здесь будет лавка для кар... кан... канцелярских принадлежностей. Дочка Архимага бумагу будет продавать, чернила и кар... кар... карандаши.

— А мне куда? — расстроился Толстомыш.

— В чулан!

— Там же портреты Друза Браншберриса, — удивился полотёр. — Забито ими всё до потолка.

— Велено сжечь!

— Ладно, — не стал спорить Толстомыш. — Сжечь, так сжечь, в чулан, так в чулан. Передай, что всё будет исполнено.

— Сам передавай, а я с обеда увольняюсь.

— Что так?

— Мне жалование сократили с десяти монет до семи!

— А я три получаю...

Толстомыш отправился в чулан, находившийся в цокольном этаже, вытащил портреты Друза и сложил их горкой на заднем дворе. Сложил и стал думать, чем бы поджечь? Спичек не было, денег, чтоб купить их в лавке сына Архимага, тоже — почти всё жалование полотёра списывалось на еду и одежду, а огненных заклинаний он не знал.

— Помо-о-оч-ч-ч-ч?

Рядом с будущим кострищем стояла, зябко потирая лапки, учёная саламандра, преподававшая на старших курсах магию огня.

— Помогите, пожалуйста.

Саламандра плюнула огненной слюной прямо на темечко Друза на ближайшем портрете. Пламя

разгорелось, и когда оранжевый столб взметнулся ввысь, саламандра запрыгнула в огонь.

— Фу-ух-х-х... ну хоть погреюсь. Увольняться, наверное, буду, — грустно заметила огненная ящерица, натирая бока угольками, словно мыльцем. — Представляете, вазон вечногорящий опечатали, и дрова теперь за свой счёт, то есть за мой, а мне зарплату сократили со ста монет до семидесяти.

— А я три получаю...

Толстомыш сжёг все портреты, кроме одного. Один оставил, чтоб прикрыть дырку в стене, из которой сильно дуло. Когда в диком танце серого пепла улетели последние следы портретов, Толстомыш забрал из сарая свои пожитки, библиотечные книги и пошёл заселяться в чулан. В чулане было как в чулане: маленькое и тёмное помещение с окном, затянутым бычьим пузырьём. Сыро, а из мебели лишь трёхногий стул, вместо кровати — тюфяк с гнилой трухой, вдоль стены, напротив портрета Друза, с десятков мышинных ходов, которые никто никогда не заделывал.

— Жить можно, — сказал Толстомыш, оглядев своё новое жилище, а, заметив краник со сломанным вентиляем, откуда холодненькая водичка сочилась в ржавый тазик, так и совсем повеселел.

И вправду, зажил Толстомыш в чулане ненамного хуже прежнего, а вот в Малой Цитадели дела, с тех пор как сожгли портреты Друза Браншберриса, шли неважно. Впервые за века в ней завелись и мыши, и крысы.

Это было ЧП местного вселенского масштаба! Проклятые серые вторженцы грызли свечи, мыло, алхимические ингредиенты, портили бумагу и даже нагло, в открытую гадили на головы учеников с прикроватных этажерок. На стол Архимага один за другим ложились доклады о бесчин-

ствах грызунов, по голубиной почте прибывали записки с просьбой о помощи, а самые нетерпеливые просители отправляли свои мыслезаявления прямо в благостные сны нового руководителя.

По Малой Цитадели поползли нездоровые слухи. Кто-то клялся-божился, что видел, как мыши проводили турнир по крикету, кто-то уверял, что столкнулся с крысой величиной с барашка: она стояла на двух лапках, курила трубку из ячменного колоса и настойчиво интересовалась, как пройти в библиотеку? А кто-то бился в истерике, рассказывая всем желающим и не желающим, как грызуны его поймали, пытали и заставляли писать на стенах и на заборе пошлости и непристойности в адрес нового Архимага.

Также наглые грызуны нанесли ощутимый материальный ущерб сыну Архимага: прогрызли в бочке с лампадным маслом дыру, после чего весело купались в лужах энергоносителя, пока весь ценный товар окончательно не впитался в землю и не исчез. Это стало для семейного кармана сильнейшим ударом, заставившим Архимага задуматься о крайних полумерах. Правда, он пока не знал о каких, но тут и случай подходящий скоро представился...

— А у тебя крысы-мыши бегают? — поинтересовался у Толстомыша уставший, валяющийся с ног, повар — мускулистый орк, обладатель внушительного пуза и не менее внушительного поварского колпака.

Бывший наёмник, вспомнив боевую молодость, всю ночь отбивался половником от серых агрессоров, защищая продуктовый склад.

— Да вроде нет, — ответил Толстомыш, получая полную миску бобовой похлёбки и озадаченно принюхиваясь к красным кругам, расплывшимся по поверхности густого варева. — Хотя знаешь,

каждое утро я выбрасываю из своего чулана пару-тройку трупиков.

— Хм? И от чего это они у тебя там дохнут?

— Понятия не имею.

Слухи о том, что в чулане Толстомыша дохнут грызуны, дошла и до Архимага, он так заинтересовался этим феноменом, что сам к полотёру заглянул. На ночь глядя.

— Трактат анфантидский у тебя? — спросил он, с порога поморщившись на портрет Друза.

— У меня, — не стал отпираться Толстомыш. — Хотите забрать? Забирайте.

— Нет, хочю, чтоб ты ещё почитал. Вот я тебе свечек и спичек принёс. Зажги и читай. На чём мы в прошлый раз остановились? На вызове демона Котопушиста?

— Да, — кивнул Толстомыш, пригласил Архимага присесть на колченогий стульчик, сам устроился на тюфяке и принялся читать: — «... Можно две, а лучше три или даже десять...».

— Пожертвовать демону Котопушисту десять душ? — задумался Архимаг. — Да не проблема! Выберем из учеников-задолжников. Читай, как вызывать!

— Не могу — к Трактату полагается Приложение номер один, но его нет.

На самом деле Приложение имелось, но Толстомышу было лень искать.

— Плохо. Читай дальше.

— Способ четыре: в Приложении номер два вы найдёте простой и лёгкий способ уничтожить грызунов точечным землетрясением, так же этот способ подходит для выведения клопов и тараканов.

— Приложение номер два есть?

— Нету, — соврал, не моргнув глазом Толстомыш, и продолжил: — Способ пять: расчешите частым

гребнем оборотня, наловите блох и натравите их на крыс. Покусанные крысы обернутся крысолаками. Наймите их на службу, организуйте из них банду и завоюйте с ними мир...

И снова после чтения анфантидской книги Толстомышу приснился страшный сон. Будто прямо из стены вышел зубастый старикашка и ну, кошмарить, стыдить и изводить попреками.

«Вы уничтожили обо мне память! Вам не стыдно?» — «Да не особо», — отмахнулся во сне Толстомыш. — «А вы кто?» — «Я кто?! — возмутился старик. — Я знаменитый волшебник и охотник на монстров Друз Браншберрис. Я тот, чьи портреты вы сожгли». — «А-а-а... ну, извините, не признал. Вы волшебник, а я уборщик. Мне приказал Архимаг, я и сжёг».

«Так это не вы явились инициатором данного варварства, а Архимаг? Хм... А вообще, как дела?» — внезапно изменил тон Друз. — «Слышал, вас мыши-крысы одолели?» — «Да, есть такое. Но меня больше замучил Архимаг», — решил пожаловаться на жизнь Толстомыш. — «А что так?» — «Читать заставлял, глаза теперь болят, будто в песке». — «Это с непривычки, а вообще читать полезно», — заговорщицким голосом прошептал Друз. — «Только Трактат нужно не сначала читать, а с конца».

«Не хочу читать!» — заупрямился Толстомыш. — «А чего хочешь?» — «Пяткой за ухом почесать!» — «Ну и почеси!», — разозлился Друз.

Проснулся Толстомыш оттого, что чесал себя шершавой пяткой за ухом.

Работать в тот день он не смог — очень болело всё тело, особенно аккуратно посередке между ухом и пяткой. Толстомыш остался в своём чуланчике, заскучал и, от нечего делать, решил заглянуть в ко-

нец трактата, и прочёл там такое: «Способ тысяча первый. Медитируйте». И далее:

«Я — Химеш, младший библиотекарь Малой Цитадели пишу это на чистых листах, собственноручно мной подклеенных к анфантидской рукописи с целью потренироваться в написании иероглифов погибшего народа, утонувшего в пучине времён, а также с желанием оставить ценный совет по борьбе с мышами и крысами следующим поколениям.

Способ тысяча второй. Все способы, перечисленные в данной книге, есть плод измышлений древних мошенников, противоречащий здравому смыслу, и ничего более. Единственный действенный способ магически извести мышей и крыс такой: повесить в каждой комнате, коридоре и башнях-нужниках портрет нашего благодетеля Друза Браншберриса, завещавшего своё имя гильдии магов и основавшего в нём Малую Цитадель магии. Оный портрет крыс и мышей, на него посмотревших, убивает, умирают они от сердечного разрыва быстро и безболезненно. А ежели портреты уберут, сожгут или потеряют...».

Дальше Толстомыш не читал. Его одолела задумчивость, чего раньше с ним, насколько он помнил, никогда не приключалось. Он оторвал последнюю страницу Трактата, скомкал, сунул в рот, пожевал, запил водичкой из ржавого тазика и проглотил. Потом, превозмогая боль, доковылял до столовой и попросил себе еды на неделю сухим пайком.

— Увольняться буду, — заявил ему с порога повар, промывая уксусом раны. — На такое я не подписывался! Опять порченые корнеплоды, опять мышинный горошек в крупе и руки-ноги все искусаны! И ещё требуют от меня хорошей стряпни! Мне в армии за день такой работы платили тысячу монет!

— А мне три платят... в год, — грустно сказал Толстомыш.

— ...кошечек моих всех извёл. Изверг! Паразит! — плакался повар полотёру. — Аллергия у него говорит. Собрал моих пушистиков и...

Действительно кошек, коих в Малой Цитадели магии испокон веку привечали, новый Архимаг велел всех собрать в магическую сеть, заложить в катапульту и отправить сей вопящий и шипящий комок шерсти, когтей и зубов на историческую родину — за речку, в болота, поросшие камышом.

— Химеш тоже там теперь живёт. Рыбку им ловит, такие дела, — вздыхал повар. — Чего хотел-то, Толстомыш?

— Я же говорю, продуктов бы мне на недельку или хотя бы на денёк.

— Что же тебе дать, бедолага? — почесал голову под колпаком повар. — Почти всё проклятые грызуны испоганили, что не съели, так понадкусывали... — задумался он. — О! Наш маг-траволог вывел новое растение. Ни вкуса, ни запаха, сорняк бесполезный, одним словом. Перетёр я жёлтые зерна в муку, но мыши и туда нагадили. Я муку просеял, сделал тесто, но получились комки и хлопья. Пережарил с маслом и... м-м-м... объединение!

Повар сунул в руки Толстомышу красное ведро с чем-то сладко пахнущим и золотистым, и пошёл собирать вещи. Полотёр направился к себе в чулан, но по дороге увидел, как мыши и крысы пытаются запустить лифт...

Тут нужно вернуться немного назад и вспомнить, что одним из первых распоряжений нового Архимага было увольнение бригады лифтёров — троллей-воротовращателей, обеспечивающих бесперебойную работу цитадельного лифта. Сутулые пятиглазые здоровяки с бугристыми мышцами зло фыркали, получая свой последний расчёт у каз-

начая, уволенного вслед за ними. Освободившиеся средства тут же были потрачены Архимагом на магический лифт для руководства — то есть для себя любимого. Была проложена длинная прозрачная труба из кишки редкого вида виверны и использована магия воздуха. Сосредоточенная в мешке с морскими ветрами, она возила единственного пользователя вверх-вниз, заодно освежая одежду и поправляя причёску.

А теперь: мешки прогрызены, ветра освобождены из заточения — беснуются в вышине, создав над Малой Цитаделью чёрную воронку, а добрый десяток рослых чёрно-бурых крыс, размером не меньше годовалого барашка, впряглись в ярмо, тянущее за собой ворот с перемещающим лифт тросом.

Когти крыс царапали пол с пугающим скрежетом, от натуги глаза грызунов и без того красные, наливались сияющим алым цветом крови. Слаженности их действий могла бы позавидовать имперская гвардия: пока одни тянули на себя ремень, другие натужно пища и скалясь, двигали части механизма. Лопухий мышонок хвостом выбивал ритм по импровизированному барабану из старой тарелки, перевернутой вверх дном. От этого удивительного зрелища узкие глазки Толстомыша раскрылись так широко, что на какое-то мгновение он мог сойти за эльфа. Полотёр не заметил, как зажевал треть ведра хлопьев, ведь ничто так не захватывает внимание как чужая работа!

Толстомыш подносил ко рту всё новую и новую порцию, не замечая, что некоторые золотистые чешуйки сыплются у него изо рта и падают на пол. Молоденькие белые крыски подбирали упавшие хлопья, складывали их в аккуратный холмик у ног полотёра, каждый раз при этом приседая и делая красивый книксен.

Крысы дёргали ворот раз за разом, пока несмазанная конструкция со скрипом не повернулась, и лифт для персонала не ожил! Толстомыш как раз одолел полведёрка хлопьев, размышляя на тему: «А зачем же им лифт? Крысы-мыши и так прекрасно бегают по своим ходам в стенах и полах!». Также ему вспомнилось, что главным назначением лифта было помогать персоналу и учащимся быстро добираться до башенок-нужников.

Ах, как же давно Толстомыш не делал свои дела чинно, задумчиво, разглядывая бескрайние леса вокруг Цитадели, слушая пение пташек, залетавших иногда на балкон башенки. Неплохо было бы там посидеть в тишине и покое, возможно, даже почитать книгу, записанную анфангидскими иероглифами, ибо, чем же ещё заниматься в подобном благословенном месте? И тут в животе полотёра предательски булькнуло, а мигом позже налилось такой тяжестью, что стало кристально ясно — нужно бегом бежать либо к своему горшку в чулан, либо в башенку-нужник. Верно оценив обстановку и оставив мышино-крысиную аналитику нервно курить в сторонке, Толстомыш со всех ног кинулся к лифту, не замечая и не задумываясь о том, почему все — от маленького мышонка до гигантской крысы с шерстью, утыканной ядовитыми иглами, почтительно расступаются перед ним в элегантных поклонах.

Тем временем в Малой Цитадели объявили осадное положение, а заодно и эвакуацию. И очень вовремя! Крысы в латах ломались во все двери, иногда помогая себе тараном из выворотня, мыши били стёкла из арбалетов, люди тянули на себе всякий ценный скарб, разбегаясь, кто куда. И среди всего этого хаоса существовал всего лишь один островок безмятежного покоя.

Измученный спасением имущества, вытирая со лба обильно текущий из-под высокой конусообразной шляпы пот, Архимаг взглянул вверх. Там, между шпилей, молниеотводов, флюгеров, щитов дальновидения и всё ещё извергавших сизый дым печных труб, находилась смотровая площадка астрологической башни. Прямоком из башенки-нужника на неё проследовал довольный, не пойми чем, полотёр Толстомыш с красным ведёрком подмышкой. Поправив на свисающем животе широкие серые штаны, он уселся на скамеечку и с превеликим интересом принялся следить как горит огонь факелов крыс-латников, течёт вода вперемешку с финиками и котлетами из выроненного кем-то рога изобилия, как сражаются между собой люди и грызуны. На всё это бессовестный уборщик взирал, будто зритель в театре, сидящий в уютной ложе, с аппетитом поедая при этом что-то из ведёрка — по-босяцки, без ножа и вилки. Возмущённый Архимаг знаками велел Толстомышу спуститься вниз, пинками загнал в чулан и стал на него орать:

— Я знаю, что хитрый Химеш решил мне отомстить! Натравил на мою Цитадель грызунов, и только тебе открыл секрет, как с ними бороться! Не смей жевать, когда я с тобой говорю!

— Всё, всё, уже доедаю, — с досадой сказал Толстомыш, вытряхивая остатки хлопьев из ведёрка прямо себе в рот.

— Доставай анфангидский трактат и читай!

— Нет, — заупрямился Толстомыш, понимая, что у него опять будут болеть глаза, а потом ночью сниться кошмары. — Лучше... лучше вы мне почитайте! — сказал он, и сунул в руки Архимага фолиант в кожаном переплёте.

— Ах, ты ж нахальный полотёришка! — воскликнул Архимаг, но потом рассмотрел на книге назва-

ние: «Краткая история Малой Цитадели», а самое главное — имя автора — Химеш. Он решил не ругаться с единственным человеком, который, вероятно, знал тайну борьбы с грызунами, а уважить его просьбу. А вдруг и в этой книге найдется что-то полезное?

— Ладно, с какого места тебе почитать?

— Э-эм... с начала.

Первые страницы книги были не разрезаны. Ученики, бравшие книги для подготовки занятий, читали только заданные им параграфы, так что никто не удосужился разрезать страницы там, где было Предисловие от автора. Ловко разделив страницы острым холёным ногтем, Архимаг раскрыл книгу на самой первой странице и принялся читать:

«Как известно всем образованным людям, основателем Малой Цитадели магии (далее МЦМ — прим Х.) является Друз Браниберрис — великий волшебник, ценитель искусства и охотник на монстров.

В молодости, когда его коллеги-маги развлекались и шалили по трактирам и тавернам, Друз Браниберрис с почётом был принят в состав военно-научной экспедиции. Впервые за долгие годы существования коллегии маги-археологи, лингвисты-окультисты, онейроманты, натурфилософы, астрологи, алхимики и охотники за древностями объединились и проникли на земли пятиглазых троллей, кочевавших по мёртвым городам Анфантиды.

На развалинах некогда величественной столицы погибшей цивилизации — Эльфиниума, на руинах каменных дворцов, среди обломков статуй, Друз подобрал маленького демонёнка — шестилапого, двухвостого котёнка-циклопа, который был ранен и напуган. Друз выходил котёнка-демона, тот привязался к своему спасителю и рассказал историю своей жизни, а заодно и тайну гибели Анфантиды...

Всё началось с несоблюдения санитарных правил и норм гигиены, а также с экономии на обслуживающем персонале. Как следствие, в королевском дворце и в прочих важных учреждениях расплодилось мыши и крысы. А так как король, как и вся знать Анфантиды были магами, то обычные способы борьбы с грызунами оказались бесполезны.

Из королевской казны выделили немалые средства на борьбу с грызунами и потратили их на поездку тысячи и одного мага-учёного на тёплый остров, где была проведена научно-магическая конференция. По материалам конференции был написан трактат «Тысяча и один способ борьбы с крысами и мышами (далее КИМ — прим Х.)». Из трактата методом научного тыка был выбран способ номер три: вызов демона Котопушиста. В жертву демону был выбран молодой переписчик книг, безродный сирота, по имени Химеш; которого взяли на работу по объявлению. Стоит ли удивляться, что вместо взрослого демона-кота у анфантидских магов получилось вызвать лишь котёнка?

Сначала Котопушист худо-бедно справлялся со своими обязанностями, но КИМ решили, что они ничем не хуже людей и вызвали своего демона. КИМ провели чемпионат по крикету, после которого команда, занявшая второе почётное место, в полном составе была принесена в жертву. Грызуны присели на задние лапки и, подняв головки вверх завывали: «Ыгыыыыыыыыыы», после чего схлопнулись и превратились в пыль, а крыса-судья пропищала: «Мы посвящаем эту жертву тебе, Крысозавр!». Да, изначально грызуны хотели вызвать демона Крысозавра, но Толстомыш — демон-хомяк, гроза библиотек, тоже всех устроил. Под его предводительством грызуны за одно поколение лишили анфантидцев достижений науки и культуры, цивилизация захирела, быстро докатилась до невыноса мусора, курения полыни и паслёна прямо в общественных

местах и прочих мерзостей, и была вскоре добита ордами троллей.

С троллями Толстомышу делить было нечего. Он отдал им всю Анфантиду и распустил армию по норам. Сам демон-хомяк обосновался в королевском дворце в разрушенном Эльфиниуме, где предавался безделью и доедал книги из запасников. Он съел всё. Трактат уцелел лишь потому, что кто-то из учёных мужей забыл его в нужнике, а Толстомыш по причине врожденного бескультурья нужником не пользовался, а гадил в ржавый тазик.

Друз с помощью простейших заклинаний, а также знаний стратегии, тактики и теории шахмат, захватил Толстомыша в плен, превратив в слугу-полотёра, и сделал захваченный дворец своей резиденцией. Трудов особых это Друзу не доставило: демон-хомяк, хоть и был силен, как вол и сильно зубаст, но при этом глуп, как пробка, ленив, рассеян и совершенно необразован. Обнаружился забавный факт: съев книги, написанные анфантидскими магами, демон-хомяк чудесным образом приобрёл способность читать иероглифы. (Ха-ха-ха — Прим. Х.). Войска грызунов, узнав, что их вождь порабощён, предпринимали неоднократные попытки его освободить, но пока был жив Друз Браниберрис, сие оставалось невозможно.

Когда пришло время умирать, Друз всю свою магию вложил в собственные портреты и завещал устроить в бывшем королевском дворце в центре столицы Анфантиды, а ныне — в замке, стоящем в глухом лесу, учебное заведение для юных магов из провинций.

После смерти Друза, я — демон Котопушист, принял облик человека, принесённого мне в жертву, и взял его имя. Возвращаться в демонический мир у меня нет никакого желания. В мир людей я попал, потому что ближе всех стоял к порталу, а дорогие родственнички взяли меня за шесть лапок и два хвостика и просто туда зашвырнули, чтоб он закрылся. Видите ли, им оттуда дуло!

Итак, после смерти моего друга и благодетеля, я остался в Цитадели в людском облике для того, чтобы оберегать книги, вспоминать старые времена и приятно проводить время в обители, давно ставшей мне домом. Единственным родным домом, что я знаю.

Выполняя наказ покойного друга Друза, я написал «Краткую историю МЦМ» и склеил первые страницы, дабы Предисловие не было прочитано раньше срока.

Добавлю, что последней просьбой Друза Браниберриса было следующее: «Ежели главой МЦМ станет человек недостойный, думающий лишь о себе и о своих детях, а более ни о чём и ни о ком, то прошу тебя — Котопушист, помоги Толстомышу всё вспомнить и обрести себя. Ведь тот ни в чём, в сущности, не виноват. Он также вырван из своего мира, как и ты, только тебя в твоём обижали, а он крутил колесо, от которого зажигались звёзды. Уничтожь все мои портреты и увидишь, какое начнётся веселье».

Стены не затряслись, и небеса не упали на землю, но Архимаг выронил из рук книгу и кинулся к стене, на которой висел портрет Друза. Он даже успел снять его и, выставив на манер щита, попятился к двери. Толстомыш же сделал то, чего никто, в том числе и он сам, не ожидал. Вытянув вперед руки, он бросил своё тело вперёд, пробивая головой холст.

Как известно, искусство меняет людей, но стоит отметить, что не всегда в хорошую сторону! Последний портрет Друза, прорванный демоном-хомяком, изменил последнего до неузнаваемости: Толстомыш стал ниже в два раза, и в два раза толще, на место скромного животика пришло окладистое пузо, ногти вытянулись и загнулись, двухдневная щетина подросла, оформившись длинными усами-вибриссами, а серая форма сменилась роскошным персиковым мехом. Маленькие чёр-

ные глазки гигантского хомяка налились огнём, уши заострились на манер эльфийских, а рот расширился: чуть глуповатая улыбка мелкозубого полотёра стала акульей пастью острых, как кинжал, зубов ряда в три. А ещё он застрял в раме...

Толстомыш клацнул зубами в сторону Архимага. Он и не думал его пугать, просто хотел попросить, чтоб тот помог снять с толстого брюшка раму от портрета. Но Архимаг этого не понял и с криком бросился бежать.

Путь Архимага пролегал по пустому коридору – мимо погасших изгрызенных свечей в подсвечниках, площадок для мышинных игр в крикет и крысиных – в салочки. Далее была лестничная развилка и путь либо вверх, либо вниз. Можно было подумать, что Архимаг побежит вниз, к выходу, но он рванул вверх! Пробежав восемь лестничных пролётов, Архимаг осознал, что в правом боку предательски колет, во рту появилась горечь, а недавно уволенная вампириша-медичка была абсолютно права, когда говорила, что даже при кабинетной работе не стоит пренебрегать физическими нагрузками.

Но он продолжил бежать, в отчаянной попытке добраться до потайной комнаты, откуда шёл потайной тоннель, где бегала волшебная тележка, способная увезти Архимага напрямик в столицу, а может и за границу.

И вот беглец уже добежал до потайной двери и даже дёрнул её за ручку, благоразумно замаскированную под подсвечник, но дверь не поддавалась. Предательски молчали несмазанные петли, ибо дёготь для них новый руководитель цитадели перестал оплачивать, ведь кому нужны какие-то там тайные ходы, когда и так кругом необоснованные траты?

За спиной Архимага дико верещал демон: «Помогите! Пузо застряло!» В чулан со всех концов устремлялись бригады крыс, тащивших ящики с инструментами. Всё это прибавило Архимагу прыти: в три прыжка одолел он добрых двадцать ярдов, выбил плечом дверь на астрологическую площадку и... «пошёл на повышение», в том смысле, то там его ждали морские ветра, ранее пленённые в персональном лифте. «Эксплуататор! – слышалось среди рёва и свиста. – Знаешь, сколько нам платили за такую работу демиурги?! Долой преступную власть! Кто не дует, тот зефир!».

Ветра схватили Архимага за руки-ноги и полы бархатного халата и зашвырнули и центр портала, образовавшегося в «чёрном глазу» циклона. Портал сразу же исчез, тучи разбежались, и небо стало индиговым с лёгким белым кружевом у горизонта.

Толстомыш поблагодарил свою армию за помощь, раздал награды и распустил по норам, оставив небольшой гарнизон из крысоловов, мышеобразов и грызофилов, а также летучий отряд почётных крыс – голубей.

А потом Толстомыш отправился в библиотеку, но книги, по своему обыкновению, он не тронул. Задумчиво постоял, посмотрел на огромные стеллажи, теряющиеся во тьме старинных сводов, вспоминая слова своего покойного врага Друза Браншберриса: «... глуп, как пробка, ленив, рассеян и совершенно необразован...», а также «... крутил колесо, от которого зажигались звёзды». Присел за столик. Велел мышеобразам и грызофилам принести всю документацию из бухгалтерии. Позавтракал хорошей переплетённой бумагой, заодно и пообедал. Попросил грамотного крысолова найти ему в библиотеке «Букварь» и книги, где есть картинки звёзд и колёс, а голубей послал на болота за Котопушистом. **UC**

Девятая строфа

Андрей Сидоркин

Был я как-то проездом в Санкт-Петербурге. И, пользуясь случаем, заехал на чай к Димасу, старому знакомому по Екатеринбург. Димас, пару лет назад переехавший от нас в Питер, снимал комнату в коммуналке на Васильевской острове. Встретил он меня на выходе из метро «Василеостровское».

Сначала, мы пили чай в ближайшем от метро пивбаре. Потом, купили в магазине пол-литра чая и пошли на Университетскую набережную, где хорошо почаёвничали рядом с гранитными Свинками. После чего, взяв ещё какого-то чаю, пошли к Димасу в коммуналку, где всё это приговорили под разговоры и песни собственного сочинения.

Насчёт чая это я сознательно соврал. Я так-то вообще никогда не вру, и во всей этой истории, которую я пытаюсь рассказать, единственное враньё будет только про этот самый чай. Враньё про чай обосновано цензурным соображением, так как читателями моего рассказа вполне могут быть дети и подростки до 18 лет, беременные и кормящие женщины, лица с заболеваниями центральной нервной системы, почек, печени и других органов пищеварения, а им это «дело» противопоказано. Я эту информацию на чае читал. Вот опять соврал про чай, но это в последний раз! А сейчас перейдём к голым фактам.

Незадолго до закрытия метрополитена, в состоянии Ботхисаттвы, я покинул Димаса и на последнем поезде доехал до Невского Проспекта. Ночи стояли белые, Невский гулял, и я, купив шавермы, тоже решил пройтись. Народу была тьма. Чтобы не наткнуться на людей, я свернул на Набережную реки Мойки, и около дома № 40 меня окликнула старушка, странно одетая, что могло бы удивить у нас в Екб, но никак не в Питере.

— Мил человек! Погоди-ка! — махнула она рукой.

Я остановился. Старушенция бодро просеменила ко мне и, подойдя почти вплотную, сморщила нос:

— Пил?

Я утвердительно кивнул.

— Пойдём-ка со мной!

— А что случилось?! — удивился я.

— Помощь нужна. В номерах расскажу. — И, не сомневаясь, пошла к парадному входу.

Я двинулся за ней. Мы поднялись на третий этаж в номер «33» с двумя комнатами и столовой, где находилась самая настоящая печь с пытящим на ней самоваром. На столе был расставлен чайный набор, варенье и сухари.

— Садись-ка пока, — сказала бабуля, и начала разливать чай.

Я сел.

— Стишками балуешься?

— Да не то чтобы, ну так, случается... А что, и с чего Вы это взяли? — озадачено ответил я.

— У вас тут в Петербурге ночью любого пьяного останови — либо свободный поэт, либо независимый художник, либо великий русский композитор окажется. Да, они пусть и небольшого ума, но хотя бы безобидные. А порой случится, да и на либерала напорешься. Удивительно, но до того бесполезный народец! А до чего злющие то! Ты случаем не из этих? — Она прорентгенила меня подозрительным взглядом и продолжила:

— Да вроде нет. От тебя вон, водкой и шавермой разит, а эти то, нынче, всё больше вегетарианцы и на ЗОЖе. А в наше время они утро шампанским начинали. Ангел-то мой, Александр Сергеевич, по младости лет, тоже с ними яшкался. Ну да, Бог уберёт, в Михайловском в ссылке отсиделись,

поумнел чуток. Эти-то, его собутыльники с лица, кто на каторге, а кто и на виселице даже! А мы вот тут пока... раскидала жизнь-то... Ты рот-то прикрой, муха залетит! — При этом она пододвинула мне чашку с блюдцем и пиалу с вареньем

— Тебя как звать, милоч?

— Андреем.

— А я Арина Родионовна. Пушкина знаешь? Ну-ну, взгляд-то не отводи, не сумасшедшая я. И сам держи себя в руках, не свихнись. Ты мне в сознании нужён. Ешь давай, да вникай в суть дела.

— В общем, слушай, Андрюша, и не падай сразу. В жизни оно всяко случается. Слыхал, как Иону кит проглотил и через три дня обратно живёхоньким выплюнул? Вот как! А тут-то, у нас вообще плёвое дело! Подумаешь, попал из 2012 в 1827 год, делов-то! Вот, царь Соломон, когда набрал себе 800 штук жён, вот он попал, так попал! Ну, к делу! Мы, с ангелом моим, Александром Сергеевичем, сами-то из Москвы будем, а в Петербурге сейчас квартируем по необходимости. Пишет он тут. Поначалу, как заехали сюда, в Демутов трактир, напал на него, — как он сам говорит, — бес стихотворства. Он... писал целыми днями. Стихи грезились ему везде, и даже во сне, так что он ночью вскакивал с постели и записывал их впотьмах. Когда его прохватывал голод, он бежал в ближайший трактир, стихи преследовали его и туда, он ел на скорую руку, что попало, и убегал домой, чтобы записать то, что набралось у него на бегу или за обедом. Таким образом, слагались у него сотни стихов в сутки... Он кончил, «Полтаву», помнится, в три недели. Как безумный, не спал неделями и снова взялся за «Онегина», стал корректировать первую главу и упёрся в девятую строфу и...

ни туда и ни сюда. Ни словечка не может уже третьи сутки. Втемяшил себе в голову, что если не напишет её до утра, сожжёт всего Онегина в печи! А издатели-то ждут. Да и за него боязно, поедет крышей, а ведь гений, достояние, так сказать, России. Вот я и подмешала ему в коньяк кой-чего, чтобы уснул-забылся. Так что, давай, Андрюш, поднапрягись-ка и сочини ему эту проклятую девятую строфу в первой главе! А я ему утречком и подсуну её, авось обойдется.

«Вот ничего себе заявочка!», — подумал я, но ничего не сказал, так как всё ещё сомневался в благоразумии старушки. А она, продолжала:

— Ты мне, к примеру, прочитай, что-то из своего, из последнего. Чтоб я поняла, сгодишься или нет, я в этом деле разумею. Ты ведь за сегодня тут уже не первый, каких тока бездарей я тут чаем не поила, недельную норму сахара извела, Сашенька, придёт в себя — браниться станет.

Я, понимая, что имею дело с городской сумасшедшей, не сдержался и в шутку прочитал ей своё четверостишие:

*Туда-сюда на электричке
По двести километров в день.
Я отсидел себе яички
И сочинил вот эту хрень!*

Прочитал и покраснел. Арина Родионовна задорно усмехнулась, немного задумалась и сказала:

— Ну что ж... Хрень-то конечно, хрень. Но рифма кой-какая есть, и звучит хорошо! Хоть и околесица срамная. Ангел мой, Александр Сергеевич, тоже порой срамными стихами балуется, да что с вами, дураками, поделаешь, страстишки-с. Ладно. Сгодишься. Пойдём к нему в комнату.

Она взяла горящую свечу, и мы прошли в комнату, в которой стоял небольшой столик с чернильницей и диван с лежащим на нём человеком. Арина Родионовна наклонилась к нему и осветила лицо...

Это был он — Пушкин, Александр Сергеевич! Лежал на спине, к горящей свече боком, и тень от лица спроецировала на стену известный всему миру профиль. Он храпел, при выдохе причмокивая пухлыми губами. Правая рука свисала почти до пола, под ней лежала кипа исписанных бумаг.

Я, впервые, реально потеряв дар речи, подошёл к окну. Внизу ходили мужчины в цилиндрах, дамы в пышных платьях, проезжали экипажи и одинокие всадники. Ночной Питер как обычно гулял.

Сомнения отпали — я находился в одной комнате со спящим Пушкиным и его няней.

Арина Родионовна наклонилась, взяла из-под руки Пушкина бумаги и поманила меня пальцем обратно в столовую.

— Вот — почитай пока. Это «Онегин», первая глава. Уже половина романа готово. А в первой главе девятая строфа пропущена. Уже и десятая и одиннадцатая написаны, и дальше... а на девятой у него заклинило. Есть тут какие-то наброски, посмотри. — Она положила передо мной на стол бумаги и засуетилась с самоваром. — Давай, милок, не подведи.

«Онегина» я до конца в своё время не осилил, но начало романа, про «дядю самых честных правил», конечно, помню. Найдя первый лист, я начал читать. После восьмой строфы, были написаны две строчки:

*Нас пыл сердечный рано мучит,
Очаровательный обман.
.....
.....*

И дальше было много зачеркнутых строк и слов. Кое-что можно было разглядеть, например:

.....

Не насладились мы ничем –

Зато как женщин он узнал.

Оттолкнуться было отчего, и я стал кумекать.

Арина Родионовна, понимая, что творить удобней в одиночестве, пошла вниз за водой и углем для самовара. Я остался один, и как-то сами собой мне стали приходиться на ум строчки, которые я записывал в телефон, так как пером писать не умею. Вдруг, открылась дверь, и в столовую вошёл Пушкин с заспанным лицом. Я еле успел убрать бумаги под стол. Увидев меня, он протёр глаза и спросил:

– Вы кто изволите быть?
 – Я... э-э-э. Это самое...
 – Посыльный? – перебил он меня.
 – Ага, – кивнул я.
 – От барона Дельвига? – уточнил Пушкин.

И, не дожидаясь ответа, махнул рукой и сказал:

– Потом, потом, всё потом, – после чего подошёл к подоконнику и взял оттуда бутылку шампанского. Посмотрев на неё, он сморщился, протянул бутылку мне и попросил:

– Будь другом, открой!

Я открыл. Он поставил на стол два бокала и разлил. Мы выпили. Пушкин выдохнул и со словами: «Потом, всё потом! Объясни Антону, он поймет», ушёл в свою комнату и снова лёг на диван.

Я вытащил бумаги из-под стола и стал читать другие записи, которые к Онегину, видимо, не относи-

лись. Мне попалось небольшое стихотворение, обращённое к какой-то даме. Тоже не законченное. И я, обнаглев и ощутив азарт, а может быть, оседлав того самого беса-стихотворца, дописал этот стишок.

Тут вошла Арина Родионовна и сразу спросила:

– Ну как?

– Готово, – ответил я, – Вы, знаете, пока Вас не было, Пушкин выходил и меня видел.

Она посмотрела на бутылку и бокалы, покачала головой и сказала:

– А, всё равно не вспомнит, да и ты назавтра забудешь. Я устрою. Ну, так что там у тебя вышло? Читай! Смущаясь, я ей прочитал:

*Нас пыл сердечный рано мучит,
 Очаровательный обман.
 Любви нас не природа учит,
 А низкосортный графоман.
 Хотим её узнать пораньше
 И слепо верим этой фальши.
 Мы всё узнали, между тем
 Не насладились мы ничем.
 И страстный опыт обрета,
 Теряем вечное блаженство.
 На миф, меняя совершенство,
 Мы радуемся, как дитя.
 Онегин это испытал.
 Зато как женщин он узнал.*

– Ну, что же, – сказала Арина Родионовна, – что-то в этом есть, давай-ка я запишу своей рукой, а утром скажу, что это он надиктовал – он часто мне диктует. А там уж, потом, сам решает.

– Арина Родионовна, я тут ещё один стих нашёл. Про любовь. И тоже дописал там три строчки. Можно? – спросил я. С ней было очень легко.

— Давай!

Второй раз читать было легче:

*Всё кончено. Меж нами связи нет.
В последний раз обняв твои колени,
Произносил я горестные пени.
Всё кончено — я слышу твой ответ.
Обманывать себя не стану вновь,
Тебя тоской преследовать не буду,
Прошедшее, быть может позабуду —
Не для меня сотворена любовь.
Ты молода: душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты.
И, хоть, словами полон я до немоты
Не буду изводить их понапрасну.
Всё кончено. The End. Кранты.*

— Что это ещё за «кранты»? — спросила Арина Родионовна. — Опять он какой-то девичей увлётся, ловелас! Ох, доведут они его до беды. Ладно, и это запишу, хотя не стал бы он мне личное диктовать. Поглядим завтра, с какой ноги встанет. Ну, что же, пора бы тебе и честь знать.

Записав наши с Пушкиным вирши, она встала и подошла к буфету. Достала оттуда бутылку коньяка, налила в стопку и, кинув туда щепотку чего-то, сказала:

— На-ка, выпей на дорожку. Не бойся, не отравя. Но утром ничего этого не вспомнишь. И не спорь! Так надо!

— Ладно, Арина Родионовна, выпью. Только ответьте на один вопрос. Как это так? Внизу на улице был XXI век, а тут XIX! Пушкин, Вы, Онегин... Как это работает? — спросил я.

— Да ты что, милоч! Я же старуха-то почти безграмотная. Откуда мне знать такие вещи? Что я,

Пушкин что ли? — она мне подмигнула и подала стопку: — Пей! И давай, до дому, до хаты. Утро уже, а тебе ещё забывать всё.

Я выпил. Коньяк как коньяк, ничего такого. И вышел на лестницу.

Уже на первом этаже, я вспомнил про Дантеса и побежал наверх, чтобы предупредить и няню, и Пушкина. Постучал в номер «33». Долго стучал. Наконец, за дверями послышались шаги, и мне открыл заспанный китаец.

Я удивился:

— Где Арина Родионовна? Где Пушкин?

— Какая пусикин? Пиво, водка... Не карасё. — И, погрозив мне пальцем, закрыл дверь.

Пока я спускался вниз, надиктовал на телефон, всё что случилось. Извини, старушка дряхлая моя, не хотел я, видимо, такое забывать. Хорошо, что успел, потому как потом — реально провал в памяти.

Утром, я проснулся без признаков похмелья, хотя последнее, что я помнил, это Невский проспект. Но как домой попал — не помню.

А через пару месяцев обнаружил на телефоне эту запись. Сначала я подумал, что это я наврал всё на диктофон. Но потом загуглил девятую строфу первой главы Онегина и обнаружил, что в опубликованной версии романа её нет!

Порылся в интернете и нашёл варианты этой строфы, которые Пушкин не включил в готовый роман. Там были и мои несколько строчек. Вот так вот!

Стих же про «Всё кончено...» таки остался в архивах не законченный. Видимо, не показала Арина Родионовна мой вариант.

Так что я по-прежнему никогда не вру. А «Онегина» надо дочитать. Он мне щас как родной!

УРАЛЬСКИЙ следопыт ISSN 0134-241X
www.uralstalker.com

03 (669) март, 2013

Приключения

УРАЛЬСКИЙ следопыт ISSN 0134-241X
www.uralstalker.com

11 (665) ноябрь, 2012

Под КАЙТОМ
по краю
земли

Путешествия

УРАЛЬСКИЙ следопыт ISSN 0134-241X
www.uralstalker.com

Краеведение
ВОГУЛЫ

УРАЛЬСКИЙ следопыт ISSN 0134-241X
www.uralstalker.com

ябрь, 2011

Фантастика

записки
объездного
врача

Зуб акулы (возраст около 40 млн лет)
предоставлен
Уральским Центром науки

След из бездны
времен

Подпишись и читай! Индекс 73413

ф.СП-1

АБОНЕМЕНТ										П6316		
на журнал										(индекс издания)		
Уральский следопыт. uralstalker.com												
на 20__ г. по месяцам										Кол-во компл.		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Куда												
Кому												

(фамилия, инициалы)

			Доставочная карточка									
ПВ	место	литер	на журнал									
			П6316									
			(Индекс издания)									

Уральский следопыт. uralstalker.com												
Стои- мость	подписки		___руб. ___коп.		Кол-во компл.							
	перед- ресовки		___руб. ___коп.									
на 20__ г. по месяцам												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	

Куда												
Кому												

(фамилия, инициалы)

Подпишись на журнал!

Аккуратно вырежь доставочную карточку. Заполни графу АДРЕС и приди в почтовое отделение. По каталогу Агентства «Газеты. Журналы» проводятся подписные кампании по России во всех отделениях ПАО «Почта России» и в странах СНГ, всего в более 40 000 отделений почтовой связи ПАО «Почта России» и альтернативных предприятий.

Журнал будут приносить ежемесячно домой, в офис или в почтовое отделение «до востребования».

Наш индекс в каталоге Агентства «Газеты. Журналы» П6316.